

Алтайский юридический вестник

Научный журнал Барнаульского юридического института МВД России

№ 1 (41) 2023

Главный редактор:

Симоненко Д.А., канд. юрид. наук

Зам. главного редактора:

Анохин Ю.В., д-р юрид. наук, профессор
Чечётин А.Е., д-р юрид. наук, профессор

Состав редакционного совета:

Аничкин Е.С., д-р юрид. наук, профессор
Бекетов О.И., д-р юрид. наук, профессор
Бучакова М.А., д-р юрид. наук, доцент
Васильев А.А., д-р юрид. наук, доцент
Герасименко Ю.В., д-р юрид. наук, профессор
Гончаров И.В., д-р юрид. наук, профессор
Грязнова Т.Е., д-р юрид. наук, доцент
Давыдов С.И., д-р юрид. наук, доцент
Деришев Ю.В., д-р юрид. наук, профессор
Ким Д.В., д-р юрид. наук, профессор
Кодан С.В., д-р юрид. наук, профессор
Кожевина М.А., д-р юрид. наук, профессор
Мазунин Я.М., д-р юрид. наук, профессор
Плаксина Т.А., д-р юрид. наук, доцент
Сорокин В.В., д-р юрид. наук, профессор
Сумачев А.В., д-р юрид. наук, доцент
Цуканов Н.Н., д-р юрид. наук, доцент
Шарапов Р.Д., д-р юрид. наук, профессор
Шкаплеров Ю.П., канд. юрид. наук, доцент

Состав редакционной коллегии:

Архипова Н.А., канд. юрид. наук
Бачурин А.Г., канд. юрид. наук
Белицкий В.Ю., канд. юрид. наук, доцент
Брагина А.Г., канд. юрид. наук
Ботвин И.В., канд. юрид. наук, доцент
Ермакова О.В., канд. юрид. наук, доцент
Киселёва М.А., канд. юрид. наук
Кукарцев В.Н., канд. юрид. наук
Малетина М.А., канд. юрид. наук
Овчинникова О.Д., канд. юрид. наук, доцент
Топчиева Т.В., канд. юрид. наук
Тырышкин В.В., канд. юрид. наук, доцент
Черепанова Л.В., канд. юрид. наук, доцент
Черепанова О.С., канд. юрид. наук, доцент
Шаганян А.М., канд. юрид. наук, доцент
Широва Э.Х., канд. юрид. наук
Шмидт А.А., канд. юрид. наук, доцент
Янгаева М.О., канд. юрид. наук

Ответственный секретарь:

Жолобова Ю.С.

Редактура: О.Н. Татарниковой, Ю.С. Жолобовой

Компьютерная верстка: О.Н. Татарниковой

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Регистрационный номер:
ПИ № ФС77-57487
от 27.03.2014

Журнал включен в Перечень
рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть
опубликованы основные научные
результаты диссертаций
на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой
степени доктора наук

Включен в систему РИНЦ 23.04.2013
(договор № 245-04/2013)

Подписной индекс
распространителя
по договору подписки
с ОАО «АРЗИ» Э70801

Учредитель: Барнаульский
юридический институт МВД России.
Свободная цена.

Адрес и телефоны редакции, издателя,
типографии: 656038, Алтайский край, г. Барнаул,
Барнаульский юридический институт
МВД России,
ул. Чкалова, 49, (3852) 37-92-70, 37-91-49.
[www.http://vestnik.buimvd.ru](http://vestnik.buimvd.ru)
E-mail: altvest@buimvd.ru

Научно-исследовательский
и редакционно-издательский отдел.

Подписано в печать 24.03.2023.
Выход в свет 31.03.2023.
Заказ № 102. Формат 60x84/8.
Ризографирование.
Усл. п.л. 12,0. Тираж 30 экз.

© Барнаульский юридический
институт МВД России, 2023

Altai Law Journal

Science Journal of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

№ 1 (41) 2023

Editor-in-Chief:

Simonenko D.A., Candidate of Science (Law)

Deputy Editor-in-Chief:

Anokhin Yu.V., Doctor of Science (Law), Professor

Chechetin A.E., Doctor of Science (Law), Professor

Editorial Advisory Board:

Anichkin E.S., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Beketov O.I., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Buchakova M.A., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Davidov S.I., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Grjaznova T.Ye., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Derishev Y.V., Doctor of Science (Law), Professor

Gerasimenko Yu.V., Doctor of Science (Law), Professor,

Honored lawyer of Russia

Goncharov I.V., Doctor of Science (Law), Professor

Kim D.V., Doctor of Science (Law), Professor

Kodan S.V., Doctor of Science (Law), Professor

Kozhevina M.A., Doctor of Science (Law), Professor

Mazunin Y.M., Doctor of Science (Law), Professor

Sharapov R.D., Doctor of Science (Law), Professor

Shkaplerov Ju.P., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Sumachev A.V., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Plaksina T.A., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Sorokin V.V., Doctor of Science (Law), Professor

Tsukanov N.N., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Vasilev A.A., Doctor of Science (Law), Professor

Editorial Review Board:

Arhipova N.A., Candidate of Science (Law)

Bachurin A.G., Candidate of Science (Law)

Belitskij V.Yu., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Botvin I.V., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Bragina A.G., Candidate of Science (Law)

Ermakova O.V., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Cherepanova L.V., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Cherepanova O.S., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Kiseleva M.A., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Kukartsev V.N., Candidate of Science (Law)

Maletina M.A., Candidate of Science (Law)

Ovchinnikova O.D., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Shaganyan A.M., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Shirova E.Kh., Candidate of Science (Law)

Shmidt A.A., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Tirishkin V.V., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Topchieva T.V., Candidate of Science (Law)

Yangaeva M.O., Candidate of Science (Law)

Executive Secretary:

Zholobova Yu.S.

Proofreading: O.N. Tatarnikova, Yu.S. Zholobova

Desktop publishing: O.N. Tatarnikova

The journal is registered in Federal Service
for Supervision in the Sphere

of Telecom, Information
Technologies and Mass Communications.

Registration certificate

PI No. FS77-57487 dated

27.03.2014.

The journal is included into the List
of peer-reviewed scientific
journals recommended by Higher
Attestation Commission
for publishing of major results
of dissertations for the degree of Doctor and
Candidate of sciences

Journal indexing:

RINTS contract

No. 245-04/2013 (23.04.2013)

Subscription index in the catalog

of «ARZL»

Agency Ltd is Э70801

Founder: Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia.

Uncontrolled price.

Address of editor, editor's
and printing office: 656038,
Altai territory,

Barnaul, Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,

Chkalovstr., 49, (3852) 37-92-70, 37-91-49.

www. <http://vestnik.buimvd.ru>.

E-mail: altvest@buimvd.ru

Research-evaluation
and publishing department.

Passed for printing 24.03.2023.

Issue date 31.03.2023.

Order 102. Format 60x84/8.

Conventional printed sheets 12,0.

Issue 30 copies.

© Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, 2023

Содержание

Теоретико-исторические правовые науки

<i>Борков В. Н.</i> Деятельность субъектов реализации функций государства как объект юридической охраны.....	5
<i>Герасименко Ю. А.</i> Правовые нормы-оговорки в российском законодательстве: постановка проблемы исследования.....	11
<i>Гогитидзе Д. А.</i> Принцип уважения в российском праве: в порядке научной дискуссии.....	16
<i>Гусев А. В., Савоськин А. В., Фалькина Т. Ю.</i> Решения Суда Евразийского экономического союза как акты толкования права.....	22
<i>Никулина А. В.</i> К вопросу об эффективности ведомственного нормотворчества.....	31
<i>Строева О. А., Мельник А. С.</i> Понятие и сущность концепта правопорядка в теории права.....	38

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

<i>Бачурин А. Г.</i> Профессиональная подготовка кадров французской национальной жандармерии.....	43
<i>Бондарь Е. О., Изютина С. В., Грачева Д. А.</i> Проблемы правового регулирования оформления результатов интеллектуальной деятельности в государственном и муниципальном контракте.....	50
<i>Коновалова Л. Г.</i> Законодательная инициатива о введении административной ответственности за угрозу убийством или причинением вреда здоровью при отсутствии признаков преступления.....	55
<i>Кубиясова А. М.</i> Вопросы реализации административной ответственности законных представителей несовершеннолетних за нарушение последними правил дорожного движения.....	66

Уголовно-правовые науки

<i>Илиджев А. А.</i> К вопросу об истоках Особенной части уголовного права России.....	74
<i>Семерьянова Н. А., Салимгареева А. Р.</i> Защита прав и законных интересов осужденных, отбывающих наказание в исправительном учреждении: проблемы правоприменения.....	82
<i>Тепляшин П. В., Молоков В. В.</i> Структура преступности в Российской Федерации: статистический анализ и криминологическая характеристика.....	89

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

<i>Borkov V. N.</i> Activities of Subjects Implementating the Functions of the State as an Object of Legal Protection	5
<i>Gerasimenko Ju. A.</i> Legal Norms-Reservations in Russian Legislation: Statement of the Research Problem	11
<i>Gogitidze D. A.</i> Principle of Respect in Russian Law: in the Order of Scientific Discussion.....	16
<i>Gusev A. V., Savoskin A. V., Falkina T. Yu.</i> Decisions of the Court of the Eurasian Economic Union as Acts of Interpretation of Law	22
<i>Nikulina A. V.</i> Revisiting the Efficiency of Departmental Rule-Making	31
<i>Stroeve O. A., Melnik A. S.</i> Concept and Essence of the Concept of Law Enforcement in the Theory of Law	38

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

<i>Bachurin A. G.</i> Professional Training of Personnel of the French National Gendarmerie.....	43
<i>Bondar E. O., Izutina S. V., Gracheva D. A.</i> Problems of Legal Regulation the Results of Intellectual Activity in the State and Municipal Contract	50
<i>Konovalova L. G.</i> Legislative Initiative on the Introduction of Administrative Responsibility for the Threats of Murder or Injury to Health in the Absence of Signs of a Crime	55
<i>Kubiyasova A. M.</i> Issues of Realization of Administrative Responsibility of Legal Representatives of Minors for Violation of Traffic Rules	66

CRIMINAL LAW SCIENCES

<i>Ilidzhev A. A.</i> Revisiting the Origins of the Special Part of Russian Criminal Law	74
<i>Semeryanova N. A., Salimgareeva A. R.</i> Protection of the Rights and Legislative Interests of Convents Serving Sentence in a Correctional Institution: Problems of Law Enforcement	82
<i>Teplyashin P. V., Molokov V. V.</i> Structure of Crime in the Russian Federation: Statistical Analysis and Criminological Characteristics.....	89

Теоретико-исторические правовые науки

Алтайский юридический вестник. 2023. № 1 (41). С. 5–10.
Altai Law Journal. 2023. № 1 (41). P. 5–10.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 342

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУБЪЕКТОВ РЕАЛИЗАЦИИ ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА КАК ОБЪЕКТ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОХРАНЫ

Виктор Николаевич Борков

Омская академия МВД России, Омск, Россия, borkovv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7583-5665>

Аннотация. В статье исследуется значение теории функций государства для повышения эффективности уголовно-правовой охраны общественных отношений, развивающихся в публичной сфере. Представление об объекте юридической охраны как о реализации государственных функций позволяет уточнить признаки субъекта соответствующих посягательств, создает методологические предпосылки совершенствования тактики правовой защиты основных направлений деятельности государства с учетом их модификации и актуализации. Автор утверждает, что перед лицом глобальных угроз и эволюционных преобразований функции государства не могут быть идеологически нейтральными. Формулируемые теоретические положения иллюстрируются конкретными примерами совершенствования уголовно-правовых средств защиты деятельности государства, направленной на консолидацию общества, укрепление экономического и военного потенциала.

Ключевые слова: функции государства, формы реализации функций государства, интересы государственной власти, объект юридической охраны, должностное лицо, идеологическая функция, функция обороны

Для цитирования: Борков В. Н. Деятельность субъектов реализации функций государства как объект юридической охраны // Алтайский юридический вестник. 2023. № 1 (41). С. 5–10.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

ACTIVITIES OF SUBJECTS IMPLEMENTATING THE FUNCTIONS OF THE STATE AS AN OBJECT OF LEGAL PROTECTION

Viktor N. Borkov

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russia, borkovv@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7583-5665>

Abstract. The article examines the importance of the theory of state functions for improving the effectiveness of the criminal law protection of public relations developing in the public sphere. The concept of the object of legal protection as the implementation of state functions allows us to clarify the characteristics of the subject of the relevant encroachments, creates methodological prerequisites for improving the tactics of legal protection of the main areas of the state's activities, taking into account their modification and updating.

The formulated theoretical provisions are illustrated by specific examples of improving the criminal law means of protecting the activities of the state, aimed at consolidating society, strengthening economic and military potential.

Keywords: functions of state, forms of implementation of the functions of the state, the interests of the state power, object of legal protection, executive, ideological function, defense function

For citation: Borkov V. N. Activities of subjects implementating the functions of the state as an object of legal protection. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2023;1:5-10 (In Russ.).

© Борков В. Н., 2023

Вопрос о функциях государства в обществоведческих науках является одним из самых сложных и важных. В периоды решения обществом масштабных задач, когда роль государства возрастает, обращение к осуществляемым им функциям актуализируется и имеет практическое значение. Функциональная характеристика государства — одна из самых емких по содержанию. Любая теоретическая и практическая проблема публичной власти неотрывна от осуществляемых функций. «Существенным признаком функций является их связь с деятельностью государства» [1, с. 6], именно при помощи функций конкретизируется и реализуется его сущность. Методологическая ценность присуща лишь тем понятиям правовой науки, которые отражают политическую суть изучаемых явлений. Общие описательные понятия типа «норма права», «правоспособность», «дееспособность» и др., «схватывающие внешние признаки, свойства в исторически преходящих по своему внутреннему социально-политическому смыслу правовых явлениях... в методологическом отношении недостаточны» [2, с. 29]. В отличие от перечисленных категорий в содержании функций государства раскрываются основные направления внутренней и внешней деятельности, в которых выражается и конкретизируется его классовая и общечеловеческая сущность и социальное назначение [3, с. 916].

Перед лицом глобальных угроз и эволюционных преобразований функции государства не могут быть идеологически нейтральными, а представление о них не может ограничиваться констатацией сфер реализации. В сложные периоды важно четко сформулировать цели и задачи государственного воздействия, определив, таким образом, и сами функции. «Субъектность государства в политике, — отмечает А. Г. Хабибулин, — определяется его регулятивными потенциями — способностью мобилизовать материальные, финансовые, людские ресурсы, использовать этот потенциал в социально значимых целях, обеспечить наиболее сущностные права и свободы своих граждан» [4, с. 98]. «Уход государства от выполнения сплывающей функции, ценностный конфликт с большинством населения разрывают узлы "горизонтального товарищества" и раскалывают ту моральную общ-

ность, которая только и может создать "умную экономику". Это фундаментальная угроза для России» [5, с. 164].

Несмотря на то что «в теории государства и права понятие функций государства является одной из наиболее абстрактных категорий... каждый единичный акт государственной деятельности существует в союзе, который ведет к общему.., а то, что общее, является именно функцией государства» [1, с. 132]. В контексте представления о функционировании государства как о совокупности правоотношений важно показать его связь с деятельностью конкретных органов и организаций. «Не надо забывать, — пишет Н. М. Коркунов, — что государство не есть что-то само по себе существующее независимо от людей, его составляющих. Государственная деятельность слагается из действий тех же отдельных личностей» [6, с. 351]. Государственная власть, — отмечает О. Е. Кутафин, — не совпадает непосредственно с населением или народом и осуществляется особым, государственным аппаратом. Она представляет собой совокупность государственных учреждений, посредством которых реализуются функции государства» [7, с. 224]. «Функции государства в конечном итоге складываются из юридически значимых поступков носителей публичной власти — людей. Известно, что право имманентно человеку и появляется вместе с ним» [8, с. 8].

Правовая реальность свидетельствует о фактическом существовании общих и частных проблем функционирования механизма государства. Последний, являя собой сложную систему государственных органов и организаций, реализующих в силу нормативно возложенных на них полномочий публичный интерес, представлен деятельностью коллегиальных органов и конкретных должностных лиц. Методы управленческого воздействия, юридические и фактические формы осуществления государственных функций представляют собой управленческие решения, которые могут быть не только верными, но и ошибочными, а иногда и злонамеренными, причиняющими ущерб государству, обществу и личности. При анализе данной проблемы наряду с внутренними «пороками» государственного аппарата следует учитывать негативное внешнее разрушающее воздействие на его деятельность и ее основы в целом.

И. В. Понкин к видам дефектов государственного управления наряду с системными сбоями в работе государственного аппарата, с изъянами институциональной формы управления и правовых основ деятельности государства относит «преступные умышленные действия» [9, с. 58–59]. Особым дисфункциональным воздействием на деятельность государства обладают преступления, совершаемые субъектами реализации функций государства. Повышенная общественная опасность таких посягательств обусловлена исключительным характером аномалии, с одной стороны, между предназначением их исполнителей, состоящим в защите общества и личности, обеспечении их безопасности, с другой — фактическим причинением существенного ущерба указанным субъектам, предательстве публичных интересов. Поэтому уголовно-правовая доктрина остро нуждается в понимании содержания и сущности функционирования государства, как и любых других правоотношений. Выступая в качестве исключительного средства охраны общественных отношений, уголовный закон должен применяться только в случаях, когда отсутствие репрессивной реакции является невозможным и способно привести к разрушению системы управления. Верное представление о функциональной характеристике государства создает предпосылки для формулирования адекватных мер юридической охраны сферы государственного управления.

В исследуемом аспекте стоит обратить внимание на определяющее видовой объект должностных преступлений название главы 30 УК РФ — «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления». Обращение к функциональной характеристике государства предполагает уточнение того, что является социальной ценностью — государственная власть и интересы службы или деятельность государства в интересах общества и каждого конкретного гражданина. В свою очередь, взгляд на объект должностных преступлений как на деятельность субъектов реализации государственных функций побуждает к критической оценке определенной законодателем в названии главы 30 УК РФ сферы общественных отношений, охраняемых от преступлений, со-

вершаемых должностными лицами. Изменения, внесенные в 2015 и 2021 гг. в понятие должностного лица (п. 1 примечания к ст. 285 УК РФ), результатом которых стало признание таковым, наряду с представителями власти и служащими государственных органов и учреждений, лиц, выполняющих организационно-распорядительные и административно-хозяйственные полномочия в коммерческих организациях, реализующих в своей деятельности публичный интерес, значительно расширили круг возможных субъектов преступлений, запрещенных главой 30 УК РФ. Это, соответственно, повлекло за собой расширение сферы уголовно-правовой охраны функционирования государства, приблизив ее к реально существующей.

Важно подчеркнуть, что эволюция законодательного определения должностного лица находит свое обоснование в теории функций государства. «Выполнение функций государства, — пишет Л. А. Морозова, — возлагается на государственные органы, их должностных лиц, государственные учреждения и организации. Они главные субъекты реализации функций государства. Однако в осуществлении этих функций участвуют и негосударственные объединения и организации...» [10, с. 114]. После внесенных изменений, субъекты должностных преступлений осуществляют свои полномочия не только в органах власти, государственных учреждениях и Вооруженных Силах, но и на государственных предприятиях, в хозяйственных и акционерных обществах, в которых государство участвует. Таким образом, в уголовном законе реализуется правило, в соответствии с которым должностными признаются лица, деятельность которых направлена на осуществление государственных функций [11, с. 105–106].

Представление об объекте должностных преступлений не как об интересах государственной власти и службы, а как об осуществлении государственных функций позволяет не только уточнить признаки субъекта, соответствующих посягательств, но и определить тактику их уголовно-правовой охраны соответственно изменяющимся направлениям деятельности государства и актуальным угрозам. Например, «развитие и внедрение цифровых технологий в содержание функций государства, — пишут Д. В. Пожарский и Т. Н. Радько, — неизбежный

и объективно происходящий процесс с очевидными и скрытыми преимуществами и рисками, выявление которых является условием выбора оптимальных технологий государственного воздействия...» [12, с. 17–18]. На необходимость «...тщательного анализа используемого методологического и теоретического инструментария теории функций государства в условиях цифровых трансформаций» [13, с. 221] обращает внимание С. И. Савина. Реакцией на новое содержание осуществления государственных функций явились новые уголовно-правовые нормы, запрещающие неправомерное воздействие на критическую информационную структуру Российской Федерации (ст. 274¹ УК РФ) и нарушение правил централизованного управления техническими средствами противодействия угрозам безопасности функционирования на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационной сети Интернет (ст. 274² УК РФ). «Внедрение цифровых технологий в содержание функций государства» может актуализировать проблему противодействия коррупционным и иным должностным преступлениям, совершаемым с их использованием.

«В каждой функции государственного управления, — верно отмечает Т. Я. Хабриева, — презюмируются элементы политики, и именно поэтому подобные функции отнесены к числу государственных» [14, с. 39]. Модификация функций государства, обусловленная новыми задачами и вызовами, является важнейшим ориентиром и триггером уголовно-политических решений. По мнению С. Н. Туманова, «в условиях напряженной геополитической обстановки особенно остро стоит вопрос о механизме беспрепятственной реализации российским государством его основных функций» [15, с. 28]. Основными функциями современной России являются обеспечение социальной справедливости, консолидация общества, укрепление военного и экономического потенциала государства. Важно отметить тесную связь и взаимопроникновение указанных направлений деятельности государства. Всем очевидно, что развитие экономики должно благоприятно влиять на благосостояние граждан и обороноспособность, а консолидированное общество способно решать масштабные экономические и военно-политические задачи. Поэтому сложно согласиться с выводом

Ю. В. Анохина, сделанным по итогам рассмотрения правоохранительной функции. Ученый полагает, что она «...абсолютно независима от других государственных функций, ей присуща самобытность, которая заключается в восстановительном характере нарушенных прав» [16, с. 11]. Не возражая против самобытности и особого метода реализации правоохранительной функции, отметим зависимость эффективности ее осуществления от экономической составляющей, от уровня образования реализующих ее кадров, их морального состояния и лояльности публичным интересам, а также от правосознания граждан.

В сложные, требующие концентрации усилий периоды важно обеспечить реализацию принципа доверия граждан к государству и единство общества при решении ответственных задач. «Легитимация государственной власти, — пишет А. Л. Бредихин, — представляет собой комплексную деятельность государственных органов, должностных лиц, государственных организаций, учреждений, направленную на установление доверительных отношений между государством и обществом, формирование в сознании граждан позитивного образа государственных институтов, реализуемой государственной политики и целей общественного развития» [17, с. 87]. Реализации принципа доверия к государству, созданию его положительного образа мешает ложь. Дисфункциональность такого внешнего, разрушающего сознание граждан воздействия в условиях напряжения государством усилий особенно опасна. Поэтому в 2022 г. была установлена ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации (ст. 207³ УК РФ) и публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации (ст. 280³ УК РФ).

Как было отмечено выше, особую актуальность приобретает эффективное осуществление военной функции. В сентябре 2022 г. ряд статей о преступлениях против военной службы дополнены такими составами с отягчающими обстоятельствами, как совершение предусмотренных в них деяний «в период военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий». Под-

вергнуты криминализации добровольная сдача в плен (ст. 352¹ УК РФ) и мародерство (ст. 356¹ УК РФ). Перечень возможных видов государственной измены, предусмотренный в ст. 275 УК РФ, дополнен таким, как переход на сторону противника, под которым следует понимать участие субъекта в составе непосредственно противостоящих РФ войск иностранного государства в военных действиях (п. 1 примечания к ст. 275 УК РФ). «Оборона страны предполагает также динамичное и проактивное (в общем смысле упреждающее) развитие военной мысли и науки, целевую разработку и внедрение в оборонной промышленности передовых технологий в интересах наращивания массовой поставки в войска новейших и высокоэффективных образцов вооружения и военной техники» [18, с. 92]. Поэтому обоснованным следует признать дополнение уголовного закона нормами, специ-

ально охраняющими отношения в сфере государственного оборонного заказа (ст. 201², 201³, 285⁵, 285⁶ УК РФ).

Таким образом, обращение к функциям государства обусловлено их комплексным характером, синтезирующим публичную деятельность организаций и отдельных представителей власти, что позволяет точно определить субъектов уголовно-правового воздействия. Уголовно-политическое значение изучения функциональной характеристики государства на конкретном этапе его развития состоит в создании предпосылок для определения приоритетных направлений охраны деятельности по реализации основных задач государства с учетом их актуализации, приоритетности и модификации. Развитие методов и форм реализации государственных функций предопределяет совершенствование юридической техники и уточнение сфер их охраны.

Список источников

1. Черноголовкин Н. В. Теория функций социалистического государства. М., 1970.
2. Шабалин В. А. Методологические вопросы правоведения. Саратов, 1972.
3. Юридическая энциклопедия / под ред. М. Ю. Тихомирова. М., 2005.
4. Теория государства и права: учебник / под ред. В. Я. Кикотя, В. В. Лазарева. М., 2008.
5. Кара-Мурза С. Г. Россия под ударом. Угрозы русской цивилизации. М., 2010.
6. Коркунов Н. М. Русское государственное право // Хрестоматия по теории государства и права, политологии, истории политических и правовых учений: пособие для вузов, юридических и гуманитарных факультетов / сост. Р. Т. Мухаев. М., 2000.
7. Кутафин О. Е. Российский конституционализм. М., 2008.
8. Пожарский Д. В. Вызовы XXI в. — фактор развития функций государства // Российская государственность и вызовы XXI века: сборник статей Всероссийского круглого стола. М., 2022. С. 5–8.
9. Понкин И. В. Теория девиантологии государственного управления: неопределенности, риски, дефекты, дисфункции и провалы в государственном управлении. М., 2016.
10. Морозова Л. А. Теория государства и права: учебник. М., 2010.
11. Борков В. Н. Преступления против осуществления государственных функций, совершаемые должностными лицами: монография. М., 2016.
12. Пожарский Д. В., Радько Т. Н. Функции государства: пределы цифровых технологий // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 2. С. 17–24.
13. Савина С. И. Цифровая форма реализации функций государства: теоретико-правовые аспекты и ее значение в государственно-правовой действительности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 2. С. 217–225.
14. Административная реформа в России: научно-практическое пособие / Е. К. Волчинская, Н. А. Игнатюк, Н. М. Казанцев и др.; под ред. С. Е. Нарышкина, Т. Я. Хабриевой. М., 2006.
15. Туманов С. Н. К вопросу о дефектах и ошибках механизма реализации функций государства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 3. С. 28–33.
16. Анохин Ю. В. Теоретико-правовые аспекты правозащитной функции российского государства // Алтайский юридический вестник. 2022. № 1. С. 7–11.
17. Бредихин А. Л. Государственное целеполагание и легитимация власти как процессы в структуре идеологической функции государства // Философия права. 2022. № 1. С. 84–87.

18. Шамаров В. М., Шамаров П. В. О функции обороны страны и ее новейшей трансформации в функцию суверенной государственности // Военное право. 2022. № 5 (75). С. 89–98.

References

1. Chernogolovkin N. V. Teoriya funktsiy sotsialisticheskogo gosudarstva. M., 1970.
2. Shabalin V. A. Metodologicheskie voprosy pravovedeniya. Saratov, 1972.
3. Yuridicheskaya entsiklopediya / pod red. M. Yu. Tikhomirova. M., 2005.
4. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik / pod red. V. Ya. Kikotya, V. V. Lazareva. M., 2008.
5. Kara-Murza S. G. Rossiya pod udarom. Ugrozy russkoy tsivilizatsii. M., 2010.
6. Korkunov N. M. Russkoe gosudarstvennoe pravo // Khrestomatiya po teorii gosudarstva i prava, politologii, istorii politicheskikh i pravovykh ucheniy: posobie dlya vuzov, yuridicheskikh i gumanitarnykh fakultetov / sost. R. T. Mukhaev. M., 2000.
7. Kutafin O. E. Rossiyskiy konstitutsionalizm. M., 2008.
8. Pozharskiy D. V. Vyzovy XXI v. — faktor razvitiya funktsiy gosudarstva // Rossiyskaya gosudarstvennost i vyzovy XXI veka: sbornik statey Vserossiyskogo kruglogo stola. M., 2022. S. 5–8.
9. Ponkin I. V. Teoriya deviantologii gosudarstvennogo upravleniya: neopredelennosti, riski, defekty, disfunktsii i provaly v gosudarstvennom upravlenii. M., 2016.
10. Morozova L. A. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik. M., 2010.
11. Borkov V. N. Prestupleniya protiv osushchestvleniya gosudarstvennykh funktsiy, sovershaemye dolzhnostnymi litsami: monografiya. M., 2016.
12. Pozharskiy D. V., Radko T. N. Funktsii gosudarstva: predely tsifrovyykh tekhnologiy // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2022. № 2. S. 17–24.
13. Savina S. I. Tsifrovaya forma realizatsii funktsiy gosudarstva: teoretiko-pravovye aspekty i ee znachenie v gosudarstvenno-pravovoy deystvitelnosti // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. 2022. № 2. S. 217–225.
14. Administrativnaya reforma v Rossii: nauchno-prakticheskoe posobie / E. K. Volchinskaya, N. A. Ignatyuk, N. M. Kazantsev i dr.; pod red. S. E. Naryshkina, T. Ya. Khabrievoy. M., 2006.
15. Tumanov S. N. K voprosu o defektakh i oshibkakh mekhanizma realizatsii funktsiy gosudarstva // Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii. 2022. № 3. S. 28–33.
16. Anokhin Yu. V. Teoretiko-pravovye aspekty pravozashchitnoy funktsii rossiyskogo gosudarstva // Altayskiy yuridicheskiy vestnik. 2022. № 1. S. 7–11.
17. Bredikhin A. L. Gosudarstvennoe tselepolaganie i legitimatsiya vlasti kak protsessy v strukture ideologicheskoy funktsii gosudarstva // Filosofiya prava. 2022. № 1. S. 84–87.
18. Shamarov V. M., Shamarov P. V. O funktsii oborony strany i ee noveyshey transformatsii v funktsiyu suverennoy gosudarstvennosti // Voennoe pravo. 2022. № 5 (75). S. 89–98.

Информация об авторе

В. Н. Борков — доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

V. N. Borkov — Doctor of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 31.01.2023; одобрена после рецензирования 06.02.2023; принята к публикации 15.03.2023.

The article was submitted 31.01.2023; approved after reviewing 06.02.2023; accepted for publication 15.03.2023.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 340.1

**ПРАВОВЫЕ НОРМЫ-ОГОВОРКИ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ:
ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Юлия Андреевна Герасименко

Ростовский государственный экономический университет, Ростов-на-Дону, Россия,
Julia.tsikolenko@mail.ru

Аннотация. В статье путем исследования положений законодательства Российской Федерации, юридической доктрины подвергается анализу феномен правовых оговорок. Рассмотрев их функциональное назначение, практическую реализацию в условиях современных государственно-правовых закономерностей, автор выдвигает тезис о возможности восприятия норм-оговорок в качестве самостоятельной разновидности специального правового предписания. Используя совокупность общенаучной и специальной методологии исследования, в т. ч. диалектического, сравнительно-правового, формально-юридического методов, формулируются положения, уточняющие и развивающие учение о специализации законодательства, предлагается авторское видение содержательной основы норм-оговорок. Выводы, изложенные автором, с одной стороны, расширяют юридическое знание о теории правовой нормы, а с другой — послужат началом научной дискуссии относительно самостоятельного восприятия нормы-оговорки, стимулируют дальнейший научный поиск в данном направлении.

Ключевые слова: норма права, специализация, оговорка, юридическая техника, конкретизация, дифференциация, индивидуализация

Для цитирования: Герасименко Ю. А. Правовые нормы-оговорки в российском законодательстве: постановка проблемы исследования // Алтайский юридический вестник. 2023. № 1 (41). С. 11-15.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

**LEGAL NORMS-RESERVATIONS IN RUSSIAN LEGISLATION:
STATEMENT OF THE RESEARCH PROBLEM**

Julia A. Gerasimenko

Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia, Julia.tsikolenko@mail.ru

Abstract. The author analyzes the phenomenon of legal reservations by studying the provisions of the legislation of the Russian Federation, legal doctrine. Having considered their functional purpose, practical implementation in the conditions of modern state-legal laws, the thesis is put forward about the possibility of perceiving the norms of reservations as an independent kind of special legal prescription. Using a combination of general scientific and special research methodology, including: dialectical, comparative legal, formal legal methods, provisions are formulated that clarify and develop the doctrine of the specialization of legislation, the author's vision of the definitive basis of norms-reservations is proposed. The proposals made by the author, on the one hand, expand legal knowledge about the theory of the legal norm, and on the other hand, will serve as the beginning of a scientific discussion regarding the independent perception of the norm-reservation, stimulate further scientific search in this direction.

Keywords: rule of law, specialization, reservation, legal technique, specification, differentiation, individualization

For citation: Gerasimenko Ju. A. Legal norms-reservations in Russian legislation: statement of the research problem. *Altajskij juridicheskiy vestnik = Altai Law Journal*. 2023;1:11–15 (In Russ.).

Качество российского законодательства не только является предметом активных дискуссий членов общества: от политических деятелей до обывателей, но и находится в постоянном фокусе исследований ученых. Являясь сложным, многоярусным явлением, оно испытывает на себе влияние различных факторов. В глобальном смысле это закономерности становления правового и социального государства, влияние на эти процессы санкционного давления недружественных стран и пр. Однако не следует забывать и о внутренних факторах, детерминирующих его состояние.

Речь идет о том, что эффективность действия нормативных правовых актов во многом определяется сугубо юридическими, а возможно и технико-юридическими компетенциями правотворческих органов. Насколько ими используется весь арсенал способов и технологий подготовки нормативного материала, разнообразие методик и средств его обогащения, настолько конечный продукт в виде конкретного правового предписания будет эффективно регулировать общественные отношения. В связи с этим обращает на себя внимание тенденция последних десятилетий к использованию правотворческими органами не только стандартных правовых норм, имеющих классическую структуру (гипотезу, диспозицию и санкцию) и обладающих соответствующими качествами общеобязательности. Помимо них, задействуется потенциал специальных правовых установлений, содержащих в себе изъятия из общего правового регулирования, дополнения к генеральному правовому предписанию [1]. В технико-юридическом отношении такой подход реализуется путем применения правовых оговорок, а если речь идет о конкретном правиле поведения, установленном в нормативном правовом акте, то это уже норма-оговорка.

Следует отметить, что, несмотря на весьма обширное количество публикаций по тематике оговорок как института международного частного права [2], компонента правоприменительной (в первую очередь судебной) практики [3], технико-юридического приема [4], их юридическая природа исследованы недостаточно. При этом норма-оговорка как самостоятельное явление и вовсе не становилась предметом исследования. Имеют место единичные публикации на данный счет, и что парадоксально, обнаружить

там понятие данного феномена, его сущностные признаки представляется затруднительным [5]. В этой связи попробуем в рамках научной публикации несколько нивелировать данное упущение, углубив знания относительно норм-оговорок в праве.

Учитывая полисемичный характер термина «оговорка», начать полагаем уместным с ее краткого семантического анализа. Это необходимо еще и в свете того, что оговорка имеет широкий синонимичный ряд, а также омонимичное свойство. Так, лексема «оговориться» употребляется в одном ряду со словами «обмолвиться», «ошибиться», а также в значении нечаянно произнесенного высказывания, незначительно допущенной ошибки речи [6, с. 37]. Видимо, в этой связи в русском языке (как литературном, так и разговорном) за словом «оговорка» закрепилось значение произвольной лингвистической ошибки [7, с. 428]. Полагаем, что для разграничения восприятия оговорки как ошибки и как некоего разъяснения следует обратить внимание на глагольные формы данной лексемы.

Характерно, что в словаре русского языка В. И. Даля конца XIX в. дается одно из первых толкований глагольной формы исследуемого существительного в значении дополнительного пояснения чего-либо. Так, оговаривать — значит «объяснять наперед, ставить условие, предупреждать условно» [8, с. 667]. Современные справочные источники также используют аналогичную интерпретацию термина «оговорить» через различные формы разъяснения. Например, «объяснить наперед, предупредить» [9, с. 586]. Вместе с тем необходимо иметь в виду и омонимичное свойство данного глагола, имеющего в числе прочего и кардинально иное значение — оклеветать, очернить, опорочить и пр. Таким образом, в рамках языка нормотворчества термин «оговорка» используется в значении разъяснительного положения, поправки к основному тексту, дополнения к ранее установленному.

Интересным в этой связи выступает рассмотрение природы подобной поправки с учетом соотношения ее с основополагающими качествами нормы права, которая должна иметь характер общеобязательности, строгой определенности, стабильности и пр.

К примеру, А. Г. Репьев рассматривает оговорку в праве в качестве определенной части

содержания юридического предписания, которая характеризуется факультативностью и конкретизирующим свойством, имеет нормативно-обязывающий характер, а в качестве ее функций обозначены «дифференциация и индивидуализация правового регулирования, согласование интересов участников правоотношений» [4, с. 25]. Как нами ранее обозначалось, работы, посвященные непосредственно рассмотрению правовых норм, являющихся по своей сути оговорками, нам не встречались. В свою очередь, профессор А. Г. Репьев феномен «оговорка» также исследовал в большей степени как технико-юридический прием (об этом говорит и наименование публикации данного автора). Это, по всей видимости, объясняет несколько зауженный характер юридической природы оговорки, которая, на наш взгляд:

- во-первых, вполне может быть рассмотрена как самостоятельная разновидность специального правового предписания, т. е. в качестве вида нормы права;

- во-вторых, безусловно, имеет больший потенциал, чем только лишь дифференциация и индивидуализация.

Остановимся подробнее на аргументации выдвинутой гипотезы.

Относительно первого момента укажем, что для обеспечения конкретизации, детализации правового регулирования устоявшейся практикой законодательных органов является использование норм-изъятий, норм-дополнений и пр. К примеру, согласно требованиям федерального закона от 06.04.2011 № 63-ФЗ «при подписании электронной подписью пакета электронных документов каждый из электронных документов, входящих в этот пакет, считается подписанным электронной подписью того вида, которой подписан пакет электронных документов» [10]. Однако в тексте этой же статьи присутствует норма-оговорка — «исключение составляют случаи, когда в состав пакета электронных документов лицом, подписавшим пакет, включены электронные документы, созданные иными лицами (органами, организациями) и подписанные ими тем видом электронной подписи, который установлен законодательством Российской Федерации для подписания таких документов».

Подобные разновидности специальных правовых установлений, по мнению И. Н. Сенякина, А. Ф. Черданцева и других, регулируют родовые общественные отношения, а видовые, т. е. более узкие. Вместе с тем, участвуя в правовом регулировании, они устанавливают сферу действия общих норм, детализируют механизмы регламентации через дополнительные элементы, стороны, которые входят в подвид общественных отношений [11, с. 43; 12, с. 128]. Эту тенденцию подметил еще в советское время С. С. Алексеев, указав, что «развитие специализации права состоит в том, что общие предписания обрастают конкретизирующими положениями, и, таким образом, постепенно формируются самостоятельные правовые общности» [13, с. 111].

Относительно второй части выдвинутой нами гипотезы убеждены, что потенциал норм-оговорок значительно шире и не ограничивается дифференциацией и индивидуализацией. Нормы-оговорки — полноценный инструмент правового регулирования, посредством которого законодатель реализует и общеохранительное, и общедозволительное правовое воздействие. Подтверждением изложенному служат нормативные правовые акты, в наименовании которых содержатся оговорки. Полагаем, прибегая к такому технико-юридическому варианту формулирования наименования, орган правотворчества показывает, что акт в целом направлен на видовые отношения (вытекающие из родовых), но их регулирование будет проходить в рамках всех имеющихся средств и технологий юридического воздействия. В подобных актах есть место и ограничительному регулированию, и стимулирующему, в нем предусмотрено как правовое поощрение, так и юридическая ответственность. К примеру, постановление Правительства РФ от 22.06.2006 № 390 хотя содержательно и выполнено в рамках детализации, конкретизации родовых общественных отношений (вещевое обеспечение военнослужащих), но по своему функциональному назначению регулирует видовую разновидность данных отношений, а именно складывающиеся в мирное время [14]. При этом, образовавшись как совокупность норм-оговорок (предусматривающих юридические правила исключительно для мирного времени), по своей структуре и наполнению нормативный правовой акт логически непротиворечив, объемный, содер-

жит соответствующий дефинитивный аппарат, механизм реализации правовых предписаний, гарантии их действия и пр.

Тезисно изложенный материал, имеющий преимущественно проблемно-постановочный характер, позволяет сформулировать некоторые выводы:

1) оговорки в праве остаются малоизученным с научной и практической точек зрения явлением, несмотря на их активное использование в положениях законодательства, формирование на их основе правоприменительной практики;

2) норма-оговорка есть разновидность специального правового предписания, появившаяся как необходимость конкретизации, детализации, уточнения общих правил поведения, вызванная усложнением и эволюцией общественных отношений;

3) тенденции трансформации отечественного нормативного материала актуализируют потребность расширения знаний о специальных юридических технологиях изложения правил поведения, регулирующих нестандартные (узковидовые) общественные отношения, при сохранении требований к устойчивости, стабильности общего правового предписания.

Список источников

1. Репьев А. Г. Специальные преимущественные и исключительные правовые нормы в условиях цифровизации экономики и оказания онлайн-услуг обществу // Юрист-Правоведь. 2020. № 1. С. 31–36.
2. Цинделиани И. А., Безикова Е. В. Налоговая оговорка как инструмент конвергенции частного и публичного правового регулирования // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 43. С. 182–197.
3. Егоров А. В. Ассиметричные оговорки о разрешении споров судебная практика заменяет на симметричные // Вестник международного коммерческого арбитража. 2012. № 2 (6). С. 186–195.
4. Репьев А. Г. Конкретизация правовой нормы посредством технико-юридической оговорки (на примере словосочетания «в случае») // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 10. С. 20–34.
5. Латышев Н. В., Завьялов С. О. Функции правовых оговорок // Центральный научный вестник. 2018. Т. 3. № 13 (54). С. 49–50.
6. Словарь синонимов русского языка: в 2 т. Т. 1: А–Н / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Астрель; АСТ, 2003. 680 с.
7. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т.: около 160 000 слов. М.: АСТ; Астрель, 2006. Т. 2: М–П. 1160 с.
8. Толковый словарь живого великорусского языка В. Даля. 2-е изд., испр. и значит. умнож. по рук. автора. СПб.: Изд-ие книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1881. Т. 2: И–О. 807 с.
9. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: Альта-Принт; ДОМ. XXI век, 2008. 1239 с.
10. Об электронной подписи: федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (в ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 15. Ст. 2036; 2022. № 29. Ст. 5306.
11. Сенякин И. Н. Специальные нормы советского права / под ред. проф. М. И. Байтина. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. 97 с.
12. Черданцев А. Ф. Вопросы толкования советского права. Свердловск: Свердл. юрид. ин-т, 1972. 191 с.
13. Алексеев С. С. Структура советского права. М.: Юрид. лит., 1975. 263 с.
14. О вещевом обеспечении в федеральных органах исполнительной власти и федеральных государственных органах, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, в мирное время: постановление Правительства РФ от 22.06.2006 № 390 // Собрание законодательства РФ. 2006. № 27. Ст. 2936; 2022. № 15. Ст. 2514.

References

1. Repev A. G. Specialnye preimushhestvennye i isklyuchitelnye pravovye normy v usloviyakh cifrovizatsii ekonomiki i okazaniya onlajn-uslug obshhestvu // Yurist-Pravoved. 2020. № 1. S. 31–36.

2. Cindeliani I. A., Bezikova E. V. Nalogovaya ogovorka kak instrument konvergencii chastnogo i publichnogo pravovogo regulirovaniya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. 2022. № 43. S. 182–197.
3. Egorov A. V. Assimetrichnye ogovorki o razreshenii sporov sudebnaya praktika zamenyaet na simmetrichnye Vestnik mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha. 2012. 2 (6). S. 186–195.
4. Repev A. G. Konkretizaciya pravovoj normy posredstvom texniko-yuridicheskoj ogovorki (na primere slovosochetaniya «v sluchae») // Zhurnal rossijskogo prava. 2021. T. 25. № 10. S. 20–34.
5. Latyshevich N. V. Zavyalov S. O. Funkcii pravovyx ogovorok // Centralnyj nauchnyj vestnik. 2018. T. 3. № 13 (54). S. 49–50.
6. Slovar sinonimov russkogo yazyka v 2 t. T. 1 A–N pod red. A. P. Evgenevoj. M.: Astrel; ACT, 2003. 680 s.
7. Efremova T. F. Sovremennyj tolkovyj slovar russkogo yazyka: v 3 t.: okolo 160 000 slov. M.: AST; Astrel, 2006. T. 2: M–P. 1160 s.
8. Tolkovyj slovar zhivogo velikoruskogo yazyka V. Dalya. 2-e izd., ispr. i znachit. umnoz. po ruk. avtora. SPb.: Izd-je knigoprodavca-tipografa M. O. Volfa, 1881. T. 2: I–O. 807 s.
9. Ushakov D. N. Bolshoj tolkovyj slovar sovremennogo russkogo yazyka. M.: Alta-Print; DOM. XXI vek, 2008. 1239 s.
10. Ob elektronnoj podpisi federalnyj zakon ot 06.04.2011 № 63-FZ (v red. ot 14.07.2022) // Sobranie zakonodatelstva RF. 2011. № 15. St. 2036; 2022. № 29. St. 5306.
11. Senyakin I. N. Specialnye normy sovetskogo prava / pod red. prof. M. I. Bajtina. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1987. 97 s.
12. Cherdancev A. F. Voprosy tolkovaniya sovetskogo prava. Sverdlovsk: Sverdl. jurid. in-t, 1972. 191 s.
13. Alekseev S. S. Struktura sovetskogo prava. M.: Yurid. lit., 1975. 263 s.
14. O veshhevom obespechenii v federalnyx organax ispolnitelnoj vlasti i federalnyx gosudarstvennyx organax v kotoryx federalnym zakonom predusmotrena voennaya sluzhba v mirnoe vremya: postanovlenie Pravitelstva RF ot 22.06.2006 № 390 // Sobranie zakonodatelstva RF. 2006. № 27. St. 2936; 2022. № 15. St. 2514.

Информация об авторе

Ю. А. Герасименко — аспирант Ростовского государственного экономического университета.

Information about the author

Ju. A. Gerasimenko — postgraduate student of Rostov State University of Economics.

Статья поступила в редакцию 21.12.2022; одобрена после рецензирования 10.01.2023; принята к публикации 15.03.2023.

The article was submitted 21.12.2022; approved after reviewing 10.01.2023; accepted for publication 15.03.2023.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 340.1

ПРИНЦИП УВАЖЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ:
В ПОРЯДКЕ НАУЧНОЙ ДИСКУССИИ

Дарья Алексеевна Гогитидзе

Ростовский государственный экономический университет, Ростов-на-Дону, Россия, dawa.98@mail.ru

Аннотация. Автор статьи инициирует научную дискуссию относительно восприятия феномена «уважение» в качестве принципа современного российского права. Исследуя положения законодательства Российской Федерации, юридической доктрины, правоприменительной практики, феномен «уважение» подвергается анализу с позиции как идейного начала права, так и конкретного руководящего требования в деятельности субъектов. Рассмотрев этимологическое происхождение термина «уважение», практическую реализацию в условиях современных государственно-правовых закономерностей, автор выдвигает тезис о возможности восприятия уважения в качестве самостоятельного общеправового принципа. Формулируются положения, уточняющие и развивающие учение о принципах права, предлагается авторское видение содержательной основы принципа уважения. Выводы, изложенные автором, с одной стороны, расширяют юридическое знание о теории принципов права, а с другой — послужат началом научной дискуссии относительно самостоятельного восприятия принципа уважения в числе общеправовых идей и начал, стимулируя дальнейший научный поиск в данном направлении.

Ключевые слова: принцип права, уважение, достоинство личности, права человека, правосознание

Для цитирования: Гогитидзе Д. А. Принцип уважения в российском праве: в порядке научной дискуссии // Алтайский юридический вестник. 2023. № 1 (41). С. 16–21.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

PRINCIPLE OF RESPECT IN RUSSIAN LAW:
IN THE ORDER OF SCIENTIFIC DISCUSSION

Darya A. Gogitidze

Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia, dawa.98@mail.ru

Abstract. The author of the article initiates a scientific discussion regarding the perception of the phenomenon of «respect» as the principle of modern Russian law. Examining the provisions of the legislation of the Russian Federation, legal doctrine, law enforcement practice, the phenomenon of «respect» is analyzed both from the standpoint of the ideological principle of law and a specific guiding requirement in the activities of subjects, including those with power. Considering the etymological origin of the term «respect», practical implementation in the conditions of modern state-legal laws, the thesis is put forward about the possibility of perceiving respect as an independent general legal principle. Using the totality of the general scientific and special research methodology, including: dialectical, comparative-legal, formal-legal methods, provisions are formulated that clarify and develop the doctrine of the principles of law, an author's vision of the substantive basis of the principle of respect is proposed. The conclusions expressed by the author, on the one hand, expand legal knowledge about the theory of the principles of law, and on the other, they will serve as the beginning of a scientific discussion regarding the independent perception of the principle of respect among general legal ideas and principles, stimulate further scientific search in this direction.

Keywords: principle of law, respect, dignity of the individual, human rights, legal awareness

For citation: Gogitidze D. A. Principle of respect in Russian law: in the order of scientific discussion. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2023;1:16–21 (In Russ.).

В ущерб метафизическому правопониманию превалирующее сегодня позитивистское восприятие совокупности норм и правил поведения несколько исказило сущностное, духовно-культурное наполнение права [1, с. 221]. Мы солидарны с таким посылом и, в свою очередь, полагаем, что отчасти это обусловлено затушевыванием в числе основополагающих принципов права (а ведь именно им отведена роль по формированию руководящих требований, идейных начал для всей юридической деятельности) принципа уважения.

Сегодня ученое сообщество все больше обращается к анализу соответствия проводимой правовой политики Российской Федерации провозглашаемым принципам права, отправным концептам, формируемым соответствующее восприятие юридической реальности личностью. Это абсолютно обосновано, поскольку основополагающие требования равенства, справедливости, гуманизма и многие другие определяют смысловое и содержательное наполнение не только законодательства, но и непосредственно деятельности различных ветвей власти, а также осознание права гражданским обществом.

Подтверждением изложенному служит фрагментарное ознакомление с нормами законодательства, регламентирующими деятельность органов публичной власти и управления. В качестве фундаментальных основ обеспечения их эффективного функционирования законодатель, как правило, определяет такие, как законность, равенство, гласность, справедливость [2, 3]. Однако содержание правовой доктрины, системный анализ законодательства Российской Федерации, практики его применения показывают, что в данном ряду четко прослеживается потребность в закреплении и реализации универсального правового принципа уважения. Его нравственная сущность открывает иные возможности для прочтения права, в т. ч. устанавливает необходимую скрепу с правосознанием общества, позволяет формировать его на высоком уровне. Приведем на этот счет некоторые доводы.

Полагаем, что демократически устроенное государство, а также общество, позиционирующее себя в качестве цивилизованного гражданского союза, при духовно-культурном восприятии права не может игнорировать идею уваже-

ния. Это, на наш взгляд, феномен, сочетающий в себе симбиоз духа и чувства права, формируемый на основе нравственной устойчивости, психологической и ментальной развитости индивида и позволяющий познать истинный смысл права.

Согласно толковым словарям русского языка «уважение» — это «чувство почтения, отношение, основанное на признании достоинства, высоких качеств кого-либо, его заслуг» [4, с. 599–600; 5, с. 1090]. На законодательном уровне этот посыл проявляется в следующем. К примеру, в 2018 г. утверждены национальные цели и стратегические задачи развития Российской Федерации, при этом приоритетным становится создание комфортных условий для жизни граждан, возможностей для самореализации и раскрытия таланта каждого человека [6]. Полагаем, что данный посыл может быть интерпретирован как требование проявления со стороны органов государственной власти и публичного управления уважения к правам, свободам, законным интересам личности, что создаст необходимую основу для восприятия каждым человеком права в качестве регулятора, обеспечивающего его достойное существование. Необходимость прибегнуть к подобному авторскому варианту толкования нормы законодательства отчасти обусловлена тем, что в юридической и иной специальной литературе термин «уважение» понимается неоднозначно.

Без преувеличения можно сказать, что в числе инициаторов современной дискуссии относительно понимания сущности уважения, форм его проявления можно выделить представителей Саратовской юридической школы. Усилиями профессоров А. С. Мордовца, О. И. Цыбулевской, а также их последователей и учеников (А. Г. Репьев, О. В. Рагузина [7], В. А. Затонский [8], О. Б. Власова [9] и др.) тематика уважения вновь приобрела высокое звучание.

Так, А. С. Мордовец заложил не только основу понимания уважения через связь с достоинством личности, но и акцентировал внимание на его восприятии в качестве неотделимой составляющей правосознания [10, с. 100]. Мы солидарны с такой позицией, полагая, что наиболее полная характеристика феномена «уважение» может быть раскрыта исключительно через призму нравственной составляющей социальных

отношений. Уважение — одно из важнейших требований этики, нравственности, такое отношение к людям, в котором практически признается достоинство личности.

Именно в таком ключе и в неразрывной связи с достоинством личности сегодня развивает в своих работках теорию уважения профессор А. Г. Репьев [11, с. 109–110]. Он воспринимает уважение не только как идею, какое-либо начало, а возводит его в ранг неукоснительного нормативного предписания и пишет, что уважение должно быть рассмотрено как «требование максимально почтительного отношения к личности, в котором признается и обеспечивается его честь и достоинство» [12, с. 78].

Весьма органично связала уважение и достоинство личности профессор О. И. Цыбулевская. Отмечая взаимообусловленный характер уважения и достоинства, она на первый план поставила отношение конкретного индивида к этим благам, что «характеризует его духовный мир и интеллектуальный уровень» [13, с. 115].

В этом контексте уважение есть магистральная категория юридической науки. Общество, эволюционируя, постепенно открывало для себя все новые объекты уважения. Речь идет о первоначальном уважении религиозных культов, уважении к старшим, уважении обычаев, затем переход на уважение к власти, уважение к правам и свободам, уважение к собственности (коллективной, частной) и т. д. Уважение есть императив, исторически сложившийся нравственный, религиозный и правовой регулятор общественных отношений. При этом следует понимать, что уважение всегда будет оценочным критерием осознания формы государства (в особенности его политического режима), механизма защиты прав и свобод человека и пр.

С опорой на все представленные выше и иные позиции в науке относительно феномена уважения позволим себе сформулировать понятие *принципа уважения в российском праве*. На наш взгляд, *это руководящее идейное требование по формированию и реализации поведения (деятельности) участников общественных отношений, основанное на глубоко почтительном отношении к достоинству личности, его социальному и правовому статусу*. Мы неслучайно акцентируем внимание на уважении в проекции к правовому статусу, поскольку последний есть

ключевая категория юриспруденции, компилирующая в своей конструкции права, обязанности, а также иные элементы правового положения человека (ограничения, запреты, льготы и пр.).

Закономерно, что сегодня законодательство и правоприменительная практика содержат в своих текстах такие идейные конструкты, как «уважительные причины», «уважительные обстоятельства» и др., ориентирующие на различия в правовых статусах субъектов отношений. На основе включения данных положений в правоотношения изменяется их характер, например, за счет установления послаблений для отдельных участников общественных отношений с общерегулятивных требований на дозволительные предписания либо, напротив, путем исключения юридических фактов из числа уважительных отношения с общерегулятивных трансформируются в ограничительные. Так, пропущенный по уважительным причинам срок подачи заявления по вопросу «о судебных расходах, понесенных в связи с рассмотрением дела в арбитражном суде первой, апелляционной, кассационной инстанций» «может быть восстановлен судом» [14].

Примером второго выступает положение Жилищного кодекса Российской Федерации, устанавливающее, что если гражданин, проживающий в помещении на основании решения суда, использует его не по назначению, нарушает права соседей, при этом игнорирует соответствующие предупреждения, продолжает «использовать жилое помещение не по назначению и без уважительных причин не проведет капитальный ремонт», то данный гражданин подлежит выселению по решению суда [15].

Однако интерпретация и применение властными органами норм-изъятий и норм-дополнений, конструируемых на основе учета «уважительных причин», существенно разнятся, детерминируя правовые ошибки. Это становится возможным не только в силу их оценочного свойства, но и ввиду различия в уровне правосознания субъектов. Показательным является пример проявления почтительного отношения к субъекту, поведение которого, в свою очередь, подобным уважительным отношением не характеризуется. Речь может идти о лицах, преступивших закон, показавших свое неуважение обществу в виде игнорирования правил поведения,

норм морали и пр. Однако к подобному субъекту даже в условиях изоляции от общества, что является следствием его наказания за совершенное преступление, отношение должно быть максимально почтительным. Это следует из положений как норм международного права [16], так и отечественного законодательства [17; 18, ст. 3, 12, 27]. Уголовно-исполнительный кодекс РФ если и не перенасыщен нормами об уважительном отношении к осужденным, то по крайней мере прибегает к ним более десяти раз, на наш взгляд, не всегда соизмеряя подобное почтительное отношение с уровнем правосознания осужденного. Так, «при наличии уважительных причин уголовно-исполнительная инспекция вправе разрешить осужденному проработать в течение недели меньшее количество часов» [18, ч. 2 ст. 27], чем установлено нормативами.

Изложенный материал позволяет очертить некоторые положения, в меньшей степени претендующие на магистральные выводы, а в большей мере характеризующие постановку проблемы:

1) феномен «уважение» выступает связующей скрепой метафизического и позитивистского правопонимания, наполняя нормы права нравственным, духовным содержанием, ориентируя участников общественных отношений на взаимное признание достоинства, почтительное отношение к правам и обязанностям. В этом ракурсе уважение вполне допустимо воспринимать как принцип российского права;

2) в цивилизованном, социальном и правовом государстве построение отношений власти и подчинений должно основываться на корреляции принципа уважения и целей и задач, стоящих перед обществом. При этом отмеченное касается не только существующих отношений, но и социальных преобразований. Органы государственной власти должны учитывать потребности и интересы человека, стимулировать его социально-активное правомерное поведение. Пренебрежение названной закономерностью приводит к трудноразрешимым социальным последствиям;

3) принцип уважения обладает качеством универсальности, проявляется и на уровне прав и обязанностей личности, обеспечивает полноценную юридическую конструкцию правового положения субъектов, оказывает влияние на формирование правосознания и правовой культуры и многое другое. Вместе с тем принцип уважения при рассмотрении с позиции территориального мирового признания далеко не всегда совпадает с оценкой его сущностных, содержательных и ценностных свойств;

4) обозначенная проблема актуализирует потребность комплексного исследования проблематики уважения с различных позиций: и как правового принципа, и в качестве компонента формирования правового сознания общества, и в качестве нравственно-этического ценза для государственно-правового реформирования в целом.

Список источников

1. Синюков В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. 2-е изд., доп. М.: Норма, 2010. 672 с.
2. О прокуратуре Российской Федерации: федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (в ред. от 20.10.2022), ст. 4 // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472; Российская газета. 2022. 14 окт.
3. О судебной системе Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (в ред. от 16.04.2022), глава 1 // Собрание законодательства РФ. 1997. № 1. Ст. 1; Российская газета. 2022. 19 апр.
4. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т.: около 160 000 слов. М.: АСТ, Астрель, 2006. Т. 3: Р–Я. 973 с.
5. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: Альта-Принт, 2008. 1239 с.
6. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 (в ред. от 21.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2018. № 20. Ст. 2817.
7. Мордовец А. С., Рагузина О. В. Уважение как принцип и ценностное явление правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. 2016. № 1. С. 22–28.

8. Затонский В. А. Уважение прав человека как принцип правового государства и его реализация в правовой политике // Правовая культура. 2020. № 2 (41). С. 7–24.
9. Власова О. Б. Достоинство человека как нравственно-правовая ценность: общетеоретическое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2011. 56 с.
10. Мордовец А. С., Магомедов А. А., Силантьева Л. В., Чинчиков А. А. Права человека и деятельность органов внутренних дел. Саратов: СВШ МВД РФ, 1994. 131 с.
11. Репьев А. Г. Человеческое достоинство и правовое преимущество: диалектика взаимосвязи категорий // Государство и право. 2017. № 6. С. 109–113.
12. Репьев А. Г., Репьева А. М. Нравственно-правовые категории «уважение» и «достоинство» с позиции ценностного подхода (на примере уголовно-исполнительного права) // Алтайский юридический вестник. 2018. № 3 (23). С. 77-81.
13. Цыбулевская О. И. Нравственные основания современного российского права / под ред. Н. И. Матузова. Саратов: Саратовская государственная академия права, 2004. 220 с.
14. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (в ред. от 07.10.2022), ч. 2 ст. 112 // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012; 2022. № 41. Ст. 6949.
15. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (в ред. от 07.10.2022), ч. 2 ст. 35 // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1. Ст. 14; 2022. № 41. Ст. 6940.
16. О гражданских и политических правах: международный пакт (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.
17. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 24.09.2022) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; 2022. № 39. Ст. 6535.
18. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (в ред. от 11.06.2022) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 2. Ст. 198; 2022. № 24. Ст. 3943.

References

1. Sinyukov V. N. Rossijskaya pravovaya sistema. Vvedenie v obshhuyu teoriyu. 2-e izd., dop. M.: Norma, 2010. 672 s.
2. O prokurature Rossijskoj Federacii federalnyj zakon ot 17.01.1992 № 2202-1 (v red. ot 20.10.2022) st. 4 // Sobranie zakonodatelstva RF. 1995. № 47. St. 4472; Rossijskaya gazeta. 2022. 14 okt.
3. O sudebnoj sisteme Rossijskoj Federacii: federalnyj konstitucionnyj zakon ot 31.12.1996 № 1-FKZ (v red. ot 16.04.2022), glava 1 // Sobranie zakonodatelstva RF. 1997. № 1. St. 1; Rossijskaya gazeta. 2022. 19 apr.
4. Efremova T. F. Sovremennyy tolkovyy slovar russkogo yazyka: v 3 t.: okolo 160 000 slov. M.: AST; Astrel, 2006. T. 3: R–Ya. 973 s.
5. Ushakov D. N. Bolshoj tolkovyy slovar sovremennogo russkogo yazyka. M.: Alta-Print, 2008. 1239 s.
6. O nacionalnykh celyax i strategicheskix zadachax razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2024 goda: Ukaz Prezidenta RF ot 07.05.2018 № 204 (v red. ot 21.07.2020) // Sobranie zakonodatelstva RF. 2018. № 20. St. 2817.
7. Mordovec A. S., Raguzina O. V. Uvazhenie kak princip i cennostnoe yavlenie pravovoj politiki // Pravovaya politika i pravovaya zhizn. 2016. № 1. S. 22–28.
8. Zatonskij V. A. Uvazhenie prav cheloveka kak princip pravovogo gosudarstva i ego realizaciya v pravovoj politike // Pravovaya kultura. 2020. № 2 (41). S. 7–24.
9. Vlasova O. B. Dostoinstvo cheloveka kak нравstvenno-pravovaya cennost obshheteoreticheskoe issledovanie: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. Saratov, 2011. 56 s.
10. Mordovec A. S., Magomedov A. A., Silanteva L. V., Chinchikov A. A. Prava cheloveka i deyatelnost organov vnutrennix del. Saratov: SVSh MVD RF, 1994. 131 s.
11. Repev A. G. Chelovecheskoe dostoinstvo i pravovoe preimushhestvo dialektika vzaimosvyazi kategorij // Gosudarstvo i pravo. 2017. № 6. S. 109–113.

12. Repev A. G., Repeva A. M. Nравstvenno-pravovye kategorii «uvazhenie» i «dostoinstvo» s pozicii cennostnogo podxoda (na primere ugovorno-ispolnitelnogo prava) // Altajskij yuridicheskij vestnik. 2018. № 3 (23). S. 77-81.

13. Cybulevskaya O. I. Nравstvennye osnovaniya sovremennogo rossijskogo prava / pod red. N. I. Matuzova. Saratov: Saratovskaya gosudarstvennaya akademiya prava, 2004. 220 s.

14. Arbitrazhnyj processualnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 24.07.2002 № 95-FZ (v red. ot 07.10.2022), ch. 2 st. 112 // Sobranie zakonodatelstva RF. 2002. № 30. St. 3012; 2022. № 41. St. 6949.

15. Zhilishhnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 29.12.2004 № 188-FZ (v red. ot 07.10.2022), ch. 2 st. 35 // Sobranie zakonodatelstva RF. 2005. № 1. St. 14; 2022. № 41. St. 6940.

16. O grazhdanskix i politicheskix pravax: mezhdunarodnyj pakt (prinyat 16.12.1966 Rezolyuciej 2200 na 1496-m plenarnom zasedanii Generalnoj Assamblei OON) // Byulleten Verxovnogo Soveta SSSR. 1976. № 17. St. 291.

17. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (v red. ot 24.09.2022) // Sobranie zakonodatelstva RF. 1996. № 25. St. 2954; 2022. № 39. St. 6535.

18. Ugolovno-ispolnitelnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 08.01.1997 № 1-FZ (v red. ot 11.06.2022) // Sobranie zakonodatelstva RF. 1997. № 2. St. 198; 2022. № 24. St. 3943.

Информация об авторе

Д. А. Гогитидзе — аспирант Ростовского государственного экономического университета.

Information about the author

D. A. Gogitidze — postgraduate student of Rostov State University of Economics.

Статья поступила в редакцию 21.12.2022; одобрена после рецензирования 14.01.2023; принята к публикации 15.03.2023.

The article was submitted 21.12.2022; approved after reviewing 14.01.2023; accepted for publication 15.03.2023.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 341.645.5

РЕШЕНИЯ СУДА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА
КАК АКТЫ ТОЛКОВАНИЯ ПРАВА

Андрей Владимирович Гусев¹, Александр Владимирович Савоськин², Татьяна Юрьевна Фалькина³

¹ Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, gusev.1983.av@mail.ru

² Уральский государственный экономический университет, Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия, savoskinav@yandex.ru

³ Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия, f.t.u.81@mail.ru

Аннотация. Толкование права имеет большое значение для всех судебных органов, однако применительно к международным судебным структурам оно приобретает особую значимость, т. к., во-первых, такой орган изначально работает с нормами международного права, а во-вторых, выводы международного суда воздействуют на очень большую группу отношений в силу значительного числа субъектов из разных стран-участниц интегративного образования, а потому существенно влияют на процессуальное поведение и итоговые решения межгосударственных и наднациональных институтов, органов власти отдельных государств, а также отдельных лиц (физических и юридических). В связи с этим значение актов относительно нового международного интегративного органа — Суда Евразийского экономического союза в качестве источника права и официального толкования — имеет большое значение.

Ключевые слова: суд, интегративный суд, Евразийский экономический союз, толкование права, прецедент

Для цитирования: Гусев А. В., Савоськин А. В., Фалькина Т. Ю. Решения Суда Евразийского экономического союза как акты толкования права // Алтайский юридический вестник. 2023. № 1 (41). С. 22–30.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

DECISIONS OF THE COURT OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION
AS ACTS OF INTERPRETATION OF LAW

Andrey V. Gusev¹, Alexander V. Savoskin², Tatiana Yu. Falkina³

¹ Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russia, gusev.1983.av@mail.ru

² Ural State University of Economics, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia, savoskinav@yandex.ru

³ Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia, f.t.u.81@mail.ru

Abstract. The interpretation of law is of great importance for all judicial bodies, however, in relation to international judicial structures, it acquires special significance, since, firstly, such a body initially works with the norms of international law that surpass national in their legal force and have significant specifics with national law, and secondly, the conclusions of the International Court of Justice. They affect a very large group of relations, due to a significant number of subjects from different countries participating in integrative education that fall under its jurisdiction, and therefore significantly affect the procedural behavior and final decisions of inter-state and supranational institutions, authorities of individual states, as well as individuals (individuals and legal entities). In this connection, the significance of the acts of a relatively new international integrative body — the Court of the Eurasian Economic Union as a source of law and official interpretation is of great importance.

Keywords: court, integrative court, Eurasian Economic Union, interpretation of law, precedent

For citation: Gusev A. V., Savoskin A. V., Falkina T. Yu. Decisions of the Court of the Eurasian Economic Union as acts of interpretation of law. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2023; 1:22–30 (In Russ.).

История судебного толкования международных договоров несравнима с историей функционирования международных межправительственных организаций, но все же характеризуется периодом, достаточным для проведения исследования, поиска аналогий и формулирования оценки успешности или неуспешности примеров толкования и последующего формирования правовых позиций. При этом толкованию в судах именно интеграционных международных объединений характерны дополнительные особенности, которые присущи им в силу назначения, а именно консолидации и унификации правового пространства такого международного объединения.

Суды интегративных объединений обладают особой спецификой. Перед ними стоит генеральная задача гармонизировать правовое пространство, при этом они толкуют и используют право, которое одновременно может быть предметом толкования и применения в национальных судах. Соответственно, они должны вырабатывать свои собственные (уникальные) методы толкования, например толкование на основе конституционных традиций стран — участников Союза или на основании метода компаративистики.

На интегративный суд (а именно так его можно называть в теории права) возложена задача интерпретировать как нормы непосредственно международного права сообщества, в рамках которого он создан, так и национальные нормативные акты органов власти стран-участниц объединения. Они функционируют и принимают решение одновременно в системе права интеграционного объединения, которая в случае с Евразийским экономическим союзом (далее — ЕАЭС) находится в стадии становления, а потому еще долго будет нуждаться в переосмыслении, дополнении и совершенствовании, что невозможно реализовать без толкования международных договоров и иных международных актов ЕАЭС. В то же время толкуя акты ЕАЭС, интегративный суд не свободен от национального и, прежде всего, конституционного законодательства стран-участниц, поскольку большинство из них придерживается примата своего Основного закона над международными нормами. Соответственно, сложность деятельности интегративных судов (особенно на начальном этапе их функционирования, как это имеет ме-

сто с Судом ЕАЭС) заключается в том, что им надлежит выработать собственный инструментарий толкования, который бы сочетал в себе баланс международно-правовых и национальных интересов и не противоречил бы общей теории права, не нарушал бы принципа суверенного равенства участников межгосударственного объединения.

Как наглядно показала практика деятельности Суда Европейского союза (существенно более старого в сравнении с Судом ЕАЭС), общетеоретических подходов явно недостаточно для толкования интегративных международных норм. Практика Суда ЕАЭС лишь подтверждает этот тезис, поскольку с самого начала своей деятельности ему пришлось разрабатывать и последовательно внедрять свой инструментарий толкования международных актов. При этом Суд ЕАЭС как активно использует устоявшиеся наработки Суда Европейского союза, так и вводит собственные правила и приемы толкования.

Прежде всего следует отметить, что Статут и Регламент Суда ЕАЭС напрямую не устанавливают полномочий по толкованию права Союза, но разрешают его разъяснение при принятии консультативных заключений (п. 46 Статута). Однако, по нашему мнению, такая формулировка не препятствует Суду толковать право Союза, поскольку функция толкования права имманентно присуща любому судебному органу. Это право не нуждается в специальном нормативном подтверждении в учредительных актах (чего нельзя сказать о последствиях толкования). Компетенция суда на толкование проистекает из того факта, что содержание любой правовой категории (даже если она общеизвестна или очевидна) обретает содержание в мыслительной деятельности судьи, основой для которой служат иные легальные дефиниции, общеупотребимые понятия или понятия, заимствованные из неюридической сферы. Иными словами, уяснение содержания нормы права, т. е. ее толкование, происходит каждый раз, когда необходимо ее применение, однако последствия такого мыслительного судебного толкования могут быть различны. Неслучайно отечественная правовая наука исходит из дифференцированного подхода к правовой категории «толкование», искусственно подразделяя его на «толкование-уяснение» и «толкование-разъяснение». По мнению

В. С. Нерсесянца, толкование может быть осуществлено в форме уяснения — процесса выявления, осмысления и обоснования содержания толкуемой нормы в целях дальнейшего ее применения в связи с конкретными фактическими обстоятельствами. Иной разновидностью толкования является разъяснение — специальная форма внешнего публичного выражения для общего использования результатов соответствующего уяснения содержания толкуемой нормы. Толкование-уяснение представляет собой стадию правоприменительного процесса, тогда как толкование-разъяснение — это самостоятельная форма реализации права и исключительное полномочие судебного органа [1].

Именно на толкование-разъяснение нам надлежит обратить особое внимание, тем более что п. 46 Статута Суда ЕАЭС прямо позволяет последнему разъяснять непосредственно Договор о ЕАЭС, международные договоры, заключенные в рамках ЕАЭС, а также решения органов межгосударственного объединения. Иными словами, толкование и разъяснение являются по своей сути завуалированными актами правотворчества, особенно в тех ситуациях, когда суд толкует противоречивые или неопределенные нормы. Однако такая разновидность толкования не всегда встречается в решениях Суда ЕАЭС, поскольку не всегда есть необходимость формулирования правовых позиций и, соответственно, новых интегративных норм.

В то же время толкование-уяснение является неизбежным и обязательным. При этом оно может быть довольно сложным, что объясняется необходимостью зачастую совместного применения международных норм и национального законодательства к конкретным фактическим обстоятельствам.

Классические примеры разновидности толкования-разъяснения можно увидеть в Решении Большой коллегии Суда ЕАЭС по делу о Калининградском транзите (от 21 февраля 2017 г.) [2] и в Решении Апелляционной палаты Суда ЕАЭС по делу «Дженерал Фрейт» (от 21 июня 2016 г.) [3]. Так, в деле 2017 г. Суд ЕАЭС истолковал такую категорию, как «решение таможенного органа». При этом с учетом характера спора ввел критерии, которые позволяют на основе принципа взаимности придать обязательную юридическую силу всем таким решениям на территории

всех стран-участниц союзного договора независимо от места их издания, а также установил критерии прямого применения союзных норм. В решении 2016 г. Суд ЕАЭС сформулировал универсальную правовую позицию об условиях применения международных договоров стран — членов ЕАЭС и международных норм самого ЕАЭС. Еще раньше аналогичный подход к толкованию права применялся в решениях Суда Евразийского экономического сообщества, например в решении по делу ООО «Вичюнай-Русь» от 7 октября 2014 г. [4], когда Суд констатировал отсутствие у Евразийской экономической комиссии права толковать международные договоры.

Сложность и спорность заключаются в том, что классическая международно-правовая доктрина наивысшей юридической силой наделяет только аутентичное толкование, т. е. разъяснения, даваемые только самими участниками международных договоров [5, с. 85]. Указанный подход отражен в п. 47 Статута Суда ЕАЭС [6], согласно которому судебное толкование «не лишает государства-члены права на совместное толкование ими международных договоров». Целью судебного толкования является обеспечение единообразия в применении права Союза как национальными субъектами, так и союзными органами. В этом смысле важное значение имеет предоставление судом такого толкования, которое в последующем подлежит применению национальными судебными системами. При этом закономерным этапом развития ЕАЭС должны стать выработка и закрепление универсальных принципов толкования права Союза, которые были бы обязательны для судей национальных юрисдикций, применяющих право ЕАЭС. Эта проблема тем более сложная, что в национальном процессуальном законодательстве отсутствует преюдициальный запрос, который бы позволял приостанавливать рассмотрение дела и обращаться в Суд ЕАЭС за толкованием союзного права.

Переходя непосредственно к методам толкования Суда ЕАЭС, следует обратить внимание на подп. 4 п. 50 Статута Суда ЕАЭС. Положения этого пункта позволяют применять международный правовой обычай в качестве правовой нормы, а это, в свою очередь, значит, что к нему применимы традиционные методы толкования,

установленные в ст. 31 и 32 Венской конвенции о праве международных договоров: буквальное (грамматическое) толкование, систематическое толкование, телеологическое толкование, а также толкование на основании дополнительных материалов.

Указание в пункте 1 ст. 31 Венской конвенции [7] на толкование международных договоров в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам договора, предопределяет тот факт, что базовым методом толкования становится грамматический, который представляет собой уяснение смысла нормы путем анализа слов, терминов, а также ее текста с точки зрения этимологии, лексики, синтаксиса и даже стилистики языка [8].

Анализ практики Суда ЕАЭС наглядно показывает повсеместное использование судом грамматического толкования, которое применяется почти в каждом решении, формулирующем правовую позицию.

Можно привести уже хрестоматийный пример с толкованием п. 1 ст. 29 Договора о ЕАЭС об ограничениях стран-участниц во взаимной торговле [9]. Суд, проанализировав указанную правовую норму, а также иные положения Договора о ЕАЭС, содержащие указание на государства — члены Союза, сформулировал вывод о том, что применяемое в договоре понятие обозначает каждое союзное государство в отдельности. Подобное толкование позволило суду заключить, что не только государства-члены все в совокупности, но и отдельное государство — участник объединения (иными словами, в одностороннем порядке) могут вводить ограничения во взаимной торговле, однако это право не является произвольным и требует соблюдения определенных материальных и процессуальных условий.

Еще одним показательным решением является решение от 20 декабря 2018 г., вынесенное по делу о пенсиях. В рамках этого дела Суд ЕАЭС должен был уяснить нормы о привилегиях и иммунитетах отдельных должностных лиц. В этом деле можно найти примеры применения сразу нескольких приемов толкования, но грамматическое в их числе явно превалирует. Так, суд, излагая свою позицию о распространении нормы международного акта Союза на служащих-граждан всех государств-членов, начинает изложение толкования с анализа формулировки «граждана-

ми которого они являются», анализируя смысл, вкладываемый в этот термин, и сравнивая его с иными формулировками, приходит к выводу о необходимости расширительного толкования его содержания. Далее суд обращает внимание на употребление скобок в тексте акта, так сказать, усиливая свою аргументацию, и в конечном счете констатирует применение определения «федеральная» не только к государственной гражданской службе Российской Федерации (в противном случае толкование этой нормы влекло бы дискриминационное исключение граждан других стран-участников из числа пользующихся соответствующим льготами). Буквальное толкование нормативных положений справедливо признается недопустимым, поскольку норма не включает каких-либо условий или дополнительных оснований для включения времени службы в Комиссии ЕАЭС или Суде ЕАЭС в стаж государственной гражданской службы, это, в свою очередь, позволяет в дальнейшем применять отелльные положения. В конечном счете, по мнению Е. Б. Дьяченко, «осуществленное Судом толкование приводит к формулированию либерального подхода, направленного на привлечение в органы Союза государственных служащих из национальных органов» [10, с. 107–108].

Еще одним показательным примером буквального толкования в практике Суда ЕАЭС является консультативное заключение от 20 ноября 2017 г. по делу о тарифах [11]. Рассматривая казус, суд должен был истолковать нормативное содержание пункта 13 приложения № 2 к Протоколу о скоординированной (согласованной) транспортной политике в той части, которая касалась применения каждым союзным государством «унифицированного тарифа» на железнодорожные грузоперевозки.

Разрешая дело, суд прежде всего вынужден был констатировать пробел в международном легальном понятийном аппарате, в связи с чем суд обратился к уяснению латинского термина «унификация», после чего экстраполировал свои выводы на двусоставной термин, т. е. применил его к термину «унифицированный тариф», выработав таким образом определение нового понятия, ранее не известного союзному праву, но подлежащего применению.

Вслед за Судом ЕАЭС и Комиссия Союза восприняла грамматический способ толкования

при уяснении содержания материальных норм, что нашло свое отражение в многочисленных решениях по вопросам классификации перемещаемых товаров, которые не подпадают под конкретные Товарные номенклатуры ВЭД. В данном случае выбор вида толкования (а именно грамматического) еще и нормативно предопределен общими правилами интерпретации Товарной номенклатуры, поскольку самое первое из них закрепляет, что для юридических целей классификация товаров в ТН ВЭД осуществляется исходя из текстов товарных позиций и соответствующих примечаний к разделам или группам.

Следующим методом толкования, который активно применяется в международных интегративных судах (в т. ч. Суде ЕАЭС), является систематическое толкование. Оно представляет собой комплексный анализ правовой нормы путем соотношения ее содержания с иными нормами международного (реже национального) права. Теоретическую предпосылку существования систематического толкования образует факт (или по крайней мере теоретическое представление о его существовании), что все международно-правовые нормы не являются изолированными друг от друга, а наоборот, взаимосвязаны и эффективно могут осуществлять управленческое воздействие на поведение субъектов только в своей совокупности, при этом сами международно-правовые акты, их содержание, не будучи едиными по формальному критерию, являются таковыми по своей регулирующей сути. Систематическое толкование является одним из самых сложных, поскольку предполагает раскрытие реального смысла нормы (причем с учетом исторического и социально-политического контекста ее применения). Но это толкование не является произвольным, а напрямую предопределяется местом толкуемой нормы в системе международно-правовых норм и характером взаимосвязи с иными нормами, независимо от вида источника международного права, их содержащего (договоры в рамках ЕАЭС, международные правовые обычаи, акты органов ЕАЭС).

Если проанализировать практику деятельности Суда ЕАЭС, то возможно заключить, что систематический метод толкования используется достаточно часто. В качестве показательного примера назовем решение Апелляционной палаты по делу в связи с заявлением ЗАО «Джене-

рал Фрейт» от 21 июня 2016 г. Рассматривая это дело, суд выстроил и аргументировал взаимосвязь между тремя международными договорами (Конвенция о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров, Договор о ЕАЭС, Таможенный кодекс Таможенного союза). В результате такого систематического толкования суд пришел к выводу «об обязательном применении в рамках Союза Гармонизированной системы и о праве суда проверить решение Комиссии о классификации каждого отдельного вида товара на соответствие Гармонизированной системе».

Используя такое систематическое толкование, суд смог сформулировать универсальное правило (правовую позицию), согласно которому «международный договор, не являющийся международным договором в рамках Союза или международным договором Союза с третьей стороной, подлежит применению в рамках Союза, если все государства — члены ЕАЭС являются участниками международного договора и его сфера действия относится к области единой политики в рамках ЕАЭС».

Систематическое толкование тем более важно, что позволяет уяснять содержание нормы и формулировать правовые позиции даже в том случае, когда взаимосвязанные нормы выходят за рамки актов интегративного образования или являются актами различного уровня.

Анализ судебных актов также демонстрирует, что в значительном числе случаев Суд ЕАЭС использует формулировку «исходя из взаимосвязанного прочтения норм» и осуществляет толкование одной статьи договора на основе других статей этого же договора. В российской теории права такой способ толкования получил название логического; он основан на представлении о том, что международный договор, включая преамбулу, заключение и другие составные части, образует единое логическое и внутренне согласованное целое, в котором нет лишних слов и противоречий.

Пункт 1 статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров [7] предполагает толкование международных договорных норм с учетом их объекта и целей, что создает предпосылки для применения телеологического толкования, которое обеспечивает большую эффективность в реализации толкуемых норм. Этот

метод имеет ключевое значение не только для совершенствования правоприменительной судебной практики внутри стран — участниц Договора о Союзе, но и для права ЕАЭС в целом. Неизбежность применения такого метода толкования становится очевидной, когда уяснению подлежит содержание максимально широких и дискреционных формулировок, которые неизбежно порождают альтернативное или компромиссное толкование. Более того, по нашему мнению, несмотря на ограниченность применения метода телеологического толкования в Суде ЕАЭС, этот метод толкования в суде сотрудничества имеет ключевое значение, поскольку Договор о ЕАЭС содержит не только цели создания и функционирования Союза, но и цели отдельных сфер регулирования в рамках Союза.

Еще одним методом толкования, применяемым в Суде ЕАЭС для последующего формулирования правовых позиций, является метод сравнительного анализа. Он не связан с анализом конституционных текстов и реализуется в двух формах. Первая — уяснение и формулировка общих правовых принципов, присущих национальным системам. Вторая предполагает уяснение толкований дефиниций, не имеющих содержательного наполнения в актах ЕАЭС. Отличие от толкования в соответствии с конституционными ценностями заключается в том, что выявляемые принципы содержатся в источниках иного уровня национального правового регулирования.

Здесь, правда, следует оговориться, что использование легализованных в национальной правовой системе понятий не влечет их автоматической транспозиции, но является способом формулирования своих понятий уже в рамках практики Суда ЕАЭС. Так происходит потому, что законодательство государств — членов Союза может содержать различные трактовки понятий, а сравнительный метод толкования — это не выбор некоего усреднённого понятия или понятия с наиболее низким стандартом. Скорее наоборот, результатом сравнительного толкования должно стать формулирование наиболее удачного определения или подхода с учетом уже сложившихся вариантов правового регулирования в национальных системах Союза.

Показательным примером применения сравнительного метода толкования в практике Суда ЕАЭС будет решение по делу ИП Тарасика от

28 декабря 2015 г. [12]. Рассматривая в этом деле правовую категорию «бездействие» (которая в актах ЕАЭС не раскрывается), суд использовал соответствующие определения, уже сформулированные и отраженные в решениях высших судов России, Казахстана и Беларуси. В частности, им проанализированы: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 2 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих» [13]; Постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 24 декабря 2010 г. № 20 «О некоторых вопросах применения судами норм главы 27 Гражданского процессуального кодекса Республики Казахстан» [14]; Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 24 декабря 2009 г. № 11 «О применении судами законодательства, регулирующего защиту прав и законных интересов граждан при рассмотрении жалоб на неправомерные действия (бездействие) государственных органов, иных организаций и должностных лиц». На основании анализа указанных нормативных решений национальных судов Суд ЕАЭС дал собственную формулировку дефиниции «бездействие».

В завершение отметим, что Суд ЕАЭС последовательно создает и формулирует собственный инструментарий толкования. Это неизбежно и объясняется особенностями правоприменения в сфере материального права. В настоящее время число решений Суда ЕАЭС относительно невелико, но с ростом их количества будет расти и практика толкования, а значит будут формироваться новые правовые позиции, развиваться и совершенствоваться инструментарий, их порождающий.

Однако уже сейчас Суд ЕАЭС уверенно и на регулярной основе применяет инструментарий, присущий классическим и давно зарекомендовавшим себя международным интегративным судам. Однако в настоящий период своего развития Суд ЕАЭС еще не выработал единых подходов толкования, а потому однозначная закономерность (взаимосвязь) между правовым подходом и использованным им методом толкования выражена слабо. Однако уже очевидна следующая тенденция: телеологическое толко-

вание влечет появление активистской правовой позиции.

Благодаря своей активной позиции по толкованию права ЕАЭС суду удалось сформулировать и закрепить такие важные для правовой системы подходы и категории, как: принципы права Союза (применялось в основном грамматическое толкование); применимость международных договоров по вопросам, отнесенным к единой политике стран — участниц Договора о ЕАЭС (применялось в основном систематиче-

ское толкование); либеральный подход к определению статуса международных служащих Союза, обеспечивший соблюдение их прав и законных интересов при назначении пенсии (применялся метод соотнесения с конституционными текстами), и те, которые в последующем оказали и будут оказывать серьезное влияние на развитие не только права ЕАЭС, но и совершенствование национального законодательства стран Союза и правоприменительной практики в них.

Список источников

1. Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства: учебник для вузов. М.: Норма; ИНФРА-М, 2015.
2. Обзор влияния практики Суда Евразийского экономического союза на нормотворческую деятельность и правоприменительную практику в ЕАЭС (подготовлен Судом Евразийского экономического союза) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
3. Суд Евразийского экономического Союза. URL: <https://courteurasian.org/upload/iblock/c19/6.%20Дженерал%20Фрейт%20Решение%20АП%2021.06.2016.pdf>.
4. Решение Апелляционной палаты Суда Евразийского Экономического Сообщества по жалобе ООО «Вичюнай-Русь» от 7 октября 2014 года, г. Минск // Российская газета. 2014. 7 октября. URL: <https://rg.ru/2014/10/17/jaloba-site-dok.html> (дата обращения: 10.03.2022).
5. Талалаев А. Н. Право международных договоров: в 2 т.; т. 2: Действие и применение договоров. Договоры с участием международных организаций / отв. ред. Л. Н. Шестаков. М.: Зерцало, 2017.
6. Приложение 2 Договора о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 01.10.2019; с изм. и доп., вступ. в силу с 28.10.2021) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Венская конвенция о праве международных договоров (принята 23 мая 1969 г.). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 04.03.2022).
8. Лукашук И. И. Современное право международных договоров: в 2 т.; т. 1: Заключение международных договоров. М.: Волтерс Клувер, 2004.
9. Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 01.10.2019; с изм. и доп., вступ. в силу с 28.10.2021) [Электронный ресурс]. Документ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Дьяченко Е. Б., Энтин К. В. Обзор практики Суда Евразийского экономического союза в 2017–2018 годах // Закон. 2019. № 3. С. 88–109.
11. Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 20.11.2017 № СЕ-2-1/2-17-БК <По заявлению Министерства транспорта и дорог Кыргызской Республики о разъяснении пункта 13 Приложения № 2 к Протоколу о скоординированной (согласованной) транспортной политике (Приложение № 24 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Обзор влияния решений и консультативных заключений Суда Евразийского экономического союза на нормотворческую деятельность и правоприменительную практику (подготовлен Судом Евразийского экономического союза) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда

РФ от 10.02.2009 № 2 (ред. от 09.02.2012) (Документ утратил силу). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. О некоторых вопросах применения судами норм главы 27 Гражданского процессуального кодекса Республики Казахстан: постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 24 декабря 2010 г. № 20 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P180000002S/info> (дата обращения: 22.02.2022).

References

1. Nersesyanc V. S. *Obshhaya teoriya prava i gosudarstva uchebnik dlya vuzov*. M.: Norma; INFRA-M, 2015.

2. *Obzor vliyaniya praktiki Suda Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza na normotvorcheskuyu deyatelnost i pravoprimeritelnyuyu praktiku v EAE'S (podgotovlen Sudom Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza)* [E"lektronnyj resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant».

3. *Sud Evrazijskogo ekonomicheskogo Soyuz*. URL <https://courteurasian.org/upload/blockc196.20Dzhe neral20Frejt2020Reshenie20AP2021.06.2016.pdf>.

4. *Reshenie Apellyacionnoj palaty Suda Evrazijskogo E"konomicheskogo Soobshhestva po zhalobe OOO «Vichyunaj-Rus» ot 7 oktyabrya 2014 goda g. Minsk Rossijskaya gazeta*. 2014. 7 oktyabrya. URL <https://rg.ru/2014/10/17/jaloba-site-dok.html> (дата обращения: 10.03.2022).

5. Talalaev A. N. *Pravo mezhdunarodnyx dogovorov v 2 t. t. 2 Dejstvie i primenenie dogovorov. Dogovory s uchastiem mezhdunarodnyx organizacij* otv. red. L. N. Shestakov. M. Zercalo 2017.

6. *Prilozhenie 2 Dogovora o Evrazijskom ekonomicheskom soyuze (podpisan v g. Astane 29.05.2014) (red. ot 01.10.2019; s izm. i dop., vstup. v silu s 28.10.2021)* [E"lektronnyj resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «KonsultantPlyus».

7. *Venskaya konvenciya o prave mezhdunarodnyx dogovorov (prinyata 23 maya 1969 g.)*. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventionslaw_treaties.shtml (дата обращения: 04.03.2022).

8. Lukashuk I. I. *Sovremennoe pravo mezhdunarodnyx dogovorov: v 2 t.; t. 1: Zaklyuchenie mezhdunarodnyx dogovorov*. M.: Volters Kluver, 2004.

9. *Dogovor o Evrazijskom ekonomicheskom soyuze (podpisan v g. Astane 29.05.2014) (red. ot 01.10.2019; s izm. i dop. vstup. v silu s 28.10.2021)* [E"lektronnyj resurs]. Dokument iz sprav.-pravovoj sistemy «KonsultantPlyus».

10. Dyachenko E. B. E"ntin K. V. *Obzor praktiki Suda Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza v 2017–2018 godax* // *Zakon*. 2019. № 3. S. 88–109.

11. *Konsultativnoe zaklyuchenie Suda Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza ot 20.11.2017 № SE-2-12-17-BK Po zayavleniyu Ministerstva transporta i dorog Kyrgyzskoj Respubliki o razyasnenii punkta 13 Prilozheniya № 2 k Protokolu o skoordinirovannoj (soglasovannoj) transportnoj politike (Prilozhenie № 24 k Dogovoru o Evrazijskom ekonomicheskom soyuze ot 29 maya 2014 g.)* [E"lektronnyj resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «KonsultantPlyus».

12. *Obzor vliyaniya reshenij i konsultativnyx zaklyuchenij Suda Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza na normotvorcheskuyu deyatelnost i pravoprimeritelnyuyu praktiku (podgotovlen Sudom Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza)* [E"lektronnyj resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «KonsultantPlyus».

13. *O praktike rassmotreniya sudami del ob osparivanii reshenij dejstvij (bezdejstviya) organov gosudarstvennoj vlasti organov mestnogo samoupravleniya dolzhnostnyx lic gosudarstvennyx i municipalnyx sluzhashhix* [E"lektronnyj resurs]: postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 10.02.2009 № 2 (red. ot 09.02.2012) (Dokument utratil silu). Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «KonsultantPlyus».

14. *O nekotoryx voprosax primeneniya sudami norm glavy 27 Grazhdanskogo processualnogo kodeksa Respubliki Kazaxstan postanovlenie Verxovnogo Suda Respubliki Kazaxstan ot 24 dekabrya 2010 g. № 20* // *Informacionno-pravovaya sistema normativnyx pravovyx aktov Respubliki Kazaxstan*. URL: <https://adilet.zan.kzrusdocs/P180000002S/info> (дата обращения: 22.02.2022).

Информация об авторах

А. В. Гусев — кандидат юридических наук, доцент.

А. В. Савоскин — доктор юридических наук, доцент.

Т. Ю. Фалькина — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

A. V. Gusev — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

A. V. Savoskin — Doctor of Science (Law), Associate Professor.

T. Yu. Falkina — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 02.10.2022; одобрена после рецензирования 18.11.2022; принята к публикации 15.03.2023.

The article was submitted 02.10.2022; approved after reviewing 18.11.2022; accepted for publication 15.03.2023.

Алтайский юридический вестник. 2023. № 1 (41). С. 31–37.
Altai Law Journal. 2023. № 1 (41). P. 31–37.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 340.13

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВЕДОМСТВЕННОГО НОРМОТВОРЧЕСТВА

Алевтина Викторовна Никулина

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, alik-112@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с эффективностью ведомственного нормотворчества. Акцентируется внимание на актуальности темы исследования в условиях роста количественных показателей нормотворческой активности, что, по нашему мнению, может быть связано, во-первых, с проблемой дефектного целеполагания в процессе нормотворчества, во-вторых, с динамично развивающимися общественными отношениями, требующими скорейшего правового урегулирования. Приводятся и анализируются взгляды ученых на обозначенную проблему. Подчеркивается необходимость поиска путей ее решения. В этой связи автором обозначаются наиболее важные критерии эффективности ведомственного нормотворчества.

Ключевые слова: норма права, правовое регулирование, эффективность, целеполагание, нормотворчество, ведомственное нормотворчество, нормативный правовой акт, ведомственный акт, права человека

Для цитирования: Никулина А. В. К вопросу об эффективности ведомственного нормотворчества // Алтайский юридический вестник. 2023. № 1 (41). С. 31–37.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

REVISITING THE EFFICIENCY OF DEPARTMENTAL RULE-MAKING

Alevtina V. Nikulina

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, alik-112@yandex.ru

Abstract. The article discusses issues related to the effectiveness of departmental rule-making. Attention is focused on the relevance of the research topic in the context of the growth of quantitative indicators of norm-making activity, which, according to the author, may be associated, firstly, with the problem of defective goal-setting in the process of norm-making, and secondly, with dynamically developing social relations that require a speedy legal settlement. The views of scientists on the designated problem are presented and analyzed. The necessity of finding ways to solve it is emphasized. In this regard, the author identifies the most important criteria for the effectiveness of departmental rule-making.

Keywords: rule of law, legal regulation, efficiency, goal setting, rule-making, departmental rule-making, regulatory legal act, departmental act, human rights

For citation: Nikulina A. V. Revisiting the efficiency of departmental rule-making. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2023;1:31–37 (In Russ.).

© Никулина А. В., 2023

Сложность устройства современного общества и, как следствие, многообразие существующих общественных отношений обуславливают необходимость их законодательного урегулирования, а в некоторых случаях и более детальной правовой регламентации. В этой связи ведомственному нормотворчеству отводится особая роль в механизме правового регулирования.

Несмотря на то что в последнее время многие исследователи говорят о так называемом затухании переходного периода в российском праве, на деле имеют место чрезмерная активность субъектов нормотворчества, отсутствие стабильности современной нормативной правовой базы.

Проведенный мониторинг официальных источников опубликования нормативных правовых актов и информационно-правовых систем свидетельствует о том, что количественные показатели нормотворческой активности органов государственной власти продолжают оставаться на высоком уровне. Эта проблема касается как нормотворчества в целом, так и ведомственного нормотворчества в частности. Так, в 2021 г. Министерством юстиции Российской Федерации зарегистрировано 4139 ведомственных нормативных правовых актов. Для сравнения — в 2020 г. эта цифра составила 3479 ведомственных актов [1].

Однако много не значит действенно, и несмотря на существующий сложный конгломерат, образующий современное российское законодательство, потребность в непрерывном обновлении норматива носит объективный характер, что актуализирует задачу повышения эффективности нормотворчества.

Сложившуюся ситуацию следует рассматривать как минимум в двух причинно-следственных аспектах:

- раздувание нормативной правовой базы может быть связано с проблемами дефектного целеполагания;
- нормотворческая активность обусловлена динамично развивающимися общественными отношениями, которые требуют скорейшего правового регулирования.

Отдельно стоит отметить, что в рамках данной статьи мы не будем останавливаться на таком аспекте, как несоблюдение нормотворцем правил юридической техники, что ни в коем слу-

чае не умаляет его влияния на эффективность нормотворчества.

Итак, в рамках первого аспекта сложившиеся нормотворческие тенденции можно объяснить несвоевременным обнаружением проблем в сфере правового регулирования, неточностью определения нормотворческой цели и возможностей ее достижения субъектом нормотворческой деятельности.

Еще в советский период развития отечественной правовой науки М. П. Лебедев акцентировал внимание на причинно-следственной связи между эффективностью и целью правового предписания. Под эффективностью ученый понимал «получение наибольшего результата в достижении цели правовой нормы и общей цели — торжества коммунизма» [2, с. 23].

Обозначенные умозаключения нашли свое продолжение в работах Д. А. Керимова, который отмечал, что «правовое регулирование эффективно не только с точки зрения определения нормотворческой цели, но и своевременного обнаружения возникающих возможностей ее достижения, определения их зрелости, развитости, обоснованности для перехода в действительность, а также анализа путей, средств, методов реализации данных возможностей» [3, с. 143].

Продолжая мысль Д. А. Керимова, А. С. Пашков и Д. М. Чечот дали следующее определение эффективности правового регулирования: «...действенность, результативность, т. е. способность правового регулирования оказывать влияние на общественные отношения в определенном полезном для общества направлении» [4, с. 7].

В. В. Глазырин, В. П. Кудрявцев, В. И. Никитинский, И. С. Самощенко предлагали рассматривать эффективность нормотворчества как соотношение между фактическим результатом действия норм права и теми социальными целями, для достижения которых эти нормы были приняты [5, с. 22].

Несколько дальше в своих научных изысканиях продвинулся В. В. Глазырин, отметив, что эффективность правовых норм определяется самыми разнообразными факторами, относящимися к сфере права, политики, экономики, управления и т. п. При этом автор сделал акцент на тех факторах, которые способствуют наделянию правовых норм «жизнеспособностью», проявляющейся в реальном поведении человека.

По его мнению, этот аспект является наиболее важным с точки зрения прогнозирования их эффективности [6, с. 25].

Таким образом, советская правовая мысль сводила понимание эффективности правового регулирования не просто к абстрактному понятию, означающему лишь способность применяемого средства содействовать достижению желаемой цели, но и не исключала из поля зрения общественно полезный результат как необходимое условие эффективности чего-либо.

В современных исследованиях все больший акцент делается на нормотворческом результате, который учитывает основополагающие качества, потребности, идеалы, мотивы и ожидания людей [7, с. 6].

К слову, С. А. Жинкин в своих исследованиях предлагает антропологическую концепцию эффективности права. Он полагает, что эффективность норм права не только заключается в соотношении цели законодателя и реально достигнутого результата, что, по его мнению, носит несколько этатизированный характер, но и обусловлена социальными последствиями реализации правовых норм, их воздействием на членов общества, на духовную и поведенческую составляющие каждого человека, его самореализацию. Игнорирование последней составляющей, по мнению С. А. Жинкина, может привести к негативным последствиям для общества в целом.

Позиция, согласно которой эффективность правовых норм представляет собой соотношение между фактическим результатом их действия и теми целями, для достижения которых эти нормы были приняты, представляется нам наиболее этимологически правильной, поскольку цель выступает как запланированный окончательный результат и определяет выбор необходимых средств и систему конкретных действий субъекта нормотворческой деятельности. К примеру, при разработке проектов ведомственных нормативных правовых актов к последним обязательно прилагается справка, содержащая цели и мотивы издания данного акта или внесения в него изменений [8].

Таким образом, целеполагание в ведомственном нормотворчестве сводится к обнаружению субъектом нормотворческой деятельности имеющейся проблемы в сфере законодательства, ее осмыслению и поиску путей разрешения про-

блемы в форме принятия ведомственного нормативного правового акта.

Стоит отметить, что дефектное целеполагание подразумевает не только несвоевременное обнаружение проблем в сфере правового регулирования, неточность определения нормотворческой цели и возможностей ее достижения субъектом нормотворческой деятельности, но и пассивное целеполагание. Такое явление правовой действительности сводится к простейшему подходу в определении цели нормотворчества, подстраивание ее под существующие объективные условия действительности, исходя из базовых общественных потребностей, а также директивных указаний либо лоббирования интересов определенной социальной группы или отдельной личности.

По мнению А. И. Пригожина, государственные цели обнаруживаются, как правило, на уровне «заданных», т. е. в «пассивном» слое целеполагания [9]. Однако в современных условиях субъекты ведомственного нормотворчества не должны придерживаться лишь подобного типа целеполагания, поскольку такая тенденция приводит к примитивному закреплению действительности в правовых нормах. Нормотворцу необходимо научиться прогнозировать будущее, замечать наметившиеся в обществе тенденции, учитывать интересы и потребности членов социума.

В этой связи пристального внимания заслуживает ценностное целеполагание, которое в наименьшей степени зависит от так называемого внешнего принуждения и направлено не просто на формирование цели, но и на прогнозирование будущего, продвижение общества и отдельно взятого человека по пути их эволюционного развития.

Не стоит забывать, что целеполагание в нормотворчестве имеет тесные взаимосвязи с другими элементами правовой системы. Ценностное целеполагание ориентировано прежде всего на общечеловеческие ценности, которые позволяют «измерять» все значимые явления и события, происходящие как в отдельно взятом государстве, так и в мировом сообществе. Такими ценностями выступают права человека, которые изменяются параллельно и наравне с эволюцией общества, откликаются на вновь возникающие нужды и потребности, обрастают крайне

важными уточнениями и вбирают в себя многочисленные нюансы, связанные с их реализацией в самых разных условиях и при разных обстоятельствах [10].

Игнорирование нормотворцем такого феномена правовой действительности, как права человека, ориентирует его на пассивное целеполагание, создавая предпосылки неэффективности будущего ведомственного нормативного правового акта, обрекает его на неуспех.

Таким образом, дефектное целеполагание может стать препятствием на пути к потенциальным положительным результатам, т. е. тем социальным последствиям, которые могли бы должным образом учесть потребности и ожидания членов нашего общества. Все это приводит к необоснованному раздуванию нормативной правовой базы и, как следствие, последующему снижению уровня эффективности ведомственного нормотворчества.

Стоит отметить, что высокие количественные показатели нормотворческой активности не всегда свидетельствуют о дефектном целеполагании. В ракурсе второго аспекта, обозначенного выше, такая тенденция может быть обусловлена динамично развивающимися общественными отношениями, которые требуют скорейшего правового урегулирования.

Так, в 2020–2021 гг. наше государство столкнулось с двумя знаковыми событиями, которые определили динамику и направленность развития российского законодательства на годы вперед — это пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19 и конституционная реформа 2020 г.

В частности, пандемия повлияла на все без исключения сферы общественных отношений, стала испытанием на прочность правовых институтов, механизмов защиты прав и свобод человека. По мнению Т. Я. Хабриевой, сложившаяся ситуация активизировала механизм «чрезвычайного права», привела к его актуализации и переходу на новый уровень [11].

В этой связи усилилась нормотворческая активность, связанная с принятием правовых норм, действие которых направлено на препятствование распространению заболевания и ликвидацию его последствий. Ряд нормативных правовых актов носил временный характер. Однако некоторые законодательные новеллы, по

мнению правоведов, будут действовать на постоянной основе.

К примеру, принятие Федерального закона от 8 декабря 2020 г. № 407-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях» стало причиной издания на ведомственном уровне Приказа Минтруда России от 26.01.2022 № 24 «О проведении оперативного мониторинга в целях обеспечения занятости населения», который устанавливает форму сведений о введении режима неполного рабочего дня (смены) и (или) неполной рабочей недели, о приостановке производства, а также об организации дистанционной (удаленной) работы.

Таким образом, обозначенный выше ведомственный нормативный правовой акт направлен на реализацию положений федерального закона № 407-ФЗ. Закрепленные ведомственные нормы делают более гибкими трудовые правоотношения, они направлены на развитие прав человека, поскольку расширяют возможности для самоопределения работников в условиях современного цифрового общества, и, следовательно, ориентированы в большей степени на ценностное целеполагание.

К слову, нормативные правовые акты, принятие которых связано с пандемией коронавируса, образуют так называемое антипандемийное законодательство. Огромная нормотворческая работа в этом направлении была проделана как на федеральном, региональном, муниципальном, так и на ведомственном уровне. Весомая нормотворческая нагрузка легла прежде всего на Министерство здравоохранения РФ.

В 2020 году федеральным государственным бюджетным учреждением «Национальный медицинский исследовательский центр фтизиопульмонологии и инфекционных заболеваний Минздрава России» был издан электронный оперативный сборник «Нормативные документы по вопросам противодействия распространению коронавирусной инфекции в Российской Федерации». Антипандемийное законодательство продолжает разрастаться и сегодня.

Вопрос о том, можно ли уже сейчас сделать предварительные выводы об эффективности

нормотворчества в данном направлении, носит дискуссионный характер. Ответ на него необходимо искать в тесной взаимосвязи антипандемийного нормотворчества с правами человека, которая проявляется в ограничении нормами права основных прав и свобод человека и гражданина и одновременно в их развитии, основанном на ответственности государства за жизнь нации. Следовательно, нормотворец ориентирован прежде всего на ценностное целеполагание в процессе нормотворчества, а значит оценка эффективности принятого акта в будущем должна иметь положительную динамику.

Отдельно стоит остановиться на конституционных преобразованиях, проведенных в нашем государстве в 2020 г. В своем ежегодном Послании Федеральному Собранию Российской Федерации от 15 января 2020 г. Президент Российской Федерации четко обозначил цели указанных преобразований, а именно обеспечение дальнейшего развития России как правового социального государства, в котором высшей ценностью являются свободы и права граждан, достоинство человека, его благополучие, а также определил основные направления таких преобразований.

В связи с принятым Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» огромное количество нормативных правовых актов было разработано в рамках «конституционных метаморфоз».

Только за период с 1 июля по 23 декабря 2020 г. в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации было внесено 139 законопроектов, в той или иной мере развивающих конституционные новеллы. В том числе Президентом Российской Федерации внесены 19 законопроектов указанной направленности, Правительством Российской Федерации — 25, депутатами Государственной Думы — 59, членами Совета Федерации — 12, органами государственной власти субъектов Российской Федерации — 17. По состоянию на 23 декабря 2020 г. из числа внесенных в Государственную Думу было принято 4 федеральных конституционных закона и 28 федеральных законов. Работа зако-

нодателя по обновлению нормативной базы продолжается и сегодня [12, с. 5].

В частности, конституционные нормы, закрепляющие ряд социальных прав человека, таких как ежегодные индексации пенсий, социальных пособий и выплат, приравнение минимальной зарплаты к прожиточному минимуму, обязывают законодателя предпринимать действия, направленные на принятие соответствующих законодательных актов (Федеральный закон от 04.02.2021 № 5-ФЗ «О внесении изменений в статьи 6 и 165 Семейного кодекса Российской Федерации»; Федеральный закон от 19.12.2022 № 522-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона "О минимальном размере оплаты труда" и приостановлении действия ее отдельных положений»; Федеральный закон от 04.11.2022 № 419-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; Федеральный закон от 04.08.2022 № 361-ФЗ «О внесении изменения в статью 11 Федерального закона "О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей"» и др.).

В рамках обновленной законодательной базы активизируется нормотворческая работа на уровне федеральных органов исполнительной власти, в частности ведомственное нормотворчество, поскольку по своей юридической природе оно ориентировано на содействие в создании условий и технологий реализации актов, обладающих более высокой юридической силой, способствует запуску в действие российского законодательства [13, с. 27]. По данным «Федерального портала проектов нормативных правовых актов», более 97 тысяч подзаконных и ведомственных нормативных правовых актов в настоящее время проходят общественное обсуждение [14].

В обозначенном ключе конституционных преобразований нормотворческие процессы, происходящие в нашем государстве, в т. ч. на ведомственном уровне, должны основываться, прежде всего, на ценностном целеполагании, что в будущем благоприятно скажется на эффективности нормотворческого результата.

Заявленная конституционная цель по обеспечению дальнейшего развития нашего государства, в котором высшей ценностью являются свободы и права граждан, явилась своеобразным

импульсом, спровоцировавшим давно назревающие изменения в политической и правовой системах Российского государства. Сложившаяся ситуация создает потенциально благоприятные условия для нормотворческой деятельности, вплетая в правовую ткань такие важные общечеловеческие ценности, как уважение прав человека, его достоинство и благополучие, в качестве основных факторов повышения эффективности нормотворчества.

Однако в рамках конституционных преобразований оценить эффективность вновь принятых ведомственных нормативных правовых актов на сегодняшний момент возможно лишь с точки зрения перспективы, которая сводится к пониманию возможного или потенциально регулирующего воздействия ведомственного акта на ту или иную узкую сферу общественных отношений.

Таким образом, сложившиеся условия дали своеобразный толчок и возможность субъектам нормотворчества более глубоко познать не только существующие объективные, но и субъективные аспекты, которые должны быть отражены в нормативном правовом акте.

Подводя итоги, следует отметить, что выявление критериев эффективности ведомственно-

го нормотворчества представляется достаточно сложной задачей. В самом обобщенном смысле критерием эффективности должна выступать цель, которую ставит перед собой нормотворец. Кроме того, поставленная цель должна коррелировать с социальными ожиданиями людей, текущими и перспективными потребностями общества, т. е. основываться на иерархии социальных ценностей в условиях динамично развивающихся общественных отношений.

По этой причине при постановке цели нормотворцу необходимо основываться не столько на пассивном, сколько на ценностном целеполагании, которое работает на прогнозирование будущего, продвижение общества и отдельно взятого человека по пути их эволюционного развития.

Поскольку цель можно охарактеризовать как некий конечный результат в будущем, к которому стремится субъект нормотворчества, оценить эффективность ведомственных норм можно лишь определив степень достижения поставленной цели на конкретный момент времени. Эффективность ведомственного нормотворчества оказывает влияние на эффективность законодательства в целом, поскольку создает условия для реализации актов, обладающих более высокой юридической силой.

Список источников

1. URL: <https://pravo-search.minjust.ru/bigs/portal.html>.
2. Лебедев М. П. Об эффективности воздействия социалистического права на общественные отношения // Советское государство и право. 1963. № 1. С. 22–31.
3. Керимов Д. А. Свобода, право и законность в социалистическом обществе. М.: Госюриздат, 1960. 223 с.
4. Пашков А. С., Чечот Д. М. Эффективность правового регулирования и методы ее выявления // Советское государство и право. 1965. № 8. С. 3–11.
5. Глазырин В. В., Кудрявцев В. П., Никитинский В. И., Самощенко И. С. Эффективность правовых норм. М.: Юрид. лит., 1980. 280 с.
6. Глазырин В. В. Прогнозирование эффективности правовых норм: возможный подход // Проблемы совершенствования советского законодательства. М., 1988. № 41. С. 23–33.
7. Жинкин С. А. Эффективность права: антропологическое и ценностное измерение: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2009. 41 с.
8. Об утверждении правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 13.08.1997 № 1009. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Пригожин А. И. Дезорганизация: причины, виды, преодоление. М., 2007. 400 с.
10. Энтин М. Л., Энтина Е. Г. Влияние права прав человека на прогрессивное развитие современного международного права. Часть I // Московский журнал международного права. 2017. № 2 (106). С. 36–38.
11. Хабриева Т. Я. «Юриспруденция пандемии»: территория чрезвычайного // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. № 1. С. 5–9.

12. Лукьянова В. Ю., Павлушкин А. В. Мониторинг законодательства Российской Федерации: динамика и тенденции развития в постсоветский период. Часть 2 // Мониторинг правоприменения. 2021. № 3 (40). С. 4–10.
13. Арзамасов Ю. Г. Теория и практика ведомственного нормотворчества: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. 480 с.
14. URL: <https://regulation.gov.ru/>.

References

1. URL: <https://pravo-search.minjust.ru/bigs/portal.html>.
2. Lebedev M. P. Ob effektivnosti vozdeystviya socialisticheskogo prava na obshchestvennye otnosheniya // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1963. № 1. S. 22–31.
3. Kerimov D. A. Svoboda, pravo i zakonnost' v socialisticheskom obshchestve. M.: Gosyurizdat, 1960. 223 s.
4. Pashkov A. S., CHEchot D. M. Effektivnost' pravovogo regulirovaniya i metody ee vyyavleniya // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1965. № 8. S. 3–11.
5. Glazyrin V. V., Kudryavcev V. P., Nikitinskij V. I., Samoshchenko I. S. Effektivnost' pravovyh norm. M.: YUrid. lit., 1980. 280 s.
6. Glazyrin V. V. Prognozirovaniye effektivnosti pravovyh norm: vozmozhnyj podhod // Problemy sovershenstvovaniya sovetskogo zakonodatel'stva. M., 1988. № 41. S. 23–33.
7. ZHinkin S. A. Effektivnost' prava: antropologicheskoe i cennostnoe izmerenie: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. Krasnodar, 2009. 41 s.
8. Ob utverzhenii pravil podgotovki normativnyh pravovyh aktov federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti i ih gosudarstvennoj registracii [Elektronnyj resurs]: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 13.08.1997 № 1009. Dostup iz sistemy «Konsul'tantPlyus».
9. Prigozhin A. I. Dezorganizaciya: prichiny, vidy, preodolenie. M., 2007. 400 s.
10. Entin M. L., Entina E. G. Vliyanie prava prav cheloveka na progressivnoe razvitie sovremennogo mezhdunarodnogo prava. CHast' I // Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava. 2017. № 2 (106). С. 36–38.
11. Habrieva T. Ya. «YUrisprudenciya pandemii»: territoriya chrezvychajnogo // ZHurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2022. № 1. S. 5–9.
12. Luk'yanova V. Yu., Pavlushkin A. V. Monitoring zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii: dinamika i tendencii razvitiya v postsovetskij period. CHast' 2 // Monitoring pravoprimeneniya. 2021. № 3 (40). S. 4–10.
13. Arzamasov Yu. G. Teoriya i praktika vedomstvennogo normotvorchestva: monografiya. M.: Yurlitinform, 2013. 480 s.
14. URL: <https://regulation.gov.ru/>.

Статья поступила в редакцию 25.11.2022; одобрена после рецензирования 14.01.2023; принята к публикации 15.03.2023.

The article was submitted 25.11.2022; approved after reviewing 14.01.2023; accepted for publication 15.03.2023.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 340.12

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ КОНЦЕПТА ПРАВОПОРЯДКА В ТЕОРИИ ПРАВА

Оксана Александровна Строева¹, Александр Сергеевич Мельник²

¹ Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия, oxana25121989@gmail.com

² Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, m310as@yandex.ru

Аннотация. Авторами анализируются содержание, сущность и природа современного концепта правопорядка с отсылками на мнения некоторых ученых и теоретиков права. Уделяется внимание тесной связи данного явления с государством и обществом. На основе проведенного анализа приводится авторское понимание концепта правопорядка, его целей и средств достижения в современной теории государства и права. Целью правопорядка выступает обеспечение полной и безусловной реализации правомерного поведения, предполагающей соответствие действий всех правовых субъектов предписанным правилам. Научная новизна работы проявляется в подходах к рассмотрению условий и вариантов понимания концепта, их взаимосвязи и взаимообусловленности. Авторы заключают, что правопорядок стремится к недостижимому идеалу, не позволяющему ему деградировать.

Ключевые слова: концепт, правопорядок, право, государство, законность, общественные отношения, правосознание, состояние, условие

Для цитирования: Строева О. А., Мельник А. С. Понятие и сущность концепта правопорядка в теории права // Алтайский юридический вестник. 2023. № 1 (41). С. 38–42.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

CONCEPT AND ESSENCE OF THE CONCEPT OF LAW ENFORCEMENT
IN THE THEORY OF LAW

Oxana A. Stroeveva¹, Alexander S. Melnik²

¹ Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia, oxana25121989@gmail.com

² Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, m310as@yandex.ru

Abstract. The authors analyze the content, essence and nature of the concept of law enforcement with references to the opinions of some scientists and legal theorists. Attention is paid to the close connection of this phenomenon with the state and society. The author's understanding of the concept of the rule of law, its goals and means of achievement in the modern theory of state and law is given based on the analysis. Consisting in the fact that the category of law and order can be defined as a state of ordered, systematized and regulated by the norms of law of public relations, which is the result of the actual execution, observance, use and application of law. The purpose of law and order is to ensure full and unconditional implementation of lawful behavior, assuming that the actions of all legal entities comply with the prescribed rules. The scientific novelty of the work is manifested in the approaches to the consideration of the conditions and options for understanding the concept, their interrelation and interdependence. The authors conclude that the rule of law tends to an unattainable ideal that does not allow it to degrade.

Keywords: concept, law and order, law, state, legality, public relations, legal awareness, state, condition

For citation: Stroeveva O. A., Melnik A. S. Concept and essence of the concept of law enforcement in the theory of law. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2023;1:38-42 (In Russ.).

Современные представления о правовом государстве неотъемлемо базируются на понятии «правопорядок». Сам правопорядок при этом является не только следствием формирования гражданского общества и правового государства, но и свидетельствует о реализации и признании прав и свобод человека и гражданина в их взаимосвязи с требованиями общества, отражает упорядоченность применения и соблюдения права, выражает его действительность [1, с. 2]. Соглашаясь с В. П. Малаховым, считаем, что правопорядок является интегральным состоянием, отражающим действие права во всей совокупности его направлений [2, с. 44]. Правопорядок есть специфическое общественное явление, которое возникает вследствие действия механизма реализации права [3, с. 192]. Неслучайно А. Тамаш справедливо указывал, что «правопорядок есть стабилизировавшееся движение, прочная реализация наличных внешних форм в общественных отношениях, существующих как правоотношения» [4, с. 52].

Современная юридическая наука определяет правопорядок как часть общественного порядка, эта взаимосвязь позволяет нам определить ряд признаков данного явления. Так, правопорядок — это прежде всего состояние общественных отношений, характеризующееся их стабильностью, которая достигается путем соблюдения определенных правил. Такими правилами являются правовые нормы, они несут в себе созидательный смысл для участников общественных отношений, упорядочивая и регламентируя их деятельность. Правопорядок в обществе достигается путем реализации субъективных прав и обязанностей, а также следования режиму законности участниками регулируемых правом общественных отношений [5, с. 441]. Законность неотделима от правопорядка, она есть его содержание, фактически удовлетворяющее общественные интересы. Правопорядок — это нормы права в их осуществлении вместе с конкретными правами, обязанностями, сетью правоотношений, соответствующих нормам права.

Терминологически содержание категории «правопорядок» предполагает такое положение общественных отношений, выраженное закономерным итогом фактического правоприменения действующего законодательства, при котором обеспечивается реализация субъективных прав

и исполнение обязанностей абсолютно всеми участниками правоотношений: отдельными гражданами, предпринимателями, юридическими лицами, публично-правовыми образованиями и их должностными лицами.

Как уже было отмечено, правопорядок есть часть общественного порядка, в связи с чем важно понять его природу. Так, до некоторого времени большая часть ученых-правоведов говорили о нем лишь как о системе существующих в обществе правовых отношений между его членами, однако такое определение не до конца верно. Важным фактором является связь с государством и обществом. В. В. Борисов отмечал: «Правовой порядок есть состояние общественной жизни развитого социалистического общества, характеризующееся внутренне согласованной и урегулированной государством системой правовых отношений и связей, основанное на точной реализации требований и принципов развитого социалистического права и законности, охране субъективного права и выполнении юридической обязанности каждым его участником» [6, с. 116]. Правопорядок в этой связи справедливо рассматривать как государственно-правовое явление. Именно государство устанавливает, санкционирует и охраняет правовые нормы, под влиянием которых общественные отношения приобретают упорядоченный характер. Еще Цицерон указывал, что государство, выражающее и защищающее общее благо, представляет собой «дело народа» (*res populi*) и одновременно «общий правопорядок».

Немаловажно для понимания концепта правопорядка правильно осознавать его соотношение с законностью. Они не тождественны, но тесно взаимосвязаны. Так, законность есть более узкое понятие, его можно определить как свойство правоотношений, характеризующееся состоянием юридической правомерности общественных отношений. Правопорядок, в свою очередь, более широк в своем определении, он включает в себя и другие свойства правоотношений, такие как системность, упорядоченность, организованность и т. д. [6, с. 118].

В то же время между данными явлениями прослеживается причинно-следственная связь, правопорядок есть результат узаконенных отношений. Законность выражается в требовании государства к деятельности субъектов права

в процессе воплощения правовых норм в социальную действительность, правопорядок есть конечное состояние общественных отношений, включающее в себя данное требование и реализующее его на практике. Таким образом, правопорядок — это законность в действии. Все манипуляции, производимые с ней, будут отражаться в правопорядке.

Отдельные авторы полагают, что правопорядок может быть организован любыми средствами и даже незаконными, однако это в корне неверно. Как уже было отмечено выше, целью урегулирования отношений выступает обеспечение состояния стабильности общественных отношений. Стремление к использованию незаконных средств обеспечения правопорядка противоречит данной цели и на деле ведет к его нарушению, дестабилизации в обществе. Например, нельзя изболбить преступника противозаконными методами не только потому, что это редко приводит к установлению истины, но и потому, что подрывает авторитет закона, создает мнение, что его можно нарушить и обойти, отрицательно влияет на правосознание, а потому и на общий правопорядок [6, с. 121]. Только законность может обеспечить правопорядок. А сам правопорядок — результат преломления в реальных общественных процессах государственной воли во всех ее проявлениях.

Вместе с законностью в рассмотрение концепта правопорядка разумно включать и правосознание, ведь именно отношение индивида к государству, устанавливаемым им нормам и праву в целом определяет состояние правопорядка. Так, если требование общества реализуется в действиях государственно-правовых субъектов и результатах их деятельности, то оно, скорее всего, будет согласно подчиняться им. В обратном же случае это приведет к фатальным последствиям для всего государственно-правового механизма: к тому, что общество перестанет доверять государству и действовать по установленным им правилам.

В то же время нужно учитывать, что исполнение правовых норм участниками правоотношений носит сугубо волевой характер. Субъект права самостоятельно решает, придерживаться ли ему той или иной нормы либо нет. В последнем случае начинает действовать механизм государственного принуждения, который побуждает

участников правоотношений действовать должным образом.

Таким образом, на основе изложенного можно констатировать, что правопорядок представляет собой не просто абстрактную категорию, отождествляемую с предполагаемым поведением или деятельностью субъектов, исходя из закрепленных в законе общеобязательных норм, а фактический результат исполнения, соблюдения, использования и применения права. Такой результат образует правопорядок и может быть достигнут лишь в двух случаях — при принудительном воздействии государства на общественные отношения либо при добровольном соблюдении изложенных в законе требований участниками правоотношений. Следовательно, правопорядок представляет собой действенный итог правоприменения, включающий условия его реализации. Однако принудительное воздействие государства на общественные отношения, по нашему мнению, видится более эффективным и потому наиболее часто используемым методом установления порядка в правоотношениях.

В то же время принудительное воздействие государства невозможно без реализации института юридической ответственности лица за совершенное им правонарушение. Именно он позволяет поддерживать стабильный уровень правопорядка в ситуации, когда часть общества отказывается действовать по установленным правилам. Так, юридическая ответственность представляет собой правоотношение, составляющими которого являются государство в лице его компетентных органов и правонарушитель, на которого за совершенное им противоправное деяние возлагается обязанность претерпевать соответствующие лишения [7, с. 312]. Такие лишения, примененные к правонарушителю, несут ряд позитивных последствий для общества и государства. Они предупреждают или по крайней мере понижают вероятность потенциально возможного повторения противоправного и общественно опасного деяния со стороны данного индивида, тем самым поддерживая нормальный порядок в общественной жизни. Правопорядок в этой связи — основная цель претерпевания неблагоприятных последствий, следствие наказания, необходимое для стабилизации правовых явлений.

Стоит отметить, что правопорядок может быть представлен в различных формах. Для

установления желаемого правопорядка необходимо определить подлежащие урегулированию отношения и только после этого издавать специальные законы, которые будут воздействовать на них. Так, истории известны разнообразные формы правопорядка: рабовладельческий, феодальный, буржуазный, социалистический и другие переходные или смешанные типы. В то же время все они являются типом общественных отношений, в которых преобладает по своим правам та или иная социальная группа, определяемая и признаваемая главенствующей государством или стоящая в его главе. Отсюда следует, что правопорядок — очень гибкая категория, способная подстраиваться под уже устоявшиеся отношения. Подстраиваясь, он образует систему правоотношений, устанавливаемых в конечном итоге в реализации созданных государством норм права.

Важно понимать, что существует два варианта для понимания правопорядка: как идеальной и реальной категории. Так, в первом случае он раскрывается как полная и безусловная реализация правомерного поведения, предполагающая соответствие действий всех правовых субъектов предписанным правилам, следствием чего является идеальное состояние общественных отношений. При таком условии допускается, что система правовых норм и органов государственной власти, осуществляющих санкционирование общественного и государственного поведения, находится в состоянии постоянного бездействия. Такой вариант выступает ориентиром для современных правоотношений и никогда не сможет быть достигнут по той причине, что всегда будет существовать часть общественного объединения, специально или случайно нарушающая установленные законодателем нормы.

Реальный правопорядок характеризуется уровнем «правильного» соблюдения, исполнения, использования и применения норм права. Соответственно, чем меньше количество совершенных в обществе правонарушений, тем крепче правопорядок. Правопорядок не ограничивается одним лишь принципом законности правоотношений, он также включает в себя и реализацию иных принципов правового государства и гражданского общества. Так, правопорядок требует целенаправленного воздействия управленческой деятельности, и лишь в условиях стабильного правопорядка эффективно функционируют общественные отношения. Правопорядок — цель, желаемый результат, желаемое состояние общества. Вследствие этого правопорядок характеризует целостность общества, причем данная целостность может быть выражена в непосредственном участии граждан в обеспечении правопорядка, что, на наш взгляд, представляет одну из форм проявления гражданского состояния общества и связано с массовым правомерным поведением [8, с. 106].

Анализируя вышеизложенное, нужно отметить то, что правопорядок является многогранным понятием. Его можно охарактеризовать как состояние общественных отношений, обусловленное тремя элементами: высоким уровнем законности, правосознанием и развитым институтом юридической ответственности. Каждый из них по-своему воздействует на общественные отношения для их упорядочения и урегулирования в целях государства. Правопорядок стремится к недостижимому идеалу, не позволяющему ему деградировать, однако если такой ориентир теряется, то это приводит к хаосу во всех сферах общественной жизни, который не позволяет поддерживать состояние правопорядка.

Список источников

1. Гринева Л. В. К вопросу о рефлексии правосознания в формировании правового государства // История государства и права. 2011. № 5. С. 2–4.
2. Малахов В. П. Многообразие методологий современной теории государства и права // История государства и права. 2009. № 19. С. 43–48.
3. Мирошниченко М. О., Тарасенко Г. В. Правовой порядок: понятие и структура // Наука и современность. 2016. № 44. 220 с.
4. Тамаш А. Судья и общество: диалектика правосознания и правоприменения / вступит. статья В. М. Сырых. М.: Юрид. лит., 1980. 142 с.
5. Морозова Л. А. Теория государства и права: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Эксмо, 2010. 384 с.

6. Борисов В. В. Правовой порядок развитого социализма. Вопросы теории. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1977. 408 с.

7. Теория государства и права для обучающихся по специальности «Правоохранительная деятельность»: учебное пособие для вузов / под ред. Р. А. Ромашова, Е. Л. Харьковского. М.: Юрайт, 2022. 441 с. URL: <https://urait.ru/viewer/teoriya-gosudarstva-i-prava-dlya-obuchayuschih-sya-po-specialnosti-pravookhranitel'naya-deyatelnost-476284#page/2> (дата обращения: 17.03.2022).

8. Строева О. А. Типологические свойства правосознания: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 191 с.

References

1. Grineva L. V. K voprosu o refleksii pravosoznaniya v formirovanii pravovogo gosudarstva // Istoriya gosudarstva i prava. 2011. № 5. S. 2–4.

2. Malakhov V. P. Mnogobrazie metodologiy sovremennoy teorii gosudarstva i prava // Istoriya gosudarstva i prava. 2009. № 19. S. 43–48.

3. Miroshnichenko M. O., Tarasenko G. V. Pravovoy poryadok: ponyatie i struktura // Nauka i sovremennost. 2016. № 44. 220 s.

4. Tamash A. Sudya i obshchestvo: dialektika pravosoznaniya i pravoprimeneniya / vstupit. statya V. M. Syrykh. M.: Yurid. lit., 1980. 142 s.

5. Morozova L. A. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik. 4-e izd., pererab. i dop. M.: Eksmo, 2010. 384 s.

6. Borisov V. V. Pravovoy poryadok razvitogo sotsializma. Voprosy teorii. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1977. 408 s.

7. Teoriya gosudarstva i prava dlya obuchayushchikhsya po spetsialnosti «Pravookhranitel'naya deyatelnost»: uchebnoe posobie dlya vuzov / pod red. R. A. Romashova, E. L. Kharkovskogo. M.: Yurayt, 2022. 441 s. URL: <https://urait.ru/viewer/teoriya-gosudarstva-i-prava-dlya-obuchayuschih-sya-po-specialnosti-pravookhranitel'naya-deyatelnost-476284#page/2> (data obrashcheniya: 17.03.2022).

8. Stroeва O. A. Tipologicheskie svoystva pravosoznaniya: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2014. 191 s.

Информация об авторе

О. А. Строева — кандидат юридических наук.

Information about the author

O. A. Stroeва — Candidate of Science (Law).

Статья поступила в редакцию 19.09.2022; одобрена после рецензирования 26.09.2022; принята к публикации 15.03.2023.

The article was submitted 19.09.2022; approved after reviewing 26.09.2022; accepted for publication 15.03.2023.

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Алтайский юридический вестник. 2023. № 1 (41). С. 43–49.
Altai Law Journal. 2023. № 1 (41). P. 43–49.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья
УДК 351.74(44)

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА КАДРОВ ФРАНЦУЗСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЖАНДАРМЕРИИ

Александр Геннадьевич Бачурин

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, vooky22@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается система полицейских органов Франции, одним из элементов которых является Национальная жандармерия. Изучается подготовка кадров в ведомственной образовательной организации – Школе офицеров национальной жандармерии. Раскрываются направления деятельности Научно-исследовательского центра школы и его структура. Изучается содержание образовательного процесса и реализуемых в школе учебных курсов, кратко рассматривается быт обучающихся и сотрудников школы. Приводятся традиции, существующие в школе, обосновывается их значение для подготовки будущих и действующих офицеров Национальной жандармерии. На основании материалов, изложенных в статье, делается вывод о необходимости изучения зарубежного опыта для его использования в профессиональной подготовке сотрудников полиции Российской Федерации.

Ключевые слова: полиция, Национальная жандармерия, офицер, профессиональная подготовка, обучение, образовательный процесс, система оценивания, научные исследования, подготовка кадров

Для цитирования: Бачурин А. Г. Профессиональная подготовка кадров французской национальной жандармерии // Алтайский юридический вестник. 2023. № 1 (41). С. 43–49.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

PROFESSIONAL TRAINING OF PERSONNEL OF THE FRENCH NATIONAL GENDARMERIE

Alexander G. Bachurin

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, vooky22@yandex.ru

Abstract. The article examines police system of the Republic of France, one of the elements of which is the national gendarmerie. The training of personnel of the national gendarmerie is being studied in a departmental educational organization – the School of Officers of the National Gendarmerie. The history of this School is given in the article. The objectives of the initial training of gendarmerie officers are outlined. The structure of the School is revealed and analyzed. The system of assessments of the quality of the educational process adopted at School is described. The directions of activity of the School's Research Center and its structure are revealed. The content of the educational process and the training courses implemented at the School are studied. The life of students and school staff is briefly considered. The traditions existing in the School are given, their importance for the training of future and current officers of the national gendarmerie is substantiated. Based on the materials presented in the article, it is concluded that it is necessary to study foreign experience for its use in the professional training of police officers of the Russian Federation.

Keywords: police, national gendarmerie, officer, professional training, education, educational process, assessment system, scientific research, personnel training

For citation: Bachurin A. G. Professional training of personnel of the French national gendarmerie. *Altajskij juridicheskiy vestnik = Altai Law Journal. 2023;1:43–49 (In Russ.).*

© Бачурин А. Г., 2023

Система полицейских органов Франции — одна из старейших в государствах Евросоюза, она отличается дуализмом. Организационно полицейские органы Республики Франции состоят из Национальной полиции (подчиняется Министерству внутренних дел) и Национальной жандармерии (до 2009 г. подчинялась Министерству обороны) [1, с. 25]. В 2009 году в ходе масштабной реформы полицейской системы Франции был принят новый закон о Национальной жандармерии. Закон закрепил основные принципы: сосуществование двух сил безопасности; сохранение военного статуса жандармерии; организационное и функциональное присоединение жандармерии к Министерству внутренних дел и, как следствие, подтверждение властных полномочий префекта, выступающего на местном уровне в роли руководителя обеих полицейских сил [2, с. 130]. Национальная жандармерия осуществляет полицейские функции примерно на 95 % территории Франции, включая все населенные пункты, численность населения которых составляет менее 10 тыс. человек. Штат Национальной жандармерии — 102 269 человек. Фактически констебли Национальной жандармерии являются полицейскими чиновниками на местах. Их работа во многом схожа с деятельностью участкового уполномоченного полиции Российской Федерации. Харизматичный комедийный образ французского жандарма из маленького курортного городка представлен в шести фильмах великим атером Луи де Финесом. Достаточно интересна и подготовка кадров национальной жандармерии в ведомственной образовательной организации, которая и будет рассмотрена в данной статье.

Школа офицеров национальной жандармерии Франции была создана в 1901 г. в казарме Schomberg (Шомберг) в Париже. В то время речь шла о том, чтобы продолжить дальнейшее обучение подразделения сержантов в офицерском корпусе. С 1 октября 1945 г. Школа офицеров национальной жандармерии переехала в квартал Augereau (Огро) в Melun (Мелон) (в префектуре на Сене и Марне), и в ней прошли обучение более 11 000 французских и более 2200 иностранных офицеров.

Последующие годы были отмечены разнообразием наборов и обучения. В 1990-х годах XX в. в Школе офицеров национальной жандар-

мерии (далее — EOGN или Школа) было определено три новых направления функционирования:

- открытость на международной арене, выражающаяся в укреплении связей с европейскими высшими школами подготовки офицеров;

- подготовка начинающих сотрудников, осуществляющих военную службу в качестве офицеров жандармерии в рамках курса, ставшего в 2000 г. курсом добровольных кандидатов (претендентов) жандармерии;

- осуществление подготовки офицеров технического и административного подразделения Национальной жандармерии, подразделений, созданных в 2002 г. и предназначенных выполнять обязанности, относящиеся к организации тыла и снабжения, обращения с оружием.

2002 год особенно знаменателен для истории Школы. Именно с этой даты набор стал осуществляться напрямую на конкурсной основе для молодых выпускников университета, имеющих диплом об окончании второго цикла обучения. То есть желающие стать офицерами жандармерии обращаются непосредственно в Школу. В этот же год начинается и полная реформа системы обучения. Обучение реализуется по типовым моделям с индивидуальным уклоном, принимаются в расчет достижения учеников, их стремления, а также потребности жандармерии. Школа становится образовательной организацией с военной спецификой, готовящей кадры и для государственной службы.

В 2008 году в структуру Школы включается Центр высшего образования жандармерии (CESG), и на её базе начинает работу Научно-исследовательский центр по подготовке (обучению) офицеров. В настоящее время EOGN является уникальной и единственной во Франции кузницей по подготовке (обучению) офицеров жандармерии, в которой слушатели получают первоначальную подготовку, основное образование, повышение квалификации, проводятся научные исследования в интересах жандармерии. Также в Школе проходят подготовку и кадры высшего командного состава, которые обучаются работе с персоналом, взаимодействию с административными, судебными властями и военными, а также с выборными должностными лицами, получая навыки эффективного менеджмента. Всего штат EOGN вместе с об-

учающимися насчитывает 6543 офицера жандармерии.

В рамках первоначальной подготовки каждого офицера Школа реализует четыре основных цели:

- развитие личностных качеств понимания человеческой, социальной и профессиональной сред;

- приобретение юридических, технических и административных знаний, необходимых для командования подразделениями;

- подготовка в качестве военного лидера (командира воинского подразделения) к действиям в кризисных ситуациях или вооруженных конфликтах;

- формирование личности офицера жандармерии в соответствии с законом и этическими нормами.

Обучение в рамках Школы ориентируется на несколько областей исследований, признанных во Франции и зарубежных государствах, а именно этики и деонтологии (учение о проблемах морали и нравственности). Возможно в Школе и повышение квалификации в дистанционном формате, используя ресурсы веб-сайта EOGN, с получением соответствующего сертификата.

Школа офицеров национальной жандармерии непосредственно подчиняется руководству Национальной жандармерии, расположенному в Rochefort (Рошфоре) (в префектуре Приморской Шаранты).

Школа состоит из трёх подразделений:

- управление обучением (ответственное за первоначальное и непрерывное обучение);

- штаб (персонал) (среда поддержки);

- научно-исследовательский центр.

С 2018 года Школу офицеров национальной жандармерии возглавляет генерал дивизии (соответствует российскому генерал-майору) Кристоф Бойер (Christophe BOYER).

Качество обучения в EOGN подтверждено заключением от 14 апреля 2008 г. Французской ассоциации норм и стандартов (AFAQ). EOGN является единственной во Франции крупной военной школой и школой государственной службы, которая сертифицирована Международной организацией по стандартизации (ISO 9001).

Качественный подход в обучении, разработанный в EOGN, реализуется в лозунге «Делать больше с меньшими затратами», что нацелено в конечном счете на непрерывное улучшение человеческих ресурсов (качества подготовки кадров) с оптимизацией каждого потраченного евро.

Текущий контроль качества подготовки слушателей Школы формируется исходя из двух разновидностей оценок «удовлетворительно» и «неудовлетворительно» (chaud et froid, «горячо» и «холодно»). Как инструмент оценивания используется и «колесо Деминга». «Колесо Деминга», или цикл PDCA, представляет собой определенную последовательность операций: «планируй, делай, проверяй и действуй» [2, с. 125], направленных на совершенствование деятельности. Приведем наглядный пример цикла PDCA (рис. 1).

Рисунок 1

Текущий контроль качества подготовки обучающихся проводится спустя 6 и 18 месяцев после назначения офицеров учениками в соответствии с их должностным положением.

Большое внимание в EOGN уделяется и научным изысканиям, которые осуществляются в Научно-исследовательском центре, расположенном в Школе офицеров национальной жандармерии. Данный центр проводит исследования в областях, соответствующих потребностям жандармерии, в частности, путем обеспечения согласованной работы с иными существующими исследовательскими организациями в области внутренней безопасности и обороны, как французскими, так и зарубежными. Особое значение имеют работы в области прогнозирования в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Центр состоит из двух отделов:

- отдел исследований;
- отдел документации.

Отдел исследований выполняет две функции:

- принимает участие в первоначальной подготовке офицеров, направляя и контролируя исследовательские работы учащихся офицеров и курсантов, переходящих в докторантуру, позволяющие им продолжить научные изыскания;

- предлагает продолжить занятие наукой на уровне докторантуры, объединяя работы нескольких авторов из разных областей исследования в области обороны и безопасности. Основные направления научных изысканий определяет Генеральный директор Национальной жандармерии. В настоящее время приоритетными являются следующие области исследования:

- безопасность и территория;
- безопасность и окружающая среда;
- безопасность и наука;
- этика безопасности;
- право и безопасность;
- история и безопасность.

Вторым структурным подразделением Научно-исследовательского центра является отдел документации. В отделе документации хранится более 16 000 документов как в бумажном, так и электронном формате, касающихся деятельности жандармерии. В отделе документации оборудован читальный зал, подключенный к сети Интернет, а также сетям Национальной жандармерии Франции. Научно-исследовательский

центр Школы офицеров национальной жандармерии открыт с понедельника по четверг с 8.00 до 17.30. В данное время в Центр может обратиться любой офицер жандармерии, чтобы воспользоваться его ресурсами.

Для поступления в EOGN кандидат на обучение прибывает уже как штатный сотрудник жандармерии или как ученик (претендент). С прибывающими на обучение работает отдел связи (приемная комиссия), который предоставляет документы, позволяющие подготовиться к будущему обучению или назначению на должность сотрудника жандармерии. Кроме того, претендент на поступление в Школу может ознакомиться с необходимыми документами в туристическом бюро префектуры г. Мелона.

Курсанты, зачисленные в Школу, размещаются в ней в зависимости от их статуса. Штатным сотрудникам, проходящим обучение (офицерам и сержантам жандармерии), офицерам-слушателям и курсантам предоставляется служебное жилье. Жилье находится за пределами Школы офицеров национальной жандармерии либо в центре гражданской части Мелона:

- улица Луи Шарль Вернен;
- улица Луи Бонье;
- проспект 31 РИ;
- улица Реколет;
- либо в военной части города: квартал Лемэтр, передвижная (мобильная) казарма жандармерии на проспекте Корбе в Мелоне.

Сотрудники самой Школы могут получить жилье либо в квартале Лемэтр для штатных сотрудников, либо в стенах Школы.

Слушатели, прибывающие на краткосрочные курсы, размещаются в общежитии в индивидуальных комнатах. В Школе офицеров национальной жандармерии для обучения и восстановления сил имеются спортзалы, бассейны, тир, собственный бар, гостиницы, парикмахерская. Причем эти заведения имеют право посещать как сотрудники жандармерии, так и члены их семей.

Сам образовательный процесс в Школе разбит на классы и семестры. В 1-м классе 1-й семестр посвящен изучению основам лидерства. Курсанты проходят военную и тактическую подготовку, перемежающуюся многочисленными стажировками, что позволяет им в конечном итоге получить квалификацию начальника сек-

ции (руководителя подразделения). 2-й семестр посвящен стажировке в конкретных подразделениях жандармерии, в т. ч. в системе гражданской обороны, с приобретением квалификации спасателя. В течение первого года курсанты также могут подать заявку на получение парашютного патента или сертификата о горной подготовке. По окончании первого года обучения кадеты получают офицерское звание.

3-й семестр, который знаменует собой начало второго курса, посвящен правовой подготовке. Офицеры-курсанты получают дополнительную профессиональную подготовку, проходя стажировку по поддержанию правопорядка, а также аттестуются по полученным знаниям.

Наконец, 4-й и последний семестр обучения — это специализация. После выбора своей доминанты (общественная безопасность, судебная полиция, безопасность дорожного движения или поддержание правопорядка) офицеры-курсанты готовятся к работе в конкретном подразделении жандармерии. Общий срок обучения по указанной выше программе 11 месяцев.

Реализует Школа и отдельные образовательные курсы для различных категорий. Одним из них является курс «Подготовка офицеров жандармерии высшего ранга (OGR)». Обучение офицеров жандармерии, получивших это звание, имеет ряд особенностей. Обучение длится семь недель, в течение которых слушатели обновляют свои профессиональные знания, их обучают менеджменту и готовят к выбранной доминанте работы. По окончании обучения им присваивается звание «руководитель оперативного подразделения жандармерии».

Готовит школа и офицеров технического и административного корпуса жандармерии (ОСТА). Стать офицером технического и административного корпуса — значит занять должность эксперта высокого уровня в административной, технической и логистической областях. Продолжительность обучения ОСТА варьируется в зависимости от типа найма от 3 месяцев до 2 лет. Кандидаты должны соответствовать критериям нормативной медицинской пригодности. Обучение курсантов-офицеров длится два года. В 1-м классе 1-й семестр посвящен изучению основ лидерства. Курсанты проходят военную и тактическую подготовку, перемежающуюся многочисленными стажировками, что позволя-

ет им в конечном итоге получить квалификацию начальника секции. 2-й семестр чередуется стажировками в ротах жандармерии департамента или в штабе. В 3-м семестре, который знаменует собой начало второго курса, офицеры-курсанты сосредотачиваются на получении степени магистра по специальности «Менеджмент и консалтинг» и проходят многочисленные профессиональные стажировки в штабных подразделениях. Наконец, 4-й и последний семестр обучения — это специализация. После выбора своей профессиональной области (финансовая логистика, человеческие ресурсы, управленческий контроль) они проходят соответствующую подготовку в качестве руководителя службы оперативной поддержки.

Имеются и краткосрочные курсы. Например, МООК (массовые открытые онлайн-курсы) «Антикризисное управление», включающие в себя пять модулей и онлайн-упражнение для понимания механизмов, которые применяются во время антикризисного управления. Принимая решения, анализируя и применяя методы разрешения кризисов, офицеры жандармерии делятся своими ноу-хау, чтобы наилучшим образом реагировать на кризисы любой интенсивности.

Специализированная программа MBA «Управление безопасностью» предлагает инновационное обучение, основанное на опыте жандармерии, передовом опыте ее академических партнеров и на лучших практиках предпринимательского менеджмента. Данная программа предназначена для руководителей частного и государственного секторов, а также для участников сектора безопасности/охраны. После ее прохождения слушатели могут занять должность директора по безопасности, в т. ч. и в бизнес-структурах.

Проходят в Школе и переподготовку офицеры запаса. Это месячное обучение, разделенное на два основных этапа. Быть офицером запаса — значит командовать и автономно управлять отрядом охраны и реагирования резервистов (DSIR), а также участвовать в управлении резервом на уровне группы жандармерии департамента (трудоустройство, обучение, аттестация).

Кроме образовательного процесса, Школа славится и своими традициями. Например, «Передача традиций» — в ходе торжественной церемонии выпускники вручают отличительные

знаки курсантов, полученные в Школе, новому набору.

«Бдение у флага». Новобранцы в парадном строю проводят ночь перед флагом Франции, стоя по стойке смирно. Эта традиция позволяет курсантам задумываться о смысле своей приверженности выбранной профессии и, таким образом, убедиться в своей мотивации принадлежать к офицерскому корпусу. По окончании церемонии курсантам вручаются форменные кепи и жезл, которые символизируют принадлежность к жандармерии.

Первое построение в традиционной парадной форме (тетра) жандармерии. Ношение этой формы позволяет учащимся полностью осознать великое прошлое, наследниками которого они являются. Тетра представляет собой форму жандармерии Корсики и Африки образца 1885 г. Синие туники украшены орнаментом на плечах и нашивками на нижней части рукавов. Брюки имеют ленту матового золотого цвета. Традиционными атрибутами парадного наряда являются булавка, трилистник, наплечник, обшлагаи рукавов, пояс и пуговицы.

Раз в месяц руководители, учащиеся и стажеры Школы собираются на площади Пласа-де-Армас вокруг французского флага для традиционной церемонии возложения цветов. Исполняется государственный гимн, командир Школы вручает награды, вспоминают заслуженных военнослужащих Национальной жандармерии.

«Вручение сабель». Сабля, являющаяся символом честности и командования, вручается курсантам-офицерам через 5 месяцев после начала их обучения. Эта церемония знаменует их вступление в офицерский корпус и их приверженность уважению ценностей самоотверженности, мужества и образцового поведения,

которыми они должны руководствоваться в своей повседневной деятельности. Эта церемония, проводимая под председательством высших гражданских и военных властей, является одной из самых важных в обучении курсанта-офицера.

Военный парад 14 июля в День взятия Бастилии — это военный парад, проводимый ежегодно с 1880 г. в Париже по случаю национального праздника Франции. Традиционно военный кортеж, состоящий из пеших, конных, моторизованных и воздушных подразделений, проходит по авеню Елисейских полей к площади Согласия, где военнослужащих приветствуют Президент Республики, правительство, представители высших государственных органов, дипломатического корпуса, а также политические деятели иностранных государств. Обучающиеся и сотрудники Школы шествуют вторыми в процессии.

Таким образом, EOGN представляет собой образовательную организацию, комплексно реализующую профессиональную подготовку кадров Национальной жандармерии, начиная от первоначальной подготовки, специализации, повышения квалификации, заканчивая многопрофильными научными исследованиями в сфере обеспечения правопорядка и безопасности.

Опыт и организацию EOGN уместно изучать с целью применения в рамках оптимизации системы профессионального обучения сотрудников полиции Российской Федерации. Например, с целью приобретения курсантами не только полицейских знаний, но и навыков спасателя путем соответствующей стажировки в профильных подразделениях. Интересна практика EOGN по развитию лидерских качеств руководителей, подготовке эффективных менеджеров, антикризисных управленцев и т. д.

Список источников

1. Правоохранительные системы иностранных государств и нормативно-правовая база их деятельности (на примере полиции Великобритании и Франции). М.: ВНИИ МВД России, 2003. 44 с.
2. Андреева И. А. Закон о Национальной жандармерии Франции от 3 августа 2009 г.: новая веха в истории полиции Франции // Российский юридический журнал. 2013. № 3. С. 124–131.
3. Дамбовская А. Стратегия кайдзен в управлении качеством трудовой жизни персонала организаций // Кадровик. Кадровый менеджмент. 2011. № 10. С. 152–157.
4. Официальный сайт EOGN. URL: <https://www.gendarmerie.interieur.gouv.fr/eogn/> (дата обращения: 15.03.2022).

References

1. Pravookhranitel'nye sistemy inostrannykh gosudarstv i normativno-pravovaya baza ikh deyatel'nosti (na primere politsii Velikobritanii i Frantsii). M.: VNII MVD Rossii, 2003. 44 s. 2.
2. Andreeva I. A. Zakon o Natsional'noj zhandarmerii Frantsii ot 3 avgusta 2009 g.: novaya vekha v istorii politsii Frantsii // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. 2013. № 3. S. 124–131.
3. Dambovskaya A. Strategiya kajdzen v upravlении kachestvom trudovoj zhizni personala organizatsij // Kadrovik.
4. URL: <https://www.gendarmerie.interieur.gouv.fr/eogn/> (дата обращения: 15.03.2022).

Информация об авторе

A. G. Bachurin — кандидат юридических наук.

Information about the author

A. G. Bachurin — Candidate of Science (Law).

Статья поступила в редакцию 13.12.2022; одобрена после рецензирования 13.01.2023; принята к публикации 15.03.2023.

The article was submitted 13.12.2022; approved after reviewing 13.01.2023; accepted for publication 15.03.2023.

Научная статья
УДК 342

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОФОРМЛЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ГОСУДАРСТВЕННОМ И МУНИЦИПАЛЬНОМ КОНТРАКТЕ

Елена Олеговна Бондарь¹, Светлана Викторовна Изутина², Дарья Алексеевна Грачева³

¹ Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, bondar_elena@mail.ru

² Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия, lana.2029@mail.ru

³ Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Москва, Россия, gracheva.dash@yandex.ru

Аннотация. В современных условиях особенно остро стоит вопрос о результатах интеллектуальной деятельности, созданных в процессе выполнения государственных и муниципальных контрактов. Возникновение споров о том, кому именно принадлежат такие результаты, в эффективной экономике просто недопустимо. В связи с этим требуется разработка четкой системы правового регулирования, в которой нет места двусмысленностям и недоработкам. Ведь результатом таких ошибок может стать неэффективность решения проблем государственной важности. Наиболее важные из них обеспечены дополнительным правовым регулированием.

Ключевые слова: государственный и муниципальный контракт, патент, Гражданский кодекс, результаты интеллектуальной деятельности, государственное управление правами на результаты интеллектуальной деятельности

Для цитирования: Бондарь Е. О., Изутина С. В., Грачева Д. А. Проблемы правового регулирования оформления результатов интеллектуальной деятельности в государственном и муниципальном контракте // Алтайский юридический вестник. 2023. № 1 (41). С. 50–54.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION THE RESULTS OF INTELLECTUAL ACTIVITY IN THE STATE AND MUNICIPAL CONTRACT

Elena O. Bondar¹, Svetlana V. Izutina², Darya A. Gracheva³

¹ Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, bondar_elena@mail.ru

² Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, lana.2029@mail.ru

³ The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, gracheva.dash@yandex.ru

Abstract. In modern conditions, the issue of the results of intellectual activity created in the process of fulfilling state and municipal contracts is especially acute. The emergence of disputes about who exactly owns such results is simply unacceptable in an efficient economy. In this regard, it is necessary to develop a clear system of legal regulation, in which there is no place for ambiguities and shortcomings. After all, the result of such errors can be the ineffectiveness of solving problems of national importance. The most important of them are provided with additional legal regulation.

Keywords: state and municipal contract, patent, Civil Code, results of intellectual activity, state management of rights to the results of intellectual activity

For citation: Bondar E. O., Izutina S. V., Gracheva D. A. Problems of legal regulation the results of intellectual activity in the state and municipal contract. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2023;1:50–54 (In Russ.).

Гражданский кодекс регулирует правоотношения, связанные с возникновением права на получение патента или исключительного права на результат интеллектуальной деятельности (РИД) у государства, субъекта федерации или муниципального образования тогда, когда исполнитель, выполняя работы, предусмотренные государственным или муниципальным контрактом, не оформил закрепление исключительных прав на РИД в течение года. Данное положение регламентирует возможность получения исключительных прав только на те РИД, которые создавались за счет бюджетного финансирования. Главным критерием при этом является то, что созданные объекты не должны быть связаны с обеспечением обороны и безопасности.

Правительством Российской Федерации были утверждены Правила (они вступили в действие с начала 2022 г.) [1], регламентирующие особенности условий и порядка исполнения обязанности использования полученных в ходе выполнения государственных или муниципальных контрактов результатов. В Правилах установлены также последствия, которые возникнут в случае неисполнения, а также условия, при которых прекращается возможность использовать полученные результаты.

Установленные Правила не касаются тех объектов, которые имеют непосредственную связь с обеспечением обороны и безопасности [2].

Данная обязанность считается исполненной в следующих случаях:

- 1) РИД внедрены в собственное производство;
- 2) реализованы экономические и организационные решения на основе созданного РИД;
- 3) на основе использования РИД введены в употребление новые или улучшенные товары и процессы, методы организации работы и ноу-хау;
- 4) в гражданский оборот введены товары и услуги, для производства которых используется созданный РИД.

При этом у правообладателя имеется обязанность направления заказчику подтверждений, доказывающих, что полученный РИД используется, или о том, что данное исключительное право передано другому лицу, заинтересованному в использовании данного РИД.

Правообладатель перестает нести обязанность использовать РИД в следующих случаях:

- 1) когда эта обязанность исполнена;
- 2) когда исключительное право передано другому лицу. Это может быть в том числе и лицо, которое предложил заказчик;
- 3) в случаях, когда правовая охрана РИД прекращена.

С 24 сентября 2022 г. вступил в действие Порядок [1], в соответствии с которым должны действовать государственные и муниципальные заказчики, оформляя исключительное право на РИД.

Оформленные исключительные права учитываются бюджетными организациями в качестве нематериальных активов. При этом необходимо, чтобы созданный объект соответствовал тем критериям, которые установлены соответствующими стандартами и инструкциями по ведению бюджетного учета.

Рассматривая вопросы управления исключительными правами на РИД, которые принадлежат Российской Федерации, ее субъектам или муниципальным органам, следует понимать правовую природу возникающих в данном случае отношений. Следует отметить некоторую неоднозначность правовой природы этих отношений. В нее включены отношения, в ходе которых реализуется публично-правовая функция государства. Она служит основанием для регулирования отношений, при которых происходит приобретение исключительных или лицензионных прав на РИД, а также отношений, регламентация которых аналогична нормам частного права. Это тот случай, когда для регулирования применяются договорные модели, используемые в ходе создания РИД. Здесь государство является заказчиком. При этом заключаются различные договоры, например на проведение научно-исследовательских, технологических и опытно-конструкторских работ. Поскольку государство заинтересовано в том, чтобы разрабатывались новые технологии, оно финансирует данную деятельность, однако приобретение исключительных прав на созданные объекты проводит не всегда. В связи с этим существует необходимость в создании легальной основы для использования РИД, права на который принадлежат другому лицу, без его согласия в силу норм Гражданского кодекса Российской Федера-

ции. Это требует установить в ГК РФ основания, в соответствии с которыми будут ограничены субъективные исключительные права частных лиц. Исключительные права государства и его возможности по распоряжению такими правами абсолютно аналогичны правам любого другого правообладателя. Однако при этом выделяется не частноправовой, а публично-правовой характер права. Распоряжение основано на необходимости удовлетворять государственные нужды, выполнять основные функции государства — экономическую, социальную, оборонительную, безопасности и т. д. Механизм, с помощью которого осуществляется управление, должен содержать в себе те нормы, которые обеспечивают правовую охрану и защиту прав и интересов государства [3].

Однако государственное управление правами на РИД может рассматриваться и более широко. В этом случае следует уделять внимание и решению вопросов, в соответствии с которыми осуществляется политико-правовое регулирование в первую очередь по вопросам стратегического планирования. Такой аспект исследуется, например, в трудах Н. А. Шебановой, которая считает, что государственное управление интеллектуальной собственностью включает в себя следующие аспекты:

- 1) государственную политику, регламентирующую сферу интеллектуального права;
- 2) формирование институциональных основ управления (создание органов исполнительной власти и определение их компетенций);
- 3) выделение субъектов, которые непосредственно владеют интеллектуальными правами государства;
- 4) строгий учет и регулярные инвентаризации объектов интеллектуальной собственности, находящихся в ведении государства;
- 5) разработку комплекса нормативно-правовых актов, которые регламентируют порядок вовлечения РИД, находящихся в собственности государства, в хозяйственный оборот [4].

Н. А. Шебанова согласна с тем, что рассматривать данные вопросы можно и в узком аспекте, когда государство выступает в качестве обычного интеллектуального собственника (физического или юридического лица) и осуществляет реализацию своих интеллектуальных прав через наделение государственных заказчиков комплек-

сом соответствующих полномочий. Она считает, что за исключением стандартных действий, вкладываемых в понятие «управление правами на РИД в организации», государство должно создавать систему экономических отношений, способствующих ведению научно-технической деятельности, и использовать созданные РИД с целью обеспечить реализацию основополагающих социальных и экономических интересов общества и государства».

Таким образом, государственная деятельность, направленная на управление интеллектуальной собственностью, включает в себя как нормотворческую деятельность, так и работу, связанную с реализацией собственных прав на объекты интеллектуальной собственности.

В соответствии с нормами Федерального закона № 456-ФЗ [5], вступившего в силу с начала 2022 г., создается гражданско-правовая основа, на которой модернизируется организационно-правовой механизм, устанавливающий права государственного и муниципального заказчика на РИД. Это подтверждается следующими обстоятельствами.

Прежде всего заметны изменения в общем подходе к систематизации соответствующих норм. Раньше регулирование осуществлялось на основе идеи о «единой технологии», которая представлялась сложным объектом интеллектуальных прав. В нее включались как те права, которые подлежат охране, так и те, которые не охраняются в качестве интеллектуальной собственности. В настоящее же время основой такого регулирования стали правовые предпосылки, на основе которых возникают и сами РИД, и права на них. Это подтверждается тем, что утратила силу глава 77 ГК РФ, а также тем, что в нормы гражданского законодательства включена статья 1240.1, которая стала центром регулирования соответствующих отношений.

Кроме того, эта статья содержит в себе правовые предпосылки, на основе которых формируется новая нормативная база, регулирующая отношения в сфере управления правами на РИД, принадлежащими государству.

Необходимо отметить также факт отмены действия тех федеральных законов, в сферу воздействия которых входила регламентация отношений, возникающих при передаче прав на единые технологии. В связи с этим регламента-

ция отношений этого рода сейчас имеет в своей основе только нормы ГК РФ, направленные на регулирование оборота интеллектуальных прав.

Регулирование данной сферы осуществляется Правительством с помощью разработки типовых лицензионных договоров, на основании которых может безвозмездно предоставляться право использования РИД для государственных или муниципальных нужд. Правительство в настоящее время активно занимается разработкой соответствующей нормативно-правовой базы.

В настоящее время сформировалась острая потребность в формулировании в гражданском законодательстве норм, которые будут определять принадлежность исключительных прав на РИД, созданные на предприятиях и в учреждениях, непосредственно данным предприятиям и учреждениям. Защита интереса в приобретении этих прав может осуществляться с помощью положений, которые будут предусматривать переход исключительных прав к учредителям предприятий и учреждений в случае их ликвидации или расформирования. При этом должен заключаться договор об отчуждении, который заключается после того, как произведены все расчеты с кредиторами. Возможно внести в нормы наличие преимущественных прав на приобретение прав на объекты РИД собственником в тех случаях, когда на них обращено взыскание. При этом необходима также разработка нормы, в которой будут указаны те виды имущества, которые могут находиться только в собственности государства или муниципалитетов. Среди таких объектов могут быть, к примеру, секретные изобретения. Это позволит ограничить возможность отчуждать права на подобные объекты на договорной основе или же обращаться на них взыскание. При этом будет сохранена возможность предоставления права использования таких объектов определенным лицам [6].

Гражданское законодательство не содержит норм, которые запрещают правообладателям выдавать простые неисключительные лицензии работодателям или лицам, а также заключать соответствующие договоры. В случаях, когда он уже успел предоставить право использовать РИД на основе исключительной лицензии, он теряет право предоставления лицензий другим лицам, при этом несет обязанность предоставления неисключительной лицензии тому лицу, на которое укажет государственный заказчик. Это говорит о наличии коллизии норм в действующем гражданском законодательстве. В таких условиях лицензиар должен выдать неисключительную лицензию в соответствии с требованиями закона. И появляется некоторая неопределенность по поводу ранее выданной исключительной лицензии. Будет ли она продолжать действовать, трансформируется в неисключительную или вовсе прекратится? Какие еще негативные последствия для лицензиара могут возникнуть? Безусловно, что эти вопросы должны быть четко отражены в действующем законодательстве.

В заключение отметим, что на данный момент оценку эффективности новых законодательных норм давать еще рано – они действуют менее года. Однако уже сейчас видно, что простор для совершенствования законодательства определенно есть. Полная оценка эффективности может быть осуществлена только после того, как будет полностью создан правовой механизм управления принадлежащими государству и муниципальным органам правами на РИД, а также будет накоплена правоприменительная практика.

При этом следует отметить, что некоторые вопросы, рассмотренные в статье, необходимо предварительно осмыслить на доктринальном уровне.

Список источников

1. Об утверждении Правил, определяющих условия и порядок исполнения обязанности по использованию результата интеллектуальной деятельности, полученного при выполнении работ по государственному или муниципальному контракту, последствия ее неисполнения и условия ее прекращения: постановление Правительства РФ от 24.11.2021 № 2016 // *Собрание законодательства РФ*. 2021. № 48. Ст. 8092.

2. Васильева Е. Н. Обновление правового механизма управления правами Российской Федерации на результаты интеллектуальной деятельности // *Журнал Суда по интеллектуальным правам*. 2021. № 4 (34). С. 7–18.

3. Городов О. А. О правовом режиме результатов интеллектуальной деятельности, созданных при выполнении государственного или муниципального контракта // Современные проблемы развития предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом: монография / Н. Ю. Андреев, Л. Л. Арзуманова, В. С. Белых [и др.]; под общ. ред. В. А. Вайпана, М. А. Егоровой. М.: Юстицинформ, 2021. 672 с.

4. Шебанова Н. А. К вопросу об управлении правами на РИД, принадлежащими Российской Федерации // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. № 3. С. 69–79.

5. О внесении изменений в части вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации: федеральный закон от 22.12.2020 № 456-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Шлойдо Г. А. Права авторов служебных изобретений в свете новелл патентного законодательства // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2021. № 4. С. 50–62.

References

1. Ob utverzhdenii Pravil, opredelyayushchikh usloviya i poryadok ispolneniya obyazannosti po ispolzovaniyu rezultata intellektualnoi deyatelnosti, poluchennogo pri vipolnenii rabot po gosudarstvennomu ili munitsipalnomu kontraktu, posledstviya yee neispolneniya i usloviya yee prekrashcheniya: postanovlenie Pravitelstva RF ot 24.11.2021 № 2016 // Sobranie zakonodatelstva RF. 2021. № 48. St. 8092

2. Vasileva Ye. N. Obnovlenie pravovogo mekhanizma upravleniya pravami Rossiiskoi Federatsii na rezultati intellektualnoi deyatelnosti // Zhurnal Suda po intellektualnim pravam. 2021. № 4 (34). S. 7–18.

3. Gorodov O. A. O pravovom rezhime rezultatov intellektualnoi deyatelnosti, sozdannikh pri vipolnenii gosudarstvennogo ili munitsipalnogo kontrakta // Sovremennye problemi razvitiya predprinimatelskogo i korporativnogo prava v Rossii i za rubezhom: monografiya / N. Yu. Andreev, L. L. Arzumanova, V. S. Belikh [i dr.]; pod obshch. red. V. A. Vaipana, M. A. Egorovoi. M.: Yustitsinform, 2021. 672 s.

4. Shebanova N. A. K voprosu ob upravlenii pravami na RID, prinadlezhashchimi Rossiiskoi Federatsii // Zhurnal Suda po intellektualnim pravam. 2021. № 3. S. 69–79.

5. O vnesenii izmenenii v chasti vtoruyu i chetvertuyu Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii i priznanii utrativshimi silu zakonodatelnykh aktov (otdelnykh polozhenii zakonodatelnykh aktov) Rossiiskoi Federatsii: federalnii zakon ot 22.12.2020 № 456-FZ [Elektronnii resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoi sistemi «KonsultantPlyus».

6. Shloido G. A. Prava avtorov sluzhebnykh izobretenii v svete novell patentnogo zakonodatelstva // Intellektualnaya sobstvennost. Promishlennaya sobstvennost. 2021. № 4. S. 50–62.

Статья поступила в редакцию 05.12.2022; одобрена после рецензирования 13.01.2023; принята к публикации 15.03.2023.

The article was submitted 05.12.2022; approved after reviewing 13.01.2023; accepted for publication 15.03.2023.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья
УДК 342.9:343.2/.7

**ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ИНИЦИАТИВА О ВВЕДЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УГРОЗУ УБИЙСТВОМ ИЛИ ПРИЧИНЕНИЕМ ВРЕДА
ЗДОРОВЬЮ ПРИ ОТСУТСТВИИ ПРИЗНАКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

Людмила Геннадьевна Коновалова

*Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Барнаул, Россия, vaskova82@yandex.ru*

***Аннотация.** В статье проводится анализ предложения о введении административной ответственности за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния, выдвинутого прокуратурой Красноярского края в 2022 г. Также указывается, что прокуратура не обладает правом законодательной инициативы на федеральном уровне осуществления публичной власти, однако имеет возможность реализовать свое предложение через иных субъектов права законодательной инициативы. Предлагается анализ текстовых формулировок предполагаемого состава с учетом различных точек зрения на рассматриваемый вопрос.*

***Ключевые слова:** законодательная инициатива, административная ответственность, угроза, эффективность законодательства*

***Для цитирования:** Коновалова Л. Г. Законодательная инициатива о введении административной ответственности за угрозу убийством или причинением вреда здоровью при отсутствии признаков преступления // Алтайский юридический вестник. 2023. № 1 (41). С. 55–65.*

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

**LEGISLATIVE INITIATIVE ON THE INTRODUCTION OF ADMINISTRATIVE
RESPONSIBILITY FOR THE THREATS OF MURDER OR INJURY TO HEALTH
IN THE ABSENCE OF SIGNS OF A CRIME**

Ljudmila G. Konvalova

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Barnaul, Russia, vaskova82@yandex.ru

***Abstract.** The article analyzes the proposal to introduce administrative responsibility for the threat of murder or causing grievous bodily harm, if these actions do not contain a criminally punishable act put forward by the prosecutor's office of the Krasnoyarsk Territory in 2022. It is also indicated that the prosecutor's office does not have the right to legislative initiative at the federal level of public authorities, however, has the opportunity to implement its proposal through other subjects of the right of legislative initiative. An analysis of the textual formulations of the proposed composition is proposed, taking into account different points of view on the issue under consideration.*

***Keywords:** legislative initiative, administrative responsibility, threat, effectiveness of legislation*

***For citation:** Konvalova L. G. Legislative initiative on the introduction of administrative responsibility for the threats of murder or injury to health in the absence of signs of a crime. *Altajskij juridicheskiy vestnik* = *Altai Law Journal*. 2023;1:55–65 (In Russ.).*

В 2022 году прокуратурой Красноярского края было выдвинуто предложение о введении административной ответственности за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния (не имелось оснований опасаться осуществления этой угрозы). Инициатива подкреплена анализом статистических данных практики правоприменения по Сибирскому федеральному округу, свидетельствующих об актуальности рассматриваемой проблематики и о целесообразности использования превентивных свойств административной ответственности в отношении насильственных преступлений. В частности, в первом полугодии 2022 г. на территории Сибирского федерального округа зарегистрировано 163 039 преступлений, в т. ч. особо тяжких и тяжких — 41 767, из них убийств и покушений на убийство — 760, умышленного причинения тяжкого вреда здоровью — 2103, в т. ч. повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего — 353. При этом по округу за 7 месяцев 2022 г. возбуждено 468 уголовных дел по ст. 116.1 УК РФ «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию», 111 уголовных дел по ст. 116 УК РФ «Побои», 4212 уголовных дел по ст. 119 УК РФ «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью». Одновременно органами внутренних дел в указанный период 2022 г. вынесено более 24,5 тысяч постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела по ст. 119 УК РФ. При этом, как правило, отказы в возбуждении уголовного дела связаны с тем, что виновное лицо не предпринимало активных действий по подкреплению своих угроз, что не позволяло правоприменительным органам интерпретировать угрозу как реальную.

К настоящему времени указанное предложение активно обсуждается и прорабатывается с целью решения вопроса о дальнейшем его продвижении. В том числе Управлением Генеральной прокуратуры Российской Федерации по Сибирскому федеральному округу 20 декабря 2022 г. в режиме видео-конференц-связи был проведен межведомственный семинар-совещание по обозначенной проблематике с масштабным привлечением практикующих юристов, научного сообщества и общественности.

Хочется публично поддержать данную инициативу о введении административной ответственности, отметив активную гражданскую позицию сотрудников прокуратуры Сибирского федерального округа, направленную на решение социально значимых вопросов защиты прав человека в Российской Федерации, проявленную, несмотря на значительную загруженность органов прокурорского надзора. Стоит обратить внимание на тот факт, что по действующему законодательству прокуратура не наделена самостоятельным правом законодательной инициативы на федеральном уровне осуществления публичной власти и при желании участвовать в совершенствовании законодательства должна обращаться к иным субъектам права законодательной инициативы. Согласно ст. 104 Конституции РФ право законодательной инициативы принадлежит Президенту РФ, Совету Федерации, сенаторам РФ, депутатам Государственной Думы, Правительству РФ, законодательным (представительным) органам субъектов РФ, а также высшим судам по вопросам их ведения [1].

Со стороны юридического сообщества наблюдается особое внимание к судьбе указанного предложения прокуратуры Красноярского края, поскольку эта ситуация затрагивает глобальный вопрос влияния на законотворческий процесс различных инициативных групп и сообществ. При этом сегодня одним из краеугольных камней развития отечественной правовой системы является проблема эффективности законодательства. На фоне многочисленных фактов принятия непродуманных и необоснованных законодательных норм, пробельности и коллизии законодательства, нерационального правового регулирования в отдельных сферах общественной жизни зачастую юристы приходят к выводу о том, что современное российское законодательство отличается бессистемностью, несбалансированностью, противоречивостью [2, с. 28–34]. В юридической литературе эта проблема метафорично именуется «правовой инфляцией», «законотворческим волонтаризмом», «законодательной горячкой» [3, с. 57; 4, с. 144–149] и другими терминами. Соответственно, в правовой науке активно обсуждаются возможные параметры оценки эффективности законодательства и пути его совершенствования. На практике многие равнодушные субъ-

екты предпринимают попытки повлиять на законодательный процесс, обращаясь с различными предложениями к субъектам законодательной инициативы. Однако, как показал опыт, подобные действия не завершаются успехом, и даже предложения, исходящие от надлежащих субъектов законодательной инициативы, если это не глава государства и Правительство РФ, не привлекают внимания Государственной Думы и не реализуются. Например, крайне низким остается процент принятых законов по инициативе законодательных органов власти субъектов РФ, хотя предложений от них поступает достаточно много [5, с. 54–58].

В данном случае инициатива прокуратуры Красноярского края вызывает интерес с позиции ее некой эксклюзивности, поскольку до этого прокуратура не проявляла подобной активности по изменению законодательства, за исключением совершенствования самого федерального закона «О прокуратуре РФ». Поэтому возникают надежды на благополучный исход предложенной инициативы с учетом авторитетности и глубокого профессионализма органов прокуратуры, несмотря на то, что внутри самой системы органов прокуратуры инициатива о введении административной ответственности за угрозу убийством встречает некоторое сопротивление и неоднозначно воспринимается, равно как и имеется критическая позиция против активизации нормотворческой функции прокуратуры в принципе [6, с. 3–7]. В случае успешной реализации намеченной инициативы ей можно будет придать прецедентный характер и в будущем использовать потенциал прокуратуры для целей совершенствования законодательства по иным социально значимым вопросам.

Саму же идею введения административной ответственности за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния, следует поддержать с учетом следующих аргументов.

Во-первых, эта инициатива обусловлена наличием пробела в правовом регулировании, имеющего значительные социально вредные последствия и выявляемого в деятельности различных органов публичного управления на протяжении многих лет. О таком факте свидетельствуют не только вышеуказанные статистические данные

прокуратуры. Так, в 2021 г. Н. В. Овчинников обратился в Конституционный Суд РФ с намерением признать ч. 1 ст. 119 УК РФ неконституционной, как не позволяющей, по его мнению, оценить реальность и непосредственность угрозы, что препятствует учету специфики семейного насилия и привлечению виновных лиц к уголовной ответственности. При этом Н. В. Овчинников являлся потерпевшим по уголовному делу об убийстве его дочери ее супругом, в отношении которого ранее проводилась доследственная проверка по ее заявлению об угрозе убийством и вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления [7]. И хотя Конституционный Суд РФ не признал формулировку ст. 119 УК РФ противоречащей Конституции РФ, как содержащую достаточные правовые гарантии уголовного преследования лица, угрожавшего убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, обстоятельства уголовного дела, послужившего поводом к обращению в орган конституционной юстиции, вызывают вопросы в части адекватности и соразмерности действий правоохранительных структур по отношению к жертве насильственных действий.

В 2019 году проблема защиты жертв угроз насилием в России вышла на международный уровень. В частности, по делу «Володина против России» Европейский Суд по правам человека косвенно указал на необходимость расширения механизмов юридической ответственности по отношению к ст. 119 УК РФ, отметив, что угрозы являются одной из форм психологического насилия, пострадавшая в силу своей уязвимости может испытывать страх независимо от объективного характера такого запугивания, и что психологическое воздействие само по себе является важным аспектом домашнего насилия. Европейский Суд по правам человека признал Россию нарушившей право гражданина на защиту от жестокого обращения [8, с. 3–10]. По фабуле дела В. Володина подвергалась преследованию со стороны ее бывшего сожителя Р. Салаева в течение трех лет. Жертва обращалась в полицию семь раз, но не получала помощи по причине того, что правоохранительные органы не усматривали реальной угрозы. Уголовное дело против Р. Салаева не возбуждалось ни после ее похищения, ни после того, как она была избита

в беременном состоянии (вследствие чего была вынуждена сделать аборт), ни после угроз убийством ребенка от первого брака. Одно дело (по факту размещения в интернете интимных фотографий В. Володиной) все же было возбуждено, но оно было приостановлено и не дало результата. В итоге потерпевшая покинула страну и сменила фамилию [9, с. 83–84].

Общеизвестной является особенность отечественной практики правоприменения, которая предъявляет жесткие требования к доказанности реальности угрозы жизни и здоровью и, соответственно, правомерности применения мер необходимой обороны для защиты от противоправных посягательств. Такие высокие стандарты в подборе доказательств вытекают из правовых позиций высших судебных инстанций. Конституционный Суд РФ неоднократно подчеркивал, что при привлечении к ответственности за угрозу убийством по УК РФ необходимо в каждом конкретном случае уголовного преследования доказать не только наличие самой угрозы, но и то, что она намеренно высказана с целью уstrasшить потерпевшего и в форме, дающей основания опасаться ее воплощения. Это предполагает оценку фактических обстоятельств дела, выяснение, были ли у потерпевшего веские причины опасаться убийства или тяжкого вреда здоровью. Для оценки характера восприятия угрозы потерпевшим могут иметь значение личность виновного, его поведение, сложившиеся между ним и жертвой взаимоотношения, иные обстоятельства [10, 11, 12].

Верховный Суд РФ хоть и допускает вменение угрозы убийством в случаях выражения ее в различных формах, а не обязательно в словесных конкретных высказываниях, в то же время постоянно подчеркивает необходимость установления фактов, указывающих на то, что угрозы давали потерпевшему основания опасаться ее осуществления [13]. Анализ судебной практики показывает, что фактическое вменение ст. 119 УК РФ происходит при чрезмерно травмирующих обстоятельствах, в т. ч. связанных с непосредственным применением оружия, арматуры, транспортных средств, насильственных действий и т. п. [14, 15, 16, 17]. Такие жесткие требования в доказывании приводят к широким возможностям ухода от уголовной ответственности лиц, активно применяющих угрозы жиз-

ни и здоровью жертв для достижения каких-то противоправных целей. При этом сама жертва может с очевидностью испытывать состояние тревоги и длительного стресса, но не иметь подтверждающих эту ситуацию доказательств. Для сопоставления: в Красноярском крае в 2022 г. по ст. 119 УК РФ было возбуждено около 320 уголовных дел, а по примерно 4000 ситуациям были составлены «отказные» материалы. В Омской области из заявлений об угрозе убийством ежегодно только 6–7 % находят свое подтверждение в материалах уголовных дел. Подобная практика влечет за собой безнаказанность совершения многих форм угрозы убийством или причинения вреда здоровью и не способствует защите законных интересов граждан. В отдельных случаях подобные безнаказанные угрозы в дальнейшем перерастают в преступления. По эмоциональным заявлениям сотрудников полиции, в большей степени в семейно-бытовой сфере они не имеют полномочий по защите жертв угроз, а потому «приезжают к трупу» [18].

Во-вторых, инициатива установления административной ответственности за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния, напрашивается после сопоставления подобного деяния с иными правонарушениями. Думается, что при анализе норм КоАП РФ и УК РФ можно обнаружить деяния, имеющие схожую правовую природу и близкий объект посягательства, при которых потерпевший так же, как и при угрозе убийством, может испытывать страх, стресс, страдания, унижение достоинства, подвергаться некоторому неприятному принудительному воздействию. В частности, административно наказуемыми в России являются оскорбление (ст. 5.61 КоАП РФ), клевета (ст. 5.61.1 КоАП РФ), дискриминация (ст. 5.62 КоАП РФ), возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 20.3.1), мелкое хулиганство (ст. 20.1 КоАП РФ), появление в общественных местах в состоянии опьянения (ст. 20.21 КоАП РФ), нарушение установленного федеральным законом запрета курения табака, потребления никотинсодержащей продукции или использования кальянов на отдельных территориях, в помещениях и на объектах (ст. 6.24 КоАП РФ) и др. Уголовному наказанию подвергаются хулиганство

(ст. 213 УК РФ), оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ), неуважение к суду (ст. 297 УК РФ), оскорбление военнослужащего (ст. 336 УК РФ), возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ), клевета (ст. 128.1 УК РФ) и др.

По некоторым из указанных составов складывается практика, отличающаяся явным формализмом. Например, ответственность за появление в состоянии опьянения в общественном месте в силу признания этого состава материальным будет предопределяться тем, как доказан факт оскорбления общественной нравственности появлением в публичных местах в состоянии опьянения. По причине неопределенности понятия «оскорбление общественной нравственности» фактически реальность назначения наказания зависит от включения в материалы дела фраз о «грязной одежде правонарушителя», его «шаткой походке, стойкого запаха изо рта» [19, с. 654] и т. п. Подобные ситуации явно несопоставимы с негативным воздействием на потерпевшего и общество в целом с помощью угроз убийством или причинением тяжкого вреда здоровью.

Кроме того, современное отечественное законодательство содержит достаточно много юридических конструкций так называемой уголовной или административной превенции (преюдиции). Эти конструкции предполагают применение за первоначальное или более легкое деяние административной ответственности, а за повторное или более квалифицированное совершение аналогичного правонарушения — уже привлечение к уголовной ответственности. Подобные конструкции активно применяются при совершении деяний, связанных с неуплатой алиментов, побоями, хищениями, клеветой, нарушениями правил пожарной безопасности, санитарно-эпидемиологического благополучия, в сфере дорожного движения, и позитивно оцениваются представителями юридической науки и практики из-за значительной эффективности по предотвращению совершения преступлений [20, с. 57–60; 21, с. 11]. Соответственно, предлагаемая к введению административная ответственность за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния, мо-

жет аналогично выступать действенным средством профилактики преступности.

В-третьих, для сравнения: в зарубежном законодательстве и международном праве используются правила, допускающие вмешательство публичных органов на стадии психологического воздействия на жертву. В частности, Конвенция Совета Европы по предотвращению и борьбе с насилием в отношении женщин и насилием в семье, заключенная в Стамбуле 11 мая 2011 г. (Россия не участвует), Межамериканская конвенция о предупреждении и искоренении насилия в отношении женщин и наказании за него 1994 г. предполагают предоставление защиты при различного рода угрозах в семейно-бытовой сфере. Законодательство примерно 80 стран (включая Великобританию, Японию, Турцию, Аргентину, Финляндию) устанавливает возможность выдачи судом или иными публичными органами по требованию потерпевшего охранных судебных приказов (ордеров) об удержании, необщении, нахождении вне дома и др. При этом подобное законодательство и международная практика предъявляют крайне низкие требования к доказыванию фактов угроз, зачастую ограничиваясь лишь заявлением жертвы, для того чтобы такая защита была доступна и не приводила к неоправданным задержкам, не подвергла здоровье и жизнь пострадавшей избыточному риску [22, с. 75–86].

В 1994 году США приняли первый в своем роде закон о насилии против женщин — Violence Against Women Act (VAWA), устанавливающий перечень деяний, отнесенных к преступлениям домашнего насилия. Под понятие домашнего насилия, согласно этому закону, подпадает ряд действий физического, психологического, сексуального и экономического характера: толкание, пощечины, побои кулаками, шлепки, побои палками, ремнями, молотками, другими тяжелыми предметами, уколы острыми предметами, тягание за волосы, плевки, биение головой о стены, унижения, постоянная критика, постоянный контроль, слежка, в т. ч. проверка переписки, телефонов, использование шпионского программного обеспечения, камеры слежения, угрозы убийством жертвы или ее близких, использование уничижительных слов в обращении и др. [23, с. 17–19].

Само уголовное законодательство отдельных стран использует более широкие юридические конструкции понимания «угрозы», нежели ст. 119 УК РФ. Например, ст. 180 Уголовного кодекса Швейцарии предусматривает ответственность за такое деяние, как «угроза другому лицу, вызывающая состояние страха или боязни». То есть законодатель Швейцарии не уточняет способ, форму или адресата угрозы, которая признается уголовно наказуемой в любом виде, при условии, что имеются последствия в виде «страха или боязни». Уголовный кодекс Австрии устанавливает ответственность за угрозу совершить любое преступление. Законодатель Франции также достаточно широко формулирует содержание угрозы: «угроза совершить преступление или проступок против личности, осуществленная любым способом» [24].

Несмотря на популярность идеи о так называемой национальной идентичности и необходимости критического восприятия зарубежного опыта, подобная иностранная практика заставляет задуматься о пробельности законодательства России в части защиты лиц, подвергающихся угрозам. И в этом плане представляется, что принятие закона о домашнем насилии для России несколько преждевременно в силу существенной радикальности, сложности и масштабности предлагаемого регулирования, его слишком полярного и неоднозначного восприятия обществом и необходимости более глубокого продумывания деталей изменяемых межотраслевых юридических конструкций. Внедрение же дополнительной статьи в КоАП РФ об ответственности за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния, является более простым, реальным, действенным и целесообразным правовым средством защиты жертв угроз. Тем более что в России за последние годы имеется позитивный опыт установления административной ответственности за побои, неуплату алиментов, клевету и др.

Принципиально поддерживая саму идею установления административной ответственности за угрозу убийством или причинением вреда здоровью, представляется необходимым продумать нюансы ее юридического оформления. В первую очередь здесь возникает вопрос, в какую главу КоАП РФ поместить соответствующую

статью, каков объект посягательства этого деяния? Прокуратура Красноярского края предлагает разместить эту статью в гл. 6 КоАП РФ, устанавливающую составы правонарушений, посягающих на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность. Определенная логика в таком предложении присутствует. Согласно Федеральному закону от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 19 декабря 2022 г.) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» здоровье определяется как «состояние физического, психического и социального благополучия человека, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма» [25]. Поэтому вполне логично, что при угрозе убийством здоровье человека в физическом плане может не страдать, но может поражаться его психическое благополучие. Возможны и физиологические последствия нахождения потерпевшего в состоянии стресса или страха. Такая логика перекликается и с фактом закрепления ст. 119 УК РФ в главе против жизни и здоровья.

Вместе с тем возможны и другие варианты определения объекта посягательства. Например, в УК РСФСР статья об угрозе убийством располагалась в главе, устанавливающей ответственность за преступления в сфере охраны общественного порядка. Уголовные кодексы Польши, Белоруссии, Швеции рассматривают угрозу как преступление, посягающее на свободу личности. Уголовный закон Швеции располагает норму об угрозе в главе о преступлениях против свободы и общественного спокойствия. В Уголовном кодексе Франции объектом рассматриваемого преступления называется психическая неприкосновенность [26, с. 644].

В нашем понимании при угрозе убийством или причинением вреда здоровью в большей мере страдают права личности на достоинство, личную неприкосновенность, свободу. Поэтому представляется более логичным определить легальный объект посягательства этого правонарушения главой 5 КоАП РФ «Административные правонарушения, посягающие на права граждан», расположив этот состав рядом со ст. 5.61 «Оскорбление» и ст. 5.61.1 «Клевета».

Также представляется необходимым минимизировать формулировки самого совершаемо-

го деяния, допустив его определение в качестве формального состава. Можно предложить такой вариант: «угроза убийством или причинением вреда здоровью, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния». Иницируемая в этой связи прокуратурой формулировка «угроза убийством или причинением вреда здоровью, если такая угроза высказана при обстоятельствах, позволяющих не опасаться осуществления этой угрозы, но причиняющих нравственные страдания потерпевшему» видится излишне конкретизированной, поскольку предполагает материальную конструкцию и необходимость доказывания такого сложного признака, как «причинение нравственных страданий потерпевшему». Как представляется, любая угроза убийством или причинением вреда здоровью является как минимум неприятной ее адресату. Подобные слова имеют разрушительное воздействие, негативный подтекст с позиции и этики, и психологии, и юриспруденции. Филологическая трактовка термина «угроза» сама по себе предполагает наличие потенциальной опасности. Согласно словарю С. И. Ожегова, угроза — это запугивание, обещание причинить кому-нибудь вред, зло; возможная опасность [27, с. 365]. Указание на угрозу именно тяжким вредом здоровью также представляется излишним, поскольку любое насильственное воздействие на здоровье человека противоречит конституционному праву граждан на неприкосновенность личности. Следует создать юридические барьеры для произношения фраз об угрозе убийством и любых форм причинения вреда здоровью.

Состав должен предполагать поводом к возбуждению дела об административном правонарушении любую информацию, исходящую от потерпевшего, правоохранительных органов, средств массовой информации и др. Возможными доказательствами должны выступать аудио-записи, видеоматериалы, свидетельские показания, письменные документы и т. д. При этом потерпевший и правоохранительные органы должны быть лишены обязанности доказывать вредное воздействие этих угроз, которое должно презюмироваться.

Отвечая на замечания оппонентов о том, что при такой широкой конструкции угрозы убийством и причинением вреда здоровью граждане начнут решать через правоохранительные струк-

туры свои проблемы личных взаимоотношений, что это повлечет «завал» полиции ненужной работой, хотелось бы заметить, что в этом случае многие материалы уже и сейчас обрабатываются органами власти как «отказные» по ст. 119 УК РФ. А в части семейно-бытовых взаимоотношений, если жертву угроз они действительно не будут волновать, она не будет иметь мотив для обращения в правоохранительные органы. При заявлении о проблеме к факту угроз государство должно относиться как к недопустимому в любом случае. Здесь можно провести параллель с недопустимостью оскорблений, клеветы, нецензурной брани.

Думается, что не стоит при формулировании административного состава угрозы делить ее на бытовую и в общественной сфере (коллекторы, социальные сети, трудовые коллективы и т. п.). Действительно, большинство подобных деяний совершается в семейно-бытовой сфере, в которую государство должно проникать весьма осторожно, но и игнорировать факты подобной травмирующей деятельности агрессоров нельзя.

Представляется логичным закрепить в КоАП РФ квалифицированные составы угрозы убийством и причинением вреда здоровью. Например, по аналогии с оскорблением возможно предусмотреть составы угроз в публичном выступлении, совершенные повторно, усилить наказание для угрожающих служащих, установить ответственность за непринятие мер по недопущению угрозы со стороны юридических лиц. Следует согласиться с мнением о целесообразности использования различных видов административных наказаний за угрозу убийством и причинением вреда здоровью, альтернативных административному штрафу, включая предупреждение, административный арест, дисквалификацию, административное выдворение за пределы России иностранных граждан и лиц без гражданства. Но из интересов пополнения бюджета административный штраф целесообразнее использовать как наиболее предпочтительное наказание.

Соответственно, возможным вариантом формулировки предлагаемого состава в КоАП РФ может быть:

«Статья 5.61.2 Угроза убийством или причинением вреда здоровью

1. Угроза убийством или причинением вреда здоровью, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния, —

влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от трех тысяч до пяти тысяч рублей; на должностных лиц — от тридцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей.

2. Угроза убийством или причинением вреда здоровью при отсутствии признаков уголовно наказуемого деяния, содержащаяся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации либо совершенная публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, или в отношении нескольких лиц, в том числе индивидуально не определенных, —

влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от пяти тысяч до десяти тысяч рублей; на должностных лиц — от пятидесяти тысяч до ста тысяч рублей.

3. Непринятие мер к недопущению угрозы убийством или причинением вреда здоровью в публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть Интернет, —

влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от тридцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей; на юридических лиц — от пятидесяти тысяч до ста тысяч рублей.

4. Угроза убийством или причинением вреда здоровью при отсутствии признаков уголовно

наказуемого деяния, совершенная лицом, замещающим государственную или муниципальную должность либо должность государственной гражданской или муниципальной службы, в связи с осуществлением своих полномочий (должностных обязанностей), —

влечет наложение административного штрафа в размере от пятидесяти тысяч до ста тысяч рублей либо дисквалификацию на срок до одного года.

5. Повторное совершение административного правонарушения, предусмотренного частью первой настоящей статьи, —

влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от семи до двадцати тысяч рублей или административный арест на срок до 15 суток, или административное выдворение за пределы России иностранных граждан и лиц без гражданства.

Таким образом, инициатива прокуратуры Красноярского края о введении административной ответственности за угрозу убийством и причинением вреда здоровью заслуживает поддержки, как направленная на превенцию совершения преступлений и защиту прав граждан. Представляется позитивным возможное восполнение пробела в правовом регулировании в части охраны законных интересов жертв психического и физического насилия в России. Вызывает восхищение профессиональный подход в решении значимой социальной проблемы со стороны такого авторитетного государственного органа, как прокуратура. Хочется искренне надеяться на позитивное решение рассматриваемого вопроса, на формирование нового эффективного рычага воздействия на действующее законодательство.

Список источников

1. Конституция РФ от 12 декабря 1993 г. (ред. от 1 июля 2020 г.). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.07.2020).

2. Тосунян Г. А., Санникова Л. В. Культура правотворчества в современной России // Государство и право. 2018. № 3. С. 28–34.

3. Арановский К., Князев С. Роль Конституции в политико-правовом обустройстве России: исходные обстоятельства и современные ожидания // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 3 (94). С. 50–59.

4. Лукьянова Е. А. Некоторые особенности законодательной деятельности Парламента РФ // Парламентские процедуры: проблемы России и зарубежный опыт / под ред. С. А. Авакьяна. М.: Изд-во МГУ, 2003.

5. Цалиев А. М. О законодательной инициативе субъекта Российской Федерации в Государственной Думе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 2. С. 54–57.

6. Сланов Г. Т. Особенности состава конституционно-правового статуса прокуратуры как органа конституционно-правового нормотворчества на уровне субъектов Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 8. С. 3–8.

7. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Овчинникова Николая Васильевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 119 Уголовного кодекса РФ [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 19 января 2021 г. № 2-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Гнездилова О. А. Обязательства государства по защите от домашнего насилия: комментарий к Постановлению Европейского суда по правам человека по делу «Володина против России» // Международное правосудие. 2020. № 1. С. 3–10.

9. Яушева А. Д. Меры профилактики семейно-бытового насилия в России // Административное право и процесс. 2022. № 7. С. 83–84.

10. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Калугина Василия Викторовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 119 и частью первой статьи 286 Уголовного кодекса РФ [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 23 марта 2010 г. № 368-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шума Михаила Дмитриевича на нарушение его конституционных прав статьями 112 и 119 Уголовного кодекса РФ [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 28 июля 2022 г. № 1503-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Игранова Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 119 Уголовного кодекса РФ [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 24 июня 2014 г. № 1345-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за 2017 г. № 3 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 9.

14. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за 2021 г. № 3 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 1.

15. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 07.09.2022 № 94-УД22-2-А5 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

16. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 27.07.2022 № 81-УД22-13-К8 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

17. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 25.10.2022 № 32-УД22-12-А4 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

18. «Я могу тебя убить»: как власти реагируют на домашнее насилие в России // infox.ru. 2022. 26 октября. URL: <https://www.infox.ru/news/282/209895-a-mogu-teba-ubit-kak-vlasti-reagiruut-na-domasnee-nasilie-v-rossii> (дата обращения: 12.12.2022).

19. Постатейный комментарий к Кодексу РФ об административных правонарушениях. Часть вторая / под общ. ред. Л. В. Чистяковой. М.: ГроссМедиа, РОСБУХ, 2019. Т. 1.

20. Карабанова Е. Н., Цепелев К. В. К вопросу о перспективе использования административной преюдиции в уголовном праве России // Российская юстиция. 2020. № 11. С. 57–60.

21. Оноколов Ю. П. Расширение применения административной преюдиции повысит превентивное воздействие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Уголовного кодекса Российской Федерации // Миграционное право. 2013. № 3. С. 11–15.

22. Береза З. М. Международные подходы к доказыванию в делах о домашнем насилии // Российский юридический журнал. 2022. № 3. С. 75–86.

23. Зебницкая А. К. Некоторые вопросы правовой регламентации «бытового (домашнего) насилия» в России и США // *Международное уголовное право и международная юстиция*. 2020. № 3. С. 17–19.
24. Двоеглазов Н. В. Уголовно-правовая ответственность за угрозу убийством: анализ зарубежного опыта // *Политика, государство и право*. 2012. № 4. URL: <https://politika.snauka.ru/2012/04/272> (дата обращения: 02.12.2022).
25. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 19 декабря 2022 г.) // *Собрание законодательства РФ*. 2011. № 48. Ст. 6724.
26. Рузевич О. Р. Особенности законодательной регламентации угрозы в уголовном праве России и зарубежных стран // *Юридическая техника*. 2015. № 9. С. 644–651.
27. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: Оникс, 2010.

References

1. Konstituciya RF ot 12 dekabrya 1993 g. (red. ot 1 iyulya 2020 g.). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (data obrashcheniya: 04.07.2020).
2. Tosunyan G. A., Sannikova L. V. Kul'tura pravotvorchestva v sovremennoj Rossii // *Gosudarstvo i pravo*. 2018. № 3. S. 28–34.
3. Aranovskij K., Knyazev S. Rol' Konstitucii v politiko-pravovom obustrojstve Rossii: iskhodnye obstoyatel'stva i sovremennye ozhidaniya // *Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie*. 2013. № 3 (94). S. 50–59.
4. Luk'yanova E. A. Nekotorye osobennosti zakonodatel'noj deyatel'nosti Parlamenta RF // *Parlamentskie procedury: problemy Rossii i zarubezhnyj opyt / pod red. S. A. Avak'yana*. M.: Izd-vo MGU, 2003.
5. Caliev A. M. O zakonodatel'noj iniciative sub'ekta Rossijskoj Federacii v Gosudarstvennoj Dume // *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 2017. № 2. S. 54–57.
6. Slanov G. T. Osobennosti sostava konstitucionno-pravovogo statusa prokuratury kak organa konstitucionno-pravovogo normotvorchestva na urovne sub'ektov Rossijskoj Federacii // *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*. 2021. № 8. S. 3–7.
7. Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Ovchinnikova Nikolaya Vasil'evicha na narushenie ego konstitucionnyh prav chast'yu pervoj stat'i 119 Ugolovnogo kodeksa RF [Elektronnyj resurs]: opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 19 yanvarya 2021 g. № 2-O. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
8. Gnezdilova O. A. Obyazatel'stva gosudarstva po zashchite ot domashnego nasiliya: kommentarii k Postanovleniyu Evropejskogo suda po pravam cheloveka po delu «Volodina protiv Rossii» // *Mezhdunarodnoe pravosudie*. 2020. № 1. S. 3–10.
9. Yausheva A. D. Mery profilaktiki semejno-bytovogo nasiliya v Rossii // *Administrativnoe pravo i process*. 2022. № 7. S. 83–84.
10. Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Kalugina Vasiliya Viktorovicha na narushenie ego konstitucionnyh prav chast'yu pervoj stat'i 119 i chast'yu pervoj stat'i 286 Ugolovnogo kodeksa RF [Elektronnyj resurs]: opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 23 marta 2010 g. № 368-O-O. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
11. Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Shuma Mihaila Dmitrievicha na narushenie ego konstitucionnyh prav stat'yami 112 i 119 Ugolovnogo kodeksa RF [Elektronnyj resurs]: opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 28 iyulya 2022 g. № 1503-O. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
12. Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Igranova Dmitriya Aleksandrovicha na narushenie ego konstitucionnyh prav chast'yu pervoj stat'i 119 Ugolovnogo kodeksa RF [Elektronnyj resurs]: opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 24 iyunya 2014 g. № 1345-O. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

13. Obzor sudebnoj praktiki Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii za 2017 g. № 3 // Byulleten' Verhovnogo Suda RF. 2018. № 9.
14. Obzor sudebnoj praktiki Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii za 2021 g. № 3 // Byulleten' Verhovnogo Suda RF. 2022. № 1.
15. Kassacionnoe opredelenie Sudebnoj kollegii po ugovolnym delam Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 07.09.2022 № 94-UD22-2-A5 [Elektronnyj resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
16. Opredelenie Sudebnoj kollegii po ugovolnym delam Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 27.07.2022 № 81-UD22-13-K8 [Elektronnyj resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
17. Kassacionnoe opredelenie Sudebnoj kollegii po ugovolnym delam Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 25.10.2022 № 32-UD22-12-A4 [Elektronnyj resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
18. «Ya mogu tebya ubit'»: kak vlasti reagiruyut na domashnee nasilie v Rossii // infox.ru. 2022. 26 oktyabrya. URL: <https://www.infox.ru/news/282/209895-a-mogu-teba-ubit-kak-vlasti-reagiruut-na-domashnee-nasilie-v-rossii> (data obrashcheniya: 12.12.2022).
19. Postatejnyj kommentarij k Kodeksu RF ob administrativnyh pravonarusheniyah. Chast' vtoraya / pod obshch. red. L. V. Chistyakovoj. M.: GrossMedia, ROSBUH, 2019. T. 1.
20. Karabanova E. N., Cepelev K. V. K voprosu o perspektive ispol'zovaniya administrativnoj preyudicii v ugovolnom prave Rossii // Rossijskaya yusticiya. 2020. № 11. S. 57–60.
21. Onokolov Yu. P. Rasshirenie primeneniya administrativnoj preyudicii povysit preventivnoe vozdejstvie Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah i Ugolovno kodeksa Rossijskoj Federacii // Migracionnoe pravo. 2013. № 3. S. 11–15.
22. Bereza Z. M. Mezhdunarodnye podhody k dokazyvaniyu v delah o domashnem nasilii // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. 2022. № 3. S. 75–86.
23. Zebnickaya A. K. Nekotorye voprosy pravovoj reglamentacii «bytovogo (domashnego) nasiliya» v Rossii i SShA // Mezhdunarodnoe ugovolnoe pravo i mezhdunarodnaya yusticiya. 2020. № 3. S. 17–19.
24. Dvoeglazov N. V. Ugolovno-pravovaya otvetstvennost' za ugrozu ubijstvom: analiz zarubezhnogo opyta // Politika, gosudarstvo i pravo. 2012. № 4. URL: <https://politika.snauka.ru/2012/04/272> (data obrashcheniya: 02.12.2022).
25. Ob osnovah ohrany zdorov'ya grazhdan v Rossijskoj Federacii: federal'nyj zakon ot 21 noyabrya 2011 g. № 323-FZ (red. ot 19 dekabrya 2022 g.) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2011. № 48. St. 6724.
26. Ruzevich O. R. Osobennosti zakonodatel'noj reglamentacii ugrozy v ugovolnom prave Rossii i zarubezhnyh stran // Yuridicheskaya tekhnika. 2015. № 9. S. 644–651.
27. Ozhegov S. I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. M.: Oniks, 2010.

Информация об авторе

Л. Г. Коновалова — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

L. G. Konovalova — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 25.01.2023; одобрена после рецензирования 16.02.2023; принята к публикации 15.03.2023.

The article was submitted 25.01.2023; approved after reviewing 16.02.2023; accepted for publication 15.03.2023.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья
УДК 342.9:347.157

**ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗАКОННЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЗА НАРУШЕНИЕ
ПОСЛЕДНИМИ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ**

Анна Михайловна Кубиясова

Барнаулский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, amk_87@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы реализации административной ответственности родителей и иных законных представителей несовершеннолетних за нарушение последними правил дорожного движения. Автором статьи проведен анализ нормативных правовых актов и правоприменительной практики привлечения к административной ответственности несовершеннолетних, совершивших административные правонарушения в области дорожного движения, а также применения норм КоАП РФ, устанавливающих административную ответственность родителей и иных законных представителей. Предлагается дополнить КоАП РФ соответствующими статьями, устанавливающими административную ответственность для родителей и иных законных представителей.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, административные правонарушения несовершеннолетних, административная ответственность родителей и иных законных представителей несовершеннолетних, производство по делу об административном правонарушении, обеспечение безопасности дорожного движения, меры административной ответственности

Для цитирования: Кубиясова А. М. Вопросы реализации административной ответственности законных представителей несовершеннолетних за нарушение последними правил дорожного движения // Алтайский юридический вестник. 2023. № 1 (41). С. 66–73.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

**ISSUES OF REALIZATION OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY OF LEGAL
REPRESENTATIVES OF MINORS FOR VIOLATION OF TRAFFIC RULES**

Anna M. Kubiiasova

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, amk_87@mail.ru

Abstract. The article deals with the implementation of administrative responsibility of parents and other legal representatives of minors for violation of traffic rules. The author of the article analyzed the normative legal acts and law enforcement practice of bringing to administrative responsibility minors who have committed administrative offenses in the field of road traffic. The practice of applying the norms of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, establishing the administrative responsibility of parents and other legal representatives, is considered. It is proposed to supplement the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation with relevant articles establishing administrative responsibility for parents and other legal representatives.

Keywords: traffic safety, administrative offenses of minors, administrative responsibility of parents and other legal representatives of minors, proceedings on an administrative offense, ensuring traffic safety, measures to ensure proceedings on an administrative offense, measures of administrative responsibility

For citation: Kubiiasova A.M. Issues of realization of administrative responsibility of legal representatives of minors for violation of traffic rules. Altajskij juridicheskiy vestnik = Altai Law Journal. 2023;1:66–73 (In Russ.).

Современное состояние системы управления безопасности дорожного движения в Российской Федерации требует постоянной модернизации и усовершенствования в связи со стремительной автомобилизацией населения. В свою очередь, на меры по обеспечению дорожной безопасности детей обращается особое внимание. Данные обстоятельства говорят о необходимости своевременного изменения действующего законодательства и совершенствования деятельности подразделений органов внутренних дел.

Положения федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (далее — Федеральный закон) определяют, что «...в осуществлении деятельности по предупреждению правонарушений несовершеннолетних в соответствии с законодательством Российской Федерации в пределах своей компетенции участвуют все подразделения органов внутренних дел» [1]. Обеспечение безопасности дорожного движения, профилактика детского дорожно-транспортного травматизма, пресечение нарушений правил дорожного движения несовершеннолетними являются неотъемлемой частью повседневной деятельности сотрудников Госавтоинспекции.

Федеральный закон относит всех лиц, не достигших возраста 18 лет, к категории несовершеннолетних. При совершении административного правонарушения в области дорожного движения к ответственности могут быть привлечены лица указанной категории только в возрасте от 16 до 18 лет. В противном случае, как правило, решается вопрос об ответственности родителей либо иных законных представителей несовершеннолетних (далее — законные представители). Нередко бывают такие ситуации, когда последние в той или иной степени способствуют совершению правонарушений в области дорожного движения несовершеннолетними. Например, законные представители приобретают для своих детей велосипеды, мопеды, скутеры или иные средства индивидуальной мобильности, не разъясняя им правила безопасной эксплуатации этих средств; халатно относятся к своим автомобилям, в результате чего у несовершеннолетнего появляется возможность свободного доступа к управлению транспортным средством, что приводит к тяжким последствиям. Так, в ав-

густе 2022 г. в п. Лесной г. Барнаула произошло дорожно-транспортное происшествие (далее — ДТП), участниками которого стали несовершеннолетний водитель квадроцикла в возрасте 10 лет и несовершеннолетний водитель мотоцикла в возрасте 16 лет. Результатом данного происшествия стала госпитализация несовершеннолетних с различными травмами [2]. При этом в соответствии с действующим законодательством не всегда представляется возможным привлечь к административной ответственности законных представителей в связи с отсутствием соответствующего состава административного правонарушения.

Как было отмечено выше, совершение административного правонарушения в области дорожного движения лицом в возрасте до 16 лет является обстоятельством, исключающим производство по делу, однако не препятствует применению мер обеспечения производства.

Так, в случае управления транспортным средством несовершеннолетним в возрасте до 16 лет сотрудники Госавтоинспекции отстраняют его от управления, собирают необходимые объяснения и иные документы, а затем выносят постановление о прекращении производства по делу об административном правонарушении по части 1 статьи 12.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) в связи с отсутствием состава. Если аналогичное правонарушение совершил несовершеннолетний в возрасте от 16 до 18 лет, то производство не прекращается, а составляется протокол по делу об административном правонарушении и направляется на рассмотрение уполномоченному должностному лицу, которое вправе вынести решение самостоятельно либо направить в комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее — КДН). При наличии сопутствующих правонарушений также составляются необходимые процессуальные документы (протокол либо постановление по делу об административном правонарушении).

Схожий алгоритм действий при управлении транспортным средством несовершеннолетним, находящимся в состоянии опьянения: если лицо не достигло возраста административной ответственности, то после применения необходимых мер обеспечения, в т. ч. освидетельствования на состояние опьянения, производство по делу пре-

кращается. В отношении несовершеннолетних в возрасте от 16 до 18 лет составляется протокол по делу об административном правонарушении по ч. 3 ст. 12.8 КоАП РФ и направляется на рассмотрение мировому судье. Санкцией указанной статьи предусмотрено наказание в виде административного ареста или штрафа. Нормы КоАП РФ не предусматривают назначение наказания в виде ареста в отношении лиц, не достигших 18 лет, поэтому в данном случае мировым судьей назначается только административный штраф, оплата которого при отсутствии самостоятельного заработка у несовершеннолетнего осуществляется законными представителями.

Во всех перечисленных обстоятельствах копии административных материалов, подтверждающих факт административного правонарушения, совершенного несовершеннолетним при управлении транспортным средством, направляются сотрудникам подразделений по делам несовершеннолетних территориальных органов МВД России (далее — ПДН).

В случае совершения административного правонарушения лицом, не достигшим возраста административной ответственности, не влекущего применения мер обеспечения производства по делу, например в качестве пешехода, либо управляющего велосипедом, мототранспортом, сотрудниками Госавтоинспекции составляется подробный рапорт на имя руководителя подразделения с описанием произошедшего события, а также информацией о лице, допустившем правонарушение, и о его законных представителях.

Далее на основании указанных рапортов составляются информационные письма, направляемые в подразделения ПДН и образовательные учреждения с целью профилактики административных правонарушений в области дорожного движения. За 2022 год на территории Алтайского края было направлено более 6 тысяч информационных писем в отношении несовершеннолетних, являющихся пешеходами; 1283 информационных письма в отношении несовершеннолетних, управляющих велосипедами; 372 письма в отношении несовершеннолетних, управляющих мототранспортом; 141 письмо в отношении несовершеннолетних, управляющих транспортными средствами, составлен 601 протокол в отношении лиц в возрасте от 16 до 18 лет.

Ответственность за правонарушения в области дорожного движения установлена главой 12 КоАП РФ. Объектом правонарушений, предусмотренных указанной главой, являются общественные отношения в области обеспечения безопасности дорожного движения.

Правила, нарушение которых образует объективную сторону административных правонарушений в области дорожного движения (далее — ПДД), в большинстве случаев закреплены в Постановлении Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090, которое устанавливает единый порядок дорожного движения на всей территории Российской Федерации. Другие нормативные акты, касающиеся дорожного движения, должны основываться на требованиях ПДД и не противоречить им [3].

При решении вопроса о привлечении к административной ответственности лиц, допустивших нарушение ПДД, значимым является вопрос определения субъекта правонарушения, который на момент совершения правонарушения достиг возраста привлечения к административной ответственности. Это обусловлено тем, что при совершении правонарушений лицами, не достигшими возраста административной ответственности, существует практика привлечения законных представителей к ответственности по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ. Однако при совершении правонарушений в области дорожного движения эта практика применяется достаточно редко либо не применяется вовсе.

Часть 1 ст. 5.35 КоАП РФ устанавливает административную ответственность за «неисполнение или ненадлежащее исполнение законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию, воспитанию, обучению, защите прав и интересов несовершеннолетних» [4]. Семейный кодекс Российской Федерации определяет, что родители обязаны и несут ответственность за воспитание, заботу о здоровье, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей. В случае если дети остались без попечения родителей, то обязанности по содержанию, воспитанию и обучению возлагаются на органы опеки и попечительства до решения вопроса об их устройстве. В свою очередь, опекун или попечитель ребенка также обязан заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии

ребенка [5]. Гражданский кодекс Российской Федерации [6] и Федеральный закон «Об опеке и попечительстве» [7] дополняют обязанности опекунов и попечителей обязанностью совместного проживания с ребенком, а также обеспечением обучения и воспитания. Нормами федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» закреплено требование в отношении законных представителей по обязательному обеспечению получения несовершеннолетними общего образования; соблюдения норм и правил, установленных в образовательной организации; уважительного отношения к работникам и иным обучающимся в образовательной организации [8].

Представленные нормы права вызывают некоторые трудности у правоприменителя при определении, в результате невыполнения какой именно обязанности возможно привлечение законных представителей к ответственности в случае нарушения несовершеннолетними ПДД. При этом если несовершеннолетний в результате нарушения ПДД становится участником дорожно-транспортного происшествия, в результате которого нанесен вред здоровью участникам ДТП, то «...подобная родительская беспечность с юридической точки зрения может быть расценена как ненадлежащее исполнение родительских обязанностей по воспитанию (ребенку не разъясняются правила безопасности жизнедеятельности, не прививаются навыки законопослушного поведения) и по защите прав и интересов детей (непринятие мер по самостоятельному обеспечению безопасности детей, отсутствие контроля за их поведением)» [9, с. 97]. Однако доказать, что именно в результате такой беспечности допущено правонарушение, представляется довольно сложно. Воспитание представляет собой целенаправленный процесс развития личности и её соответствия интересам общества, направленный на формирование поведения. При этом оно понимается в широком смысле как влияние общества (родители, школа, круг общения, средства массовой информации), в узком смысле — как одна из сторон образования [10]. Таким образом, мы видим, что воспитание — это обязанность не только законных представителей, но и образовательной организации. Данный тезис подтверждается включением в федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» требований к организации воспитания обучающихся [8].

Федерации» требований к организации воспитания обучающихся [8].

Анализ правоприменительной практики органов внутренних дел показал, что при совершении административных правонарушений в области дорожного движения несовершеннолетними имеют место факты возбуждения производства по делу об административном правонарушении по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ в отношении законных представителей. При этом поводом к возбуждению такого производства выступает не сам факт совершения правонарушения, например управление транспортным средством, а совокупность обстоятельств, при которых законными представителями допущено халатное отношение к своим обязанностям.

Субъективной стороной административного правонарушения по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ является умысел законного представителя, направленный на неисполнение своих обязанностей в части разъяснения существующих правил безопасного поведения на улицах и дорогах, привития «законопослушного поведения». Например, материалами дела об административном правонарушении установлено, что несовершеннолетний имеет свободный доступ к транспортному средству либо на момент совершения правонарушения законные представители находились в состоянии опьянения и не способны были осуществить контроль за своим ребенком. В практике также встречались случаи, когда законные представители осознанно предоставляли возможность управления транспортным средством несовершеннолетнему. Однако в большинстве случаев законные представители говорят о регулярном разъяснении своим детям всех необходимых правил и навыков поведения в обществе, что свидетельствует об отсутствии умысла у них на совершение противоправного деяния. Интервьюирование сотрудников ПДН отдела полиции по Ленинскому району УМВД России по г. Барнаулу и КДН Ленинского района г. Барнаула подтверждает данные тезисы.

Следует отметить, что в территориальных органах МВД России отсутствует единая правоприменительная практика в части привлечения законных представителей к административной ответственности за противоправные деяния, совершенные несовершеннолетними, как в области дорожного движения, так и в иных сферах

общественных отношений: права граждан, общественный порядок и общественная безопасность. Кроме того, даже в случае возбуждения дела об административном правонарушении в отношении законных представителей КДН в большинстве случаев принимает решение о прекращении производства по делу об административном правонарушении ввиду отсутствия состава. Совершение административного правонарушения в области дорожного движения несовершеннолетним, особенно не достигшим возраста административной ответственности, является лишь поводом для проведения в отношении него индивидуальной профилактической работы сотрудниками ПДН [11]. В свою очередь, проведение подобной работы с законными представителями возможно лишь в случае, если «они не исполняют своих обязанностей по их воспитанию, обучению и (или) содержанию и (или) отрицательно влияют на их поведение либо жестоко обращаются с ними» [11].

Таким образом, следует констатировать, что в случае совершения правонарушения в области дорожного движения несовершеннолетними законные представители могут быть привлечены к административной ответственности только в случае, если достоверно установлен факт халатного отношения их к исполнению своих обязанностей либо такое правонарушение привело к наступлению тяжких последствий. В подтверждение данного тезиса следует привести пример дорожно-транспортного происшествия, произошедшего в октябре 2022 г. в г. Новоалтайске Алтайского края [12]. Несовершеннолетний в возрасте 13 лет управлял квадроциклом, перевозил при этом пассажира — несовершеннолетнюю в возрасте 14 лет. Во время езды водитель совершил резкий разворот, не справился с управлением, в результате чего транспортное средство перевернулось несколько раз. Последствиями такого маневра стали многочисленные травмы несовершеннолетнего и гибель пассажира. В действиях несовершеннолетнего водителя усматриваются признаки преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 264 Уголовного кодекса Российской Федерации, однако в связи с недостижением возраста уголовной ответственности [13] в возбуждении дела было отказано. По информации сотрудников ПДН по г. Новоалтайску, несовершеннолетний и его семья на учете не со-

стояли, ранее к административной ответственности не привлекались. В отношении законных представителей было вынесено постановление по делу об административном правонарушении по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ и назначено наказание в виде предупреждения. Несовершеннолетний также был поставлен на учет в ПДН.

На наш взгляд, содержание ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ нуждается в законодательном изменении с целью приведения правоприменительной практики к единообразию и исключению двойного толкования этой нормы. Кроме того, видится необходимым закрепление административной ответственности законных представителей за умышленное допущение совершения несовершеннолетними в возрасте до 18 лет любого административного правонарушения.

Такое предложение, по нашему мнению, возможно в силу того, что Особенная часть КоАП РФ содержит еще одну норму, устанавливающую ответственность законных представителей за противоправные деяния своих несовершеннолетних детей. Так, статьей 20.22 КоАП РФ установлена административная ответственность законных представителей за нахождение несовершеннолетнего в возрасте до 16 лет в состоянии опьянения. Данная ответственность наступает вне зависимости от условий, при которых несовершеннолетний оказался в таком состоянии, достаточно самого факта нахождения в состоянии опьянения, подтвержденного актом медицинского освидетельствования. Таким образом, в случае управления транспортным средством несовершеннолетним, находящимся в состоянии опьянения, законные представители подлежат безусловной административной ответственности. Если в процессе рассмотрения дела об административном правонарушении по ст. 20.22 КоАП РФ будет установлено, что нахождение в состоянии опьянения несовершеннолетнего стало возможным в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения законными представителями своих обязанностей, то законные представители подлежат привлечению к ответственности по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ.

Подводя итог и обобщая вышеизложенное, можем сделать следующие выводы.

Во-первых, необходимо дополнить положения статьи 5.35 КоАП РФ частью 1.1, изложив ее в следующей редакции: «Совершение адми-

нистративного правонарушения несовершеннолетними (за исключением нарушения Правил дорожного движения), в том числе в результате действий, предусмотренных частью 1 настоящей статьи, —

влечет наложение административного штрафа в размере от пятисот до одной тысячи рублей».

Во-вторых, включить в главу 12 КоАП РФ статью 12.29.1, изложив ее в следующей редакции:

«1. Нарушение несовершеннолетним в возрасте до 16 лет Правил дорожного движения — влечет наложение административного штрафа на родителей или иных законных представителей несовершеннолетних в размере от одной тысячи до одной тысячи пятисот рублей.

2. Нарушение Правил дорожного движения лицами, указанными в части 2 настоящей статьи, совершенное в состоянии опьянения, —

влечет наложение административного штрафа на родителей или иных законных представителей несовершеннолетних в размере от одной тысячи пятисот до двух тысяч рублей».

В-третьих, в положения статьи 20.22 КоАП РФ добавить примечание и изложить его в следующей редакции: «К административной ответ-

ственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного настоящей статьей, не привлекаются родители или иные законные представители несовершеннолетних, управляющих транспортным средством в состоянии опьянения».

В результате предлагаемых новелл будет предусмотрена административная ответственность законных представителей при наличии их вины в случае совершения несовершеннолетними любого административного правонарушения. Если при управлении транспортным средством несовершеннолетний находится в состоянии опьянения, то исключается практика применения статьи 20.22 КоАП РФ в отношении законных представителей, а будет использоваться предлагаемая норма. На наш взгляд, подобные изменения в законодательстве позволят снизить число совершаемых административных правонарушений несовершеннолетними, а также минимизировать тяжесть их последствий. Кроме того, предлагаемые дополнения законодательства позволят привести правоприменительную практику к единообразию, а также окажут положительное влияние на эффективность работы в сфере профилактики детского дорожно-транспортного травматизма среди несовершеннолетних.

Список источников

1. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [Электронный ресурс]: федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. ДТП с участием двух несовершеннолетних водителей произошло в Барнауле. URL: <https://vesti22.tv/news/dtp-s-uchastiem-dvukh-nesovershennoletnikh-voditeley-proizoshlo-v-barnaule/> (дата обращения: 10.02.2023).

3. О Правилах дорожного движения (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения») [Электронный ресурс]: постановление Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Семейный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) [Электронный ресурс]: федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Об опеке и попечительстве [Электронный ресурс]: федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Об образовании в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Чумарова Е. Ю., Чумаров С. А. Взаимодействие Госавтоинспекции и подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел при решении вопроса о привлечении родителей или иных законных представителей к административной ответственности по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ // Межведомственное взаимодействие при проведении профилактической работы подразделениями Госавтоинспекции: мат-лы межведомственного научно-практ. круглого стола (Санкт-Петербург, 30 сентября 2020 г.). СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. С. 97–101.

10. Большая Российская энциклопедия. URL: <https://old.bigenc.ru/psychology/text/1929704> (дата обращения: 10.02.2023).

11. Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 15 октября 2013 г. № 845. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Девятиклассница погибла в ДТП с квадроциклом в Новоалтайске. URL: <https://brl.mk.ru/social/2022/10/10/devyatiklassnica-pogibla-v-dtp-s-kvadrociklom-v-novoaltayske.html> (дата обращения: 10.02.2023).

13. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

References

1. Ob osnovakh sistemi profilaktiki beznadzornosti i pravonarushenii nesovershennoletnikh [Elektronnii resurs]: federalnii zakon ot 24 iyunya 1999 g. № 120-FZ. Dostup iz sprav.-pravovoi sistemi «KonsultantPlyus».

2. DTP s uchastiem dvukh nesovershennoletnikh voditelei proizoshlo v Barnaule. URL: <https://vesti22.tv/news/dtp-s-uchastiem-dvukh-nesovershennoletnikh-voditeley-proizoshlo-v-barnaule/> (data obrashcheniya: 10.02.2023).

3. O Pravilakh dorozhnogo dvizheniya (vmeste s «Osnovnimi polozheniyami po dopusku transportnikh sredstv k ekspluatatsii i obyazannosti dolzhnostnikh lits po obespecheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya») [Elektronnii resurs]: postanovlenie Pravitelstva Rossiiskoi Federatsii ot 23 oktyabrya 1993 g. № 1090. Dostup iz sprav.-pravovoi sistemi «KonsultantPlyus».

4. Kodeks Rossiiskoi Federatsii ob administrativnikh pravonarusheniyakh [Elektronnii resurs]: federalnii zakon ot 30 dekabrya 2001 g. № 195-FZ. Dostup iz sprav.-pravovoi sistemi «KonsultantPlyus».

5. Semeinii kodeks Rossiiskoi Federatsii [Elektronnii resurs]: federalnii zakon ot 29 dekabrya 1995 g. № 223-FZ. Dostup iz sprav.-pravovoi sistemi «KonsultantPlyus».

6. Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast pervaya) [Elektronnii resurs]: federalnii zakon ot 30 noyabrya 1994 g. № 51-FZ. Dostup iz sprav.-pravovoi sistemi «KonsultantPlyus».

7. Ob opeke i popechitelstve [Elektronnii resurs]: federalnii zakon ot 24 aprelya 2008 g. № 48-FZ. Dostup iz sprav.-pravovoi sistemi «KonsultantPlyus».

8. Ob obrazovanii v Rossiiskoi Federatsii [Elektronnii resurs]: federalnii zakon ot 29 dekabrya 2012 g. № 273-FZ. Dostup iz sprav.-pravovoi sistemi «KonsultantPlyus».

9. Chumarova Ye. Yu., Chumarov S. A. Vzaimodeistvie Gosavtoinspektsii i podrazdelenii po delam nesovershennoletnikh organov vnutrennikh del pri reshenii voprosa o privlechenii roditelei ili inikh zakonnikh predstavitelei k administrativnoi otvetstvennosti po ch. 1 st. 5.35 KoAPRF // Mezhdedomstvennoe vzaimodeistvie pri provedenii profilakticheskoi raboti podrazdeleniyami Gosavtoinspektsii: mat-li mezhvedomstvennogo nauchno-prakt. kruglogo stola (Sankt-Peterburg, 30 sentyabrya 2020 g.). SPb.: Sankt-Peterburgskii universitet MVD Rossii, 2021. S. 97–101.

10. Bolshaya Rossiiskaya entsiklopediya. URL: <https://old.bigenc.ru/psychology/text/1929704> (data obrashcheniya: 10.02.2023).

11. Ob utverzhenii Instruksii po organizatsii deyatelnosti podrazdelenii po delam nesovershennoletnikh organov vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii [Elektronnii resurs]: prikaz MVD Rossii ot 15 oktyabrya 2013 g. № 845. Dostup iz sprav.-pravovoi sistemi «KonsultantPlyus».

12. Devyatiklassnitsa pogibla v DTP s kvadrotsiklom v Novoaltayske. URL: <https://brl.mk.ru/social/2022/10/10/devyatiklassnitsa-pogibla-v-dtp-s-kvadrociklom-v-novoaltayske.html> (data obrashcheniya: 10.02.2023).

13. Ugolovniy kodeks Rossiiskoi Federatsii [Elektronniy resurs]: federalnii zakon ot 13 iyunya 1996 g. № 63-FZ. Dostup iz sprav.-pravovoi sistemi «KonsultantPlyus».

Статья поступила в редакцию 10.02.2023; одобрена после рецензирования 01.03.2023; принята к публикации 15.03.2023.

The article was submitted 10.02.2023; approved after reviewing 01.03.2023; accepted for publication 15.03.2023.

Уголовно-правовые науки

Алтайский юридический вестник. 2023. № 1 (41). С. 74–81.
Altai Law Journal. 2023. № 1 (41). P. 74–81.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.3/.7

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО ПРАВА РОССИИ

Александр Алексеевич Илджев

Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия, ilidsasha@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены предпосылки становления, развития и обособления Особенной части уголовного права как отдельного элемента его структуры. С учетом различных взглядов в теории уголовного права в работе подвергается анализу Русская Правда, в ходе которого автором обосновывается социальная направленность преступных деяний того времени. Исследование Судебников 1497 и 1550 гг. показывает, что уголовно-правовая политика характеризуется криминализацией новых опасных видов преступлений, посягающих на государственные основы и интересы господствующего класса. В ходе изучения Соборного уложения 1649 г. обосновывается, что приоритетом уголовно-правовой охраны являлись интересы феодально-крепостнического строя. Дальнейшие периоды его развития связываются с Артикулами воинскими Петра I. Исследование законодательных актов этого периода подтверждает, что впервые осуществлена попытка систематизации уголовно-правовых норм.

Ключевые слова: период, памятник права, формирование, уложение, обособление, уголовно-правовая политика, систематизация

Для цитирования: Илджев А. А. К вопросу об истоках Особенной части уголовного права России // Алтайский юридический вестник. 2023. № 1 (41). С. 74–81.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

REVISITING THE ORIGINS OF THE SPECIAL PART OF RUSSIAN CRIMINAL LAW

Alexander A. Ilidzhev

Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kazan, Russia, ilidsasha@yandex.ru

Abstract. The article considers the prerequisites for the formation, development and isolation of a special part of criminal law, as a separate element of its structure. In the work, taking into account different views in the theory of criminal law, Russian Truth is analyzed, during which the author substantiates the social orientation of the criminal acts of that time. The study of Law Codes 1497 and 1550 shows that the criminal law policy is characterized by the criminalization of new dangerous types of crimes that infringe on the foundations of the state and the interests of the ruling class. In the course of studying the Cathedral Code of 1649, it is substantiated that the interests of the feudal serf system were the priority of criminal law protection, and from its publication a prototype of a special part of criminal law begins to form. Further periods of its development are associated with the Military Articles of Peter I, which paid special attention to the fight against state crimes. The study of legislative acts of this period confirms that for the first time an attempt was made to systematize criminal law norms.

Key words: period, monument of law, formation, code, isolation, criminal law policy, systematization

For citation: Ilidzhev A. A. Revisiting the origins of the special part of Russian criminal law. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2023;1:74–81 (In Russ.).

Особенная часть отечественного уголовного права в своем развитии насчитывает сотни лет. В то же время зарождалась она в рамках неcodифицированного уголовного законодательства России (X–XVIII вв.). В этой связи анализ истоков Особенной части уголовного права представляется залогом всеобъемлющего осмысления ее специфики и дальнейших этапов развития вплоть до появления полноценного codифицированного уголовного законодательства России. Следует особо подчеркнуть, что в данном случае речь идет об Особенной части как об элементе уголовного права.

В литературе объекты уголовно-правовой охраны и виды преступлений по Русской Правде определяются по-разному, причем имеющиеся различия относятся не к нюансам трактовки сущности уголовно-правовых запретов, а, скорее, свидетельствуют о принципиальных моментах в оценке социальной направленности деяний. Так, по мнению И. А. Исаева, объектами уголовно-правовой охраны по Русской Правде следует считать личность и имущество (согласно современной теории уголовного права имущество признается предметом преступления, а объектом в этом случае выступает собственность) [1, с. 25]. Другие авторы, не называя объекты уголовно-правовой охраны, выделяют виды преступных деяний, наказуемых по Русской Правде. Например, Ю. П. Титов считал их преступлениями против жизни [2, с. 28], О. И. Чистяков вообще утверждал, что в Русской Правде «нет ни государственных, ни должностных, ни иных родов преступлений» [3, с. 33].

На наш взгляд, социальная направленность деяний становится очевидной при анализе имеющихся в указанном акте уголовно-правовых норм. Так, на основе последних можно выделить следующие преступления:

1) против жизни и здоровья свободного человека — уголовно наказуемыми признавались убийство (ответственность дифференцировалась от ряда обстоятельств, относящихся к потерпевшему¹ [4, с. 20], и обстоятельств совершения деяния); членовредительство (травма ноги, руки, пальца; отсечение руки или утрата ею

функций приравнивались к убийству) и удары (последние можно трактовать как побои; ответственность различалась в зависимости от орудия преступления — перечислялись батоги, жердь, чаша, рог и т. д. — и последствий); оскорбление (особо выделялось повреждение бороды и усов);

2) против собственности — татьба (кража), грабеж и разбой, уничтожение и повреждение имущества;

3) против интересов правосудия (исходя из современного представления о классификации преступлений, посягающих на государственную власть) — укрывательство преступления (похищенного имущества — коня, одежды, скотины) и преступника (беглого холопа).

Таким образом, можно заключить, что Русская Правда ставила под защиту три объекта: личность свободного человека, собственность и власть [5, с. 23–41; 6, с. 5–19].

Княжеские уставы и уставные грамоты расширили уголовно-правовое регулирование. Изменились некоторые формулировки ранее встречавшихся норм, что вполне объяснимо, учитывая временную разницу между Русской Правдой и, например, Уставом князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных. В последнем называются такие виды деяний, как: смильное (незаконная связь мужчины и женщины); заставание (нарушение супружеской неверности, доказанное свидетелями); умыкание (языческое обрядовое похищение невесты для брака); пошибание (изнасилование); ведство (колдовство). Урекание (оскорбление) считалось наказуемым при его совершении одним из трех способов: бранным словом, обвинением в изготовлении зелий и еретичестве. Кроме того, предусматривалась ответственность за «у злы», означающего один из видов чародейства, изготовление талисманов, и за зубоядение — кусание противника в драке [7, с. 74–75].

В Уставе князя Ярослава Мудрого в целом находят дальнейшее развитие положения, относящиеся к предмету церковного регулирования. Новые преступления называются при определении подсудности церковного суда князя. Так, уголовно наказуемым признается рождение внебрачного ребенка, прелюбодеяние мужа, двоеженство, половая связь с кровными родственниками (при этом половые отношения брата с сестрой выделены в отдельный состав),

¹ Это обстоятельство позволило Т. К. Агузарову и А. И. Чучаеву утверждать, что Русская Правда уже содержала нормы, целью которых являлась защита представителей власти. При этом авторы, в частности, ссылаются на ст. 1 данного акта.

половая связь пасынка с мачехой, блуд с монахиней, скотоложство, насильственная выдача замуж дочери или женитьба отрока, оскорбление чужой жены, поджог [8, с. 141]. Как следует из приведенного перечня, больше всего было криминализировано деяний в сфере семейно-брачных и половых отношений. Это обстоятельство, как нам представляется, объясняется тем, что данные преступления входили в сферу церковного регулирования уголовной ответственности, а церковь, как известно, всегда проповедовала добродетель, нравственность, незымлемость семейно-брачных связей.

Псковская судная грамота и Новгородская судная грамота, являясь памятниками уголовного права XIII–XV вв., по сути, развивали основные положения Русской Правды. В то же время в них появляются указания и на новые виды преступлений, наиболее опасные из которых перечислены, например, в ст. 7 Псковской судной грамоты. В ней наряду с известными преступниками упоминается «переветник». «Перевет» — это измена, переход на сторону врага. «Уровень развития уголовного права в то время не был достаточно высок для того, чтобы законодатель ограничивал преступления по объекту посягательства на государственные»¹ [9, с. 13–14] и общеуголовные. Поэтому деяния, которые с точки зрения современного уровня развития уголовного права относятся к категории особо опасных государственных преступлений (измена), стоят рядом с имущественными преступлениями (конокрадство). С точки зрения законодателя, «конокрадство было так же опасно, как и измена» [10, с. 349]. В Новгородской судной грамоте выделяется такое преступление против власти, как наводки (ст. 6), т. е. обращенные к толпе призывы к нападению на суд² [11, с. 219, 232].

Возникновение Судебника 1497 г. связано с формированием Русского централизованного государства, требовавшего создание общерусского феодального права, а Судебник 1550 г. олицетворяет власть дворян-помещиков и верхов посада. Указанные обстоятельства, в первую очередь обострение классово-политической борьбы, и обусловленная ими уголовно-правовая политика не могли не

сказаться на круге деяний, признаваемых преступлениями. Так, в Судебнике 1550 г. выделяются новые особо опасные виды преступлений, непосредственно направленные против государственных основ и интересов господствующего класса. В статье 9 Судебника говорится: «А государскому убийце и коромолнику, церковному татю, и головному и полымщику, и зажигалнику, ведомому лихому человеку живота не дати, казнити его смертною казнию». В этой статье речь идет об убийце своего господина (в это время участились нападения феодально-зависимого населения на своих господ); о коромолнике, лице совершившем крамолу — измену, бунт, иные действия, направленные против власти и жизни самого великого князя; о лице, совершающем деяние, так или иначе нарушающее права и интересы церкви, т. е. святотатство; о головной татьбе — похищении холопов, наиболее ценного для господствующего класса «имущества»³ [12, с. 58]. Подымщик отличался от зажигалника обстоятельством места совершения преступления: первый поджигал дом, двор, жилое помещение («дыма»), второй — укрепления или город [13, с. 352].

Судебник 1550 г. расширяет круг должностных преступлений, преступлений против порядка управления и деятельности суда. Помимо лжесвидетельства, известного и Судебнику 1497 г., уголовно наказуемым признается «подписка» — подлог судебных актов⁴.

Структура Соборного уложения 1649 г. существенно отличалась от предыдущих памятников права, что позволяет выделить группы однородных преступлений. В нем получили дальнейшее развитие нормы-запреты, обусловленные существенным изменением уголовной политики государства на данном этапе его существования. В частности, особое внимание уделялось борьбе с преступлениями, посягавшими на основы феодально-крепостнического строя. При этом

³ В литературе встречается и иная трактовка этого деяния. Например, под головной татьбой предлагается считать хищение имущества, сопряженное с убийством.

⁴ В статье 4 говорится: «А который дьяк список нарядит или дело запишет не по суду, не так, как на суде было, без боярского или без дворецкого, или без казначеева ведома, а обыщется то в правду, что он того посул взял, на том дьяке взяти перед боярином вполы да кинути его в тюрьму». Статья 5 гласит: «Подьячей, которой запишет не по суду для посула без дьячего приказу, и того подьячего казнити торговою казнию, бити кнутем».

¹ Согласно историческим источникам, наиболее опасными преступлениями были мятежи и городские восстания.

² Некоторые ученые полагают, что «наводить наводки» означает клеветать, дискредитировать противную сторону в суде.

вполне в духе того времени на первое место поставлены преступления против религии и церкви («Глава 1. А в ней 9 статей о богохульниках и о церковных мятежниках»)¹ [14, с. 258]. Однако надо заметить, что только в ст. 1 этой главы содержится норма, в общей форме охраняющая основы христианского вероучения («Будет кто иноверцы, какие ни буди веры, или и русский человек, возложит хулу на господа бога и спаса нашего Иисуса Христа, или на рождышую его пречистую владычицу нашу богородицу и приснодеву Марию, или на честный крест, или на святых его угодников, и про то сыскивати всякими сыски накрепко. Да будет сыщется про то допряма, и того богохульника обличив, казнити, жечь»). Все остальные нормы носят, по сути, светский характер. Как замечал А. Г. Маньков, власть берет под защиту не столько вероучение христианской церкви, сколько саму церковь как свой «идейный штаб» [15, с. 194].

В Соборном уложении на втором месте стояли нормы о государственных и политических преступлениях («Глава II. О государьской чести, и как его государьское здоровье оберегать, а в ней 22 статьи») [4, с. 52–74]. Г. Г. Тельберг писал, что Уложение является «первым в истории русского законодательства кодексом, в котором дана если не исчерпывающая, то все же относительно полная система государственных преступлений» [16, с. 50], причем нормы в них структурно отделены от норм, предусматривающих ответственность за другие «лихие дела» [17, с. 28]. Выделялись посягательства на государя (в т. ч. каралось само обнаружение умысла), захват власти, государственная измена, переход на сторону неприятеля и др.

Глава III Соборного уложения является логическим продолжением его гл. II. Формально в ней объединены нормы, содержащиеся в качестве криминообразующего признака обстоятельства места совершения преступления — царский двор. Поэтому на первый взгляд под охрану закона поставлен порядок на царском дворе, на самом же деле, как видно из содержания соот-

ветствующих статей, речь должна идти об уголовно-правовой защите власти и личности царя. Поэтому многие дореволюционные ученые преступления, указанные в данной главе, относили к государственным посягательствам [18, с. 20; 19, с. 178].

В Соборном уложении в отдельные главы были интегрированы преступления против: порядка управления (гл. 4 и 5); государственной безопасности (частично гл. 6 и 7); порядка несения военной службы (гл. 7); чести и достоинства духовных лиц (частично гл. 10), психической неприкосновенности лица (частично гл. 10); против собственности (частично гл. 21); личности (гл. 22); монополии на торговлю спиртным (гл. 25). Как видим, налицо уже сформировавшийся прообраз особенной части как элемента уголовного права, правда, еще не окончательно обособившейся от иных отраслей права, в частности процессуального, гражданского и финансового.

В период правления Петра I особое внимание уделялось борьбе с государственными преступлениями, в этих целях не только пересматривалось предыдущее законодательство, в частности некоторые положения действовавшего в это время Соборного уложения, но и издавались новые нормативные правовые акты. Так, посчитав, что данное Уложение недостаточно полно и точно определяет круг указанных деяний, а также необоснованно сужает границы действия формулы «государево слово и дело» (название государственных преступлений), Сенат специальным указом в 1714 г. дал официальное толкование последней, согласно которому «кто напишет или словесно скажет за собой государево слово или дело, и тем людям велено писать и сказывать в таких делах, которые касаются о здравии царского величества или высокомонаршеской чести или ведают бунт или измену» [20, с. 26].

Указанная формула в последующем нашла более полное отражение в Артикуле воинском Петра I. В арт. 20 говорится: «Кто против его величества особы хулительными словами погрешит, его действо и намерение презирать и непристойным образом о том рассуждать будет, оный имеет живота лишен быть, и отсечением головы казнен».

Толкование. Ибо его величество есть самовластный монарх, который никому на свете

¹ Нормы о преступлениях против веры встречаются уже в княжеских уставах, но они не содержат состава святотатства. На Московском соборе 1551 г. было принято решение о запрещении под страхом уголовного наказания совершения языческих обрядов и нарушения благочиния в церквях. Это решение и было имплементировано в Соборное уложение.

о своих делах ответу дать не должен. Но и силу власть имеет свои государства и земли, яко христианский государь, по своей воле и благомнению управлять, и яко же о его величестве в самом оном артикуле помянуто, разумеется тако и о его величества цесарской супруге, и его государства наследии»¹ [21, с. 19; 9, с. 40; 22, с. 25; 23, с. 68–69].

Как указывают Т. К. Агузаров и А. И. Чучаев, данная норма по своей конструкции выгодно отличается от соответствующей нормы Соборного уложения: во-первых, она более конкретна; во-вторых, четче проводит различие между посягательством на царя и территориальную целостность государства. Толкование к арт. 20 содержит столь точное определение абсолютной власти монарха, что оно сохранилось на весь период существования абсолютизма в России [4, с. 78].

Царские указы, изданные до принятия Артикулов воинских, в целом были направлены на ужесточение репрессии против лиц, признаваемых виновными за государственные преступления. Причем репрессивность законодательства проявлялась как в ужесточении наказуемости деяний, так и расширении сферы уголовно-правового регулирования. Например, по именному царскому указу от 25 января 1715 г. выделялся злой умысел: а) против персоны его величества или измене; б) о возмущении или бунте. К государственным преступлениям указ приравнивал похищение казны, вероятно, видя в этом, выражаясь современным языком, экономическую диверсию [24].

В Артикуле воинском законодателем так же, как и в Соборном уложении, предпринята попытка систематизировать уголовно-правовые нормы исходя из разных критериев. Например, гл. 1 и 2 интегрируют нормы о преступлениях

против веры: идолопоклонство (отступление от христианской веры), чародейство (колдовство)², богохуление, нарушение порядка отправления церковной службы в войсках (арт. 1–17).

В литературе отмечается, что Артикул воинский охватил не все известные тому времени преступления против веры, в т. ч. и предусмотренные Соборным уложением. Именно этим обстоятельством объясняется подчиненный характер Артикула Уложению, нормы которого фактически выступают дополнением к положениям последнего [25, с. 91–92].

С точки зрения формирования Особенной части как элемента уголовного права и ее соотношения с Общей частью, в частности наказуемости некоторых деяний против веры и транзитивности ряда положений Артикула, представляет интерес арт. 14 и 15. В арт. 14 сказано: «Насупротив того учрежденныя священники в гарнизонах и при полках и везде должны прилежать к непорочной, трезвой и умеренной жизни. А есть ли который из священников обрящется в своей науке, животе и поступках нечестив и беззаконен, и другим жизнию своею соблазняет, оный имеет за сие к духовному суду отослан быть, и от оногo, по изобретению вины наказан, чина и достоинства своего лишен»³. «Когда священник без знатной причины (а имянно; разве за болезнию и таковыми подобными), — говорится в арт. 15, — службу божию отправлять не будет, тогда имеет вместо наказания за каждое свое отбытие по 1 рублю в шпиталь дать. А ежели оный во время службы божиа пьян будет, тогда оный имеет в первый и другой раз от начального священника при войске жестокого наказан. А в третий к духовному суду отослан, потом своего чина и достоинства лишен быть»⁴.

В приведенных нормах Артикула воинского нашли отражение два обстоятельства, согласно которым еще раз законодательно подтверждено действие, с одной стороны, ранее существовавшего положения о подсудности дел священнослужителей только духовному суду; с другой стороны, имевшего места известного государствен-

¹ Представляется неточным утверждение А. В. Наумова о том, что Артикул воинский «фактически представлял собой военно-уголовный кодекс без Общей части». Оно отражает одну из точек зрения по области регулирования, охватываемой Артикулом. В литературе сформировались две позиции: первая ограничивает действие акта только воинскими преступлениями и его применением лишь в военных судах; вторая подчеркивает, что Артикул применялся и в гражданских судах «по отношению ко всем остальным разрядам жителей». О правоте представителей второй точки зрения свидетельствует судебная практика. Например, в решении Сената по делу Радищева указано: «По силе воинского устава 20 артикула ... отсечь голову».

² В толковании к арт. 2 содержится интересное положение, согласно которому если «...один чрез другого чинит, почитается так, яко бы он сам то учинил». По сути, имеет место, на наш взгляд, прообраз посредственного причинения вреда (посредственного совершения преступления).

³ Статья не имеет толкования.

⁴ Статья не имеет толкования.

ного вмешательства в компетенцию последнего, поскольку он ограничивался в самостоятельности выбора вида и срока (размера) наказания виновному священнику; суду предписывалось применение санкций, указанных в арт. 14 и 15.

Главы 4–14 Артикула воинского интегрируют нормы о сугубо воинских преступлениях, нарушениях правил караульной службы, порядков, введенных в армии военной реформой Петра I, воинской дисциплины, порядка прохождения службы и т. д. Нетрудно заметить немаловажную деталь: объектами уголовно-правовой охраны были признаны, по сути, те же общественные отношения, что и в последующих кодифицированных актах. Иначе говоря, начиная с Артикулов, стала отчетливо проявляться уголовная политика государства в области уголовно-правового обеспечения военного строительства, формирования вооруженных сил страны, порядка несения военной службы. Имеются новшества и в законодательной технике, появились прообразы ссылочных норм. Некоторые артикулы логически связаны с рядом статей Воинского устава Петра I¹, составной частью которого выступают Артикулы воинские [26, с. 5; 19, с. 203].

Только в этом случае артикулы реализуют функции дополнений к нормам Устава, конкретизируя или разъясняя соответствующие статьи последнего. Так, арт. 39 раскрывает порядок несения караульной службы; толкование арт. 40 характеризует значение последней; арт. 44 регулирует право применения часовым оружия и т. д.

Устав морской 1720 г.² [27] Петра I также сохранил уголовно-правовые нормы, по сути, аналогичные нормам Артикула воинского, а гл. 40 Морского устава почти дословно совпадает с гл. 18 Устава воинского.

В целом уголовное законодательство эпохи Петра I характеризовалось крайней жестокостью, по выражению А. С. Пушкина, законы Петра «писаны кнутом» [28, с. 221], что отражало уголовно-правовую политику России указанного исторического периода.

Таким образом, можно констатировать, что к моменту разработки проекта уголовного Уложения 1813 г. в истории отечественного уголовного права сложились предпосылки для формирования Особенной части как отдельного структурно выделенного элемента системы уголовного права.

Список источников

1. Исаев И. А. История государства и права России. М.: Юристъ, 2004. 797 с.
2. История государства и права России / под ред. Ю. П. Титова. М.: Проспект, 2009. 544 с.
3. История государства и права СССР: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Правоведение» / под ред. О. И. Чистякова, И. Д. Мартысевича: в 2 ч. М.: Изд-во Московского ун-та, 1985. Ч. 1. 278 с.
4. Агузаров Т. К., Чучаев А. И. Уголовно-правовая охрана власти (XI — начало XX в.): исторические очерки. М., 2011. 224 с.
5. Кизилов А. Ю. Уголовно-правовая охрана управленческой деятельности представителей власти. Ульяновск: Ульян. гос. ун-т, 2002. 158 с.
6. Яковлева С. А. Насильственные преступления в отношении представителя власти. Йошкар-Ола, 2004. 144 с.
7. Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М.: Наука, 1976. 338 с.
8. Смирнов С. И. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. М., 1912. 568 с.
9. Наумов А. В. Преступление и наказание в истории России: в 2 ч. М.: Юрлитинформ, 2014. Ч. 1. 752 с.
10. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т.; т. 1: Законодательство Древней Руси / отв. ред. В. Л. Янин. М.: Юрид. лит. 1984. 432 с.

¹ Полное название Устава звучит следующим образом: «Книга Устав воинский о должностях генералов, фельдмаршалов и всего генералитета и протчих чинов, которые при войске надлежат быть, и о оных воинских делах и поведении, что каждому чину чинить должно». Он представляет собой военно-правовой акт, закрепивший создание в России регулярной армии и определивший порядок ее жизни и деятельности.

² Его полное наименование — «Устав Морской о всем, что касается к доброму управлению в бытность флота на море».

11. Памятники русского права. Вып. 2: Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV вв. / под ред. С. В. Юшкова. М.: Госюриздат, 1953. 442 с.
12. Судебники XV–XV веков / под ред. Б. Д. Грекова. Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. 619 с.
13. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. 6-е изд. СПб., Киев: Изд. книгопродавца Н. Я. Оглоблина: Тип. Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1909. 699 с.
14. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т.; т. 3: Акты Земских соборов / отв. ред. А. Г. Маньков. М.: Юрид. лит., 1985. 512 с.
15. Маньков А. Г. Уложение 1649 года — кодекс феодального права России. М.: Наука, 1980. 273 с.
16. Тельберг Г. Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII века. М.: Тип. Моск. ун-та, 1912. 351 с.
17. Шалфеев Н. Об Уставной книге Разбойного приказа. СПб.: Тип. Мор. м-ва, 1868. 76 с.
18. Линовский В. Исследование начал уголовного права, изложенных в Уложении царя Алексея Михайловича. Одесса: Гор. тип., 1847. 149 с.
19. Чебышев-Дмитриев А. О преступном действии по русскому допетровскому праву. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1862. 246 с.
20. Голикова Н. Б. Политические процессы при Петре I: по материалам Преображенского приказа. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957. 337 с.
21. Латкин В. Н. Учебник истории русского права периода Империи (XVIII–XIX вв.). СПб.: Тип. Монтвида, 1909. 644 с.
22. Ромашкин П. С. Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I. М., 1947. 96 с.
23. Солодкин И. И. Очерки по истории русского уголовного права (первая четверть XIX в.). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1961. 170 с.
24. Полное собрание законов Российской империи. Т. V. 1713–1719 гг. СПб., 1830.
25. Шорохов А. П. К вопросу о применении Воинских артикулов Петра I 1715 г. // Актуальные вопросы правоведения в общенародном государстве. Томск: Изд-во ТГУ, 1979. С. 88–93.
26. Епифанов П. П. Военно-уставное творчество Петра Великого // Военные уставы Петра Великого / под ред. Н. Л. Рубинштейна. М., 1946. 80 с.
27. Устав Морской о всем, что касается к доброму управлению в бытность флота на море. СПб.: При Императорской Академии наук, 1780.
28. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. М., 1995. Т. 10.

References

1. Isaev I. A. Istoriya gosudarstva i prava Rossii. M.: Yurist, 2004. 797 s.
2. Istoriya gosudarstva i prava Rossii / pod red. Yu. P. Titova. M.: Prospekt, 2009. 544 s.
3. Istoriya gosudarstva i prava SSSR: uchebnik dlya studentov visshikh uchebnykh zavedenii, obuchayushchikhsya po spetsialnosti «Pravovedenie» / pod red. O. I. Chistyakova, I. D. Martisevicha: v 2 ch. M.: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 1985. Ch. 1. 278 s.
4. Aguzarov T. K., Chuchaev A. I. Ugolovno-pravovaya okhrana vlasti (XI — nachalo XX v.): istoricheskie ocherki. M., 2011. 224 s.
5. Kizilov A. Yu. Ugolovno-pravovaya okhrana upravlencheskoj deyatel'nosti predstavitelej vlasti. Ulyanovsk: Ulyan. gos. un-t, 2002. 158 s.
6. Yakovleva S. A. Nasilstvennye prestupleniya v otnoshenii predstaviteley vlasti. Yoshkar-Ola, 2004. 144 s.
7. Shchapov Ya. N. Knyazheskie ustavi i tserkov v Drevnei Rusi XI–XIV vv. M.: Nauka, 1976. 338 s.
8. Smirnov S. I. Materiali dlya istorii drevnerusskoj pokayannoj distsiplini. M., 1912. 568 s.
9. Naumov A. V. Prestuplenie i nakazanie v istorii Rossii: v 2 ch. M.: Yurlitinform, 2014. Ch. 1. 752 s.

10. Rossiiskoe zakonodatelstvo X–XX vekov: v 9 t.; t. 1: Zakonodatelstvo Drevnei Rusi / otv. red. V. L. Yanin. M.: Yurid. lit. 1984. 432 s.
11. Pamyatniki russkogo prava. Vip. 2: Pamyatniki prava feodalno-razdroblennoi Rusi XII–XV vv. / pod red. S. V. Yushkova. M.: Gosyurizdat, 1953. 442 s.
12. Sudebniki XV–XV vekov / pod red. B. D. Grekova. Moskva; Leningrad: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1952. 619 s.
13. Vladimirskaia-Budanov M. F. Obzor istorii russkogo prava. 6-e izd. SPb., Kiev: Izd. knigoprodavtsa N. Ya. Ogloblina: Tip. T-va I. N. Kushnerev i Ko, 1909. 699 s.
14. Rossiiskoe zakonodatelstvo X–XX vekov: v 9 t.; t. 3: Akti Zemskikh soborov / otv. red. A. G. Mankov. M.: Yurid. lit., 1985. 512 s.
15. Mankov A. G. Ulozhenie 1649 goda — kodeks feodalnogo prava Rossii. M.: Nauka, 1980. 273 s.
16. Telberg G. G. Ocherki politicheskogo suda i politicheskikh prestuplenii v Moskovskom gosudarstve XVII veka. M.: Tip. Mosk. un-ta, 1912. 351 s.
17. Shalfeev N. Ob Ustavnoi knige Razboinogo prikaza. SPb.: Tip. Mor. m-va, 1868. 76 s.
18. Linovskii V. Issledovanie nachal ugolovnogo prava, izlozhennikh v Ulozhenii tsarya Alekseya Mikhailovicha. Odessa: Gor. tip., 1847. 149 s.
19. Chebishev-Dmitriev A. O prestupnom deistvii po russkomu dopetrovskomu pravu. Kazan: Tip. Imp. un-ta, 1862. 246 s.
20. Golikova N. B. Politicheskie protsessy pri Petre I: po materialam Preobrazhenskogo prikaza. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1957. 337 s.
21. Latkin V. N. Uchebnyk istorii russkogo prava perioda Imperii (XVIII–XIX vv.). SPb.: Tip. Montvida, 1909. 644 s.
22. Romashkin P. S. Osnovnye nachala ugolovnogo i voenno-ugolovnogo zakonodatelstva Petra I. M., 1947. 96 s.
23. Solodkin I. I. Ocherki po istorii russkogo ugolovnogo prava (pervaya chetvert XIX v.). L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1961. 170 s.
24. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. T. V. 1713–1719 gg. SPb., 1830.
25. Shorokhov A. P. K voprosu o primenении Voinskikh artikulov Petra I 1715 g. // Aktualnye voprosy pravovedeniya v obshchenarodnom gosudarstve. Tomsk: Izd-vo TGU, 1979. S. 88–93.
26. Epifanov P. P. Voенно-ustavnoe tvorchestvo Petra Velikogo // Voennye ustavy Petra Velikogo / pod red. N. L. Rubinshteina. M., 1946. 80 s.
27. Ustav Morskoi o vsem, chto kasaetsya k dobromu upravleniyu v bitnost flota na more. SPb.: Pri Imperatorskoi Akademii nauk, 1780.
28. Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochinenii: v 19 t. M., 1995. T. 10.

Информация об авторе

A. A. Илджев — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. A. Ildzhev — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 30.12.2022; одобрена после рецензирования 30.01.2023; принята к публикации 15.03.2023.

The article was submitted 30.12.2022; approved after reviewing 30.01.2023; accepted for publication 15.03.2023.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.8

**ЗАЩИТА ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ОСУЖДЕННЫХ,
ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ В ИСПРАВИТЕЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ:
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ**

Нина Анатольевна Семерьянова¹, Альбина Рифовна Салимгареева²

^{1,2} Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Нижневартовск, Россия

¹ nina_777s@mail.ru

² alabina81@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследуемой проблемы связана с защитой прав и законных интересов осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, по вопросам материально-бытового обеспечения. Кроме того, рассмотрена проблема возможности прокурора участвовать в гражданском процессе в защиту осужденных как категории неопределенного круга лиц. Исследование направлено на решение проблемы обеспечения вещевым довольствием осужденных лиц, привлечения к субсидиарной ответственности третьих лиц по обязательствам казенных учреждений. Изложенная в работе правовая позиция способствует формированию единой судебной практики, может использоваться при подготовке целевых программ, направленных на обеспечение материально-бытовым довольствием осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях.

Ключевые слова: исполнение наказания, субсидиарная ответственность, вещевое довольствие, неопределенный круг лиц, прокурор, осужденные

Для цитирования: Семерьянова Н. А., Салимгареева А. Р. Защита прав и законных интересов осужденных, отбывающих наказание в исправительном учреждении: проблемы правоприменения // Алтайский юридический вестник. 2023. № 1 (41). С. 82–88.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

**PROTECTION OF THE RIGHTS AND LEGISLATIVE INTERESTS
OF CONVICTS SERVING SENTENCE IN A CORRECTIONAL INSTITUTION:
PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT**

Nina A. Semeryanova¹, Albina R. Salimgareeva²

^{1,2} South Ural State University (National Research University), Nizhnevartovsk, Russia

¹ nina_777s@mail.ru

² alabina81@mail.ru

Abstract. The relevance of the problem under study is related to the protection of the rights and legitimate interests of convicts serving sentences in correctional institutions. The problem under study is related to the material and domestic support of convicts serving sentences in correctional institutions, in particular, clothing allowances, the standards for which may be violated, as well as to the overhaul of objects of the penitentiary system and housing construction. In addition, an important problem under study is devoted to determining the ability of the prosecutor to act in civil proceedings in defense of convicts as a category of “an indefinite circle of persons”.

Keywords: overhaul, housing construction, execution of punishment, subsidiary liability, clothing allowance, indefinite circle of persons, prosecutor, convicts

For citation: Semeryanova N. A., Salimgareeva A. R. Protection of the rights and legislative interests of convicts serving sentence in a correctional institution: problems of law enforcement. Altajskij juridicheskiy vestnik = Altai Law Journal. 2023;1:82–88 (In Russ.).

Конституция РФ устанавливает, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства.

В соответствии с Правилами Нельсона Манделы заключенные должны пользоваться уважительным отношением вследствие присущего им достоинства и их ценности как человеческой личности. Заключенным, не имеющим права носить собственную одежду, следует выдавать комплект обмундирования, соответствующего климату и позволяющего поддерживать их здоровье в удовлетворительном состоянии (правило 19). На основании Уголовно-исполнительного кодекса РФ (далее — УИК РФ) осужденным предоставляются индивидуальные спальные места и постельные принадлежности. Они обеспечиваются одеждой по сезону с учетом пола и климатических условий (п. 2 ст. 99 УИК РФ).

В юридической практике существуют проблемы, с которыми сталкиваются осужденные, отбывающие наказание в исправительных учреждениях. Такие проблемы складываются в отношениях между осужденными и работниками пенитенциарных учреждений. В частности, на ком лежит обязанность по обеспечению вещевым довольствием осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, кто выступает субъектом ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение данной обязанности, может ли прокурор обратиться в суд с иском о защите прав и законных интересов осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, можно ли отнести осужденных к категории «неопределенного круга лиц»?

1. Установление категории «неопределенный круг лиц» в отношении осужденных.

В соответствии с Конституцией РФ на государство возложена обязанность по защите прав и свобод человека и гражданина. Органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию РФ и законы (ч. 2 ст. 15). В силу ч. 4 ст. 27 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» при нарушении прав и свобод значительного числа граждан, защищаемых в порядке гражданского судопроизводства, либо в силу

иных обстоятельств нарушение приобрело особое общественное значение, прокурор предъявляет и поддерживает в суде иск в интересах пострадавших. Прокурор вправе обратиться в суд с заявлением или вступить в дело на любой стадии процесса в защиту интересов общества или государства (ст. 35 Закона о прокуратуре). Полномочия прокурора, участвующего в судебном рассмотрении дел, определяются процессуальным законодательством РФ. Прокурор вправе обратиться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц (ст. 45 ГПК РФ).

По настоящее время не решенным остается вопрос об отнесении осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, к категории «неопределенный круг лиц». В этой связи определение сущности данной категории имеет существенное значение в контексте установления возможности участия прокурора в гражданском процессе для защиты прав и законных интересов осужденных.

Взяв за основу понятие, данное В. М. Жуйковым, «неопределенный круг лиц — это круг лиц, который невозможно индивидуализировать (определить), привлечь в процесс в качестве истцов, указать в решении и решить вопрос о правах и обязанностях каждого из них при разрешении дела» [1, с. 2–6; 2, с. 10–14], и признаки, выделенные О. Г. Соколовой, «защите подлежит общественный или публично-государственный интерес, которым обладает большое число лиц; все они заявляют однородные требования к единому ответчику (ответственной стороне); при удовлетворении судом таких требований истцы получают право на индивидуальные компенсационные выплаты в порядке заявления иных самостоятельных исков» [3, с. 118–122]. Можно определить сущность дефиниции «неопределенный круг лиц» применительно к осужденным, отбывающим наказание в исправительных учреждениях, как кругу лиц, который невозможно индивидуализировать, т. е. определить заранее, и поскольку количественный показатель осужденных, отбывающих уголовное наказание в исправительных учреждениях, не является постоянным и подвержен изменению в связи с тем, что одни лица освобождаются, а другие прибывают для отбытия наказания, индивидуализировать указанных лиц в данном случае не представляет

ся возможным. Следовательно, прокурор вправе обратиться в суд с иском в защиту нарушенных прав и законных интересов осужденных лиц.

II. Финансово-материальное обеспечение осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях.

Федеральная служба исполнения наказания России (далее — ФСИН России) согласно положению, утвержденному Указом Президента РФ от 13.10.2004 № 1314, является федеральным органом исполнительной власти (п. 1 в ред. 02.03.2021 № 119).

ФСИН России принимает решения о создании, реорганизации и ликвидации территориальных органов ФСИН России в соответствии с законодательством Российской Федерации. ФСИН России осуществляет управление своими территориальными органами. Финансирование расходов на содержание центрального аппарата ФСИН России, ее территориальных органов осуществляется за счет средств, предусмотренных в федеральном бюджете (п. 13 Указа Президента № 1314).

Территориальный орган ФСИН России (далее — УФСИН региона) является юридическим лицом, участником бюджетного процесса — распорядителем (получателем) бюджетных средств. Федеральное казенное учреждение «Исправительная колония» УФСИН ХМАО–Югры (далее — ФКУ ИК) является учреждением уголовно-исполнительной системы [4, с. 256].

В соответствии с Уставом ФКУ ИК одной из целей деятельности учреждения является создание осужденным условий содержания, соответствующих нормам международного права, положениям международных договоров РФ, федеральных законов и иных нормативных правовых актов РФ. Согласно ч. 4 ст. 123.22 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) казенное учреждение отвечает по своим обязательствам находящимися в его распоряжении денежными средствами. При недостаточности денежных средств субсидиарную ответственность по обязательствам казенного учреждения несет собственник его имущества.

Казенное учреждение находится в ведении органа государственной власти, органа местного самоуправления, осуществляющего бюджетные полномочия главного распорядителя бюджетных средств (ч. 1 ст. 161 Бюджетного кодекса РФ)

(далее — БК РФ). Финансовое обеспечение деятельности казенного учреждения осуществляется за счет средств соответствующего бюджета бюджетной системы РФ (ч. 2 ст. 161 БК РФ).

Частью 7 ст. 161 БК РФ предусмотрено, что при недостаточности лимитов бюджетных обязательств, доведенных казенному учреждению для исполнения его денежных обязательств, по таким обязательствам от имени Российской Федерации, субъекта РФ, муниципального образования отвечает соответственно орган государственной власти (государственный орган), орган местного самоуправления, орган местной администрации, осуществляющий бюджетные полномочия главного распорядителя бюджетных средств, в ведении которого находится соответствующее казенное учреждение. Учредителем ФКУ ИК является Российская Федерация, соответственно, функции и полномочия учредителя-собственника осуществляет ФСИН России.

Кроме того, согласно правовой позиции, изложенной в п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.05.2019 № 13 «О некоторых вопросах применения судами норм БК РФ, связанных с исполнением судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы РФ», при недостаточности лимитов бюджетных обязательств, доведенных казенному учреждению для исполнения его денежных обязательств, по ним от имени Российской Федерации, субъекта РФ, муниципального образования отвечает главный распорядитель бюджетных средств, в ведении которого находится соответствующее казенное учреждение (п. 7 ст. 161, п. 10 ст. 242.3, п. 9 ст. 242.4, п. 9 ст. 242.5 БК РФ).

Таким образом, субсидиарную ответственность по обязательствам казенного учреждения при недостаточности имущества несет собственник этого имущества — ФСИН России. Следовательно, в случае обращения в суд за защитой нарушенных прав осужденных ФСИН России и ФКУ ИК должны быть признаны надлежащими ответчиками по гражданскому делу. И поскольку прокурор вправе одновременно предъявить иск к обоим должникам одновременно (казенному учреждению и должнику, несущему ответственность при недостаточности лимитов бюджетных обязательств, — главному распорядителю бюджетных средств, осуществляющему финан-

совое обеспечение деятельности находящегося в его ведении казенного учреждения за счет средств соответствующего бюджета), то в случае удовлетворения иска в резолютивной части судебного акта следует указывать на взыскание суммы задолженности с казенного учреждения (основного должника), а при недостаточности лимитов бюджетных обязательств — с главного распорядителя бюджетных средств. В качестве аргумента в пользу обоснования нашей позиции можно привести постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 12 октября 2021 г. № Ф06-9690/21 по делу № А65-8733/2021, постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 21 сентября 2021 г. № Ф06-8455/21 по делу № А65-27965/2020.

Часть 4 ст. 82 Уголовно-исполнительного кодекса РФ обязывает администрацию исправительного учреждения обеспечить осужденных одеждой установленного образца. Форма одежды определяется нормативными правовыми актами Российской Федерации. Согласно ч. 2 ст. 99 УИК РФ осужденные обеспечиваются одеждой по сезону с учетом пола и климатических условий. Минимальные нормы материально-бытового обеспечения осужденных устанавливаются Правительством РФ, а нормы вещевого довольствия осужденных утверждаются федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний (ч. 3 ст. 99).

Указом Президента РФ от 13.10.2004 № 1313 «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации» утверждено положение о Министерстве юстиции РФ, в соответствии с которым оно является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в установленной сфере деятельности, в т. ч. в сфере исполнения уголовных наказаний.

Во исполнение полномочий, предоставленных федеральному органу исполнительной власти, Минюст России приказом от 03.12.2013 № 126 утвердил нормы вещевого довольствия, порядок обеспечения и описание предметов вещевого довольствия осужденных к лишению свободы, отбывающих наказания в исправитель-

ных учреждениях, и лиц, содержащихся в следственных изоляторах. Нормирование вещевого довольствия осужденных к лишению свободы предполагает установление перечня наименований предметов вещевого довольствия, их количество, сроки носки.

В силу ст. 1 Федерального закона РФ от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» деятельность уголовно-исполнительной системы осуществляется на основе принципов законности, гуманизма, уважения прав человека. Согласно ст. 13 этого же закона учреждения, исполняющие наказания, обязаны обеспечивать исполнение уголовно-исполнительного законодательства РФ, обеспечивать охрану здоровья осужденных, осуществлять деятельность по развитию своей материально-технической базы и социальной сферы.

В случае выявления нарушений уголовно-исполнительного законодательства об обеспечении осужденных вещевым довольствием начальник соответствующего отдела обязан направить об этом информацию в УФСИН региона. Например, в соответствии с письмом начальника ФКУ ИК–15 УФСИН России по ХМАО–Югре от 16.06.2021 в 2021 г. на закупку вещевого имущества и постельных принадлежностей для спецконтингента выделено 4979,3 тысяч рублей, что составляет 28 % от общей годовой потребности учреждения. 12 марта 2021 г. в территориальные органы ФСИН России направлены письма о рассмотрении возможности перераспределения в адрес ФКУ ИК–15 недостающих предметов вещевого довольствия осужденных, однако ни один из территориальных органов на письмо не откликнулся (материалы судебной практики Нижневартковского городского суда).

Таким образом, при недостаточности денежных средств у казенного учреждения для надлежащего исполнения лежащих на нем обязанностей субсидиарную ответственность по его обязательствам несет собственник имущества, т. е. ФСИН России является субсидиарным ответчиком по обязательствам подведомственного ему казенного учреждения.

Осужденные должны обеспечиваться вещевым довольствием в соответствии с установленными нормативами. Однако получить его можно лишь при наличии данного имущества на складе

учреждения. В случае недостаточности такого имущества исправительному учреждению в первую очередь целесообразно компенсировать недостаток обеспечения за счет собственного производства, например швейных мастерских (пошив нижнего белья, постельного белья и т. п.), т. е. внутренними силами (трудовыми функциями осужденных).

Дискуссионным вопросом является проблема определения правомочий прокурора при защите прав и законных интересов осужденных. В частности, обладает ли прокурор правом на обращение в суд для защиты прав и законных интересов осужденных как неопределенного круга лиц? Действующее российское законодательство не содержит нормы-дефиниции понятия «неопределенный круг лиц», в связи с чем в науке и правоприменительной практике сложились различные подходы к пониманию данной категории [5, с. 12]. В соответствии с ч. 1 ст. 45 ГПК РФ у прокурора отсутствуют основания для предъявления искового заявления в защиту прав и интересов осужденных, поскольку осужденные, отбывающие наказание в ФКУ ИК, не относятся к категории неопределенного круга лиц, в защиту которых прокурор может обратиться в суд с иском заявлением.

Верховный Суд РФ в постановлении Пленума от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» опирается на доктринальное понятие неопределенного круга лиц, данное В. М. Жуйковым: «круг лиц, который невозможно индивидуализировать (определить), привлечь в процесс в качестве истцов, указать в решении и решить вопрос о правах и обязанностях каждого из них при разрешении дела» [1, с. 2–6].

Однако правоприменитель в различных правоотношениях совершенно по-разному подходит к трактованию данного определения. Противоречива по этому вопросу и судебная практика, все это негативно сказывается на защите прав и законных интересов осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях.

Еще одна проблема, требующая выработки единого подхода, заключается в привлечении к субсидиарной ответственности ФСИН России в случае недостаточности у подведомственного ему казенного учреждения имущества. Так, например, на основании результатов прокурорской

проверки деятельности ФКУ ИК–15 УФСИН России по ХМАО–Югре по исполнению требований законодательства, регламентирующего вещевое обеспечение осужденных, выявлены систематические нарушения такой обеспеченности. Кроме того, отсутствие обеспечения осужденных вещевым имуществом в полном объеме носит длящийся характер и свидетельствует о длительном бездействии администрации исправительного учреждения. Вынесенные прокуратурой представления должностными лицами не исполнялись в связи с недостаточностью средств. По данному нарушению прокурор обращается в суд с требованием о привлечении ФСИН России к субсидиарной ответственности и с момента вступления решения суда в законную силу об организации финансово-материального обеспечения подведомственных учреждений необходимым вещевым довольствием (материалы судебной практики Нижневартковского городского суда).

Однако в юридической литературе ряд авторов ссылаются на определение судебной коллегии Верховного Суда РФ от 29 мая 2020 г. по делу № 81-КГ20-1, № 2-1109/2019, в котором говорится, что требование об обязанности ФСИН России организовать финансово-материальное обеспечение исправительных учреждений является вмешательством в административно-хозяйственную деятельность государственного органа. «Понуждение ФСИН России к выделению финансирования является ограничением прав главного распорядителя средств федерального бюджета, предусмотренных на содержание уголовно-исполнительной системы и реализацию возложенных на неё функций, на самостоятельное решение вопросов, отнесённых к компетенции данного органа, и нарушает установленный ст. 10 Конституции Российской Федерации принцип разделения властей» [6].

В действительности суть данного определения заключается в неправильном применении норм действующего законодательства, а именно приказа ФСИН России от 27 июля 2006 г. № 512, которым утверждены нормы обеспечения и сроки эксплуатации мебели, инвентаря, оборудования и предметов хозяйственного обихода.

Коллегия судей ВС РФ указала на ошибки нижестоящих судов. В частности, положения приказа ФСИН России № 512 не могут являть-

ся основанием для возложения обязанности на ФКУ и ФСИН России по оборудованию комнат, поскольку приказом установлен лишь перечень имущества и оборудования, которым должны обеспечиваться соответствующие помещения учреждений. Следовательно, положения приказа носят не обязывающий, а рекомендательный характер.

И в этом случае возложение на ФСИН России обязанности организовать финансовое обе-

спечение расходов на проведение мероприятий по оборудованию колонии дополнительными комнатами является вмешательством в административно-хозяйственную деятельность государственного органа, поскольку финансирование подведомственных учреждений производится за счет средств бюджета путем включения таких объектов в федеральную целевую программу, которая утверждается Правительством РФ.

СУБСИДИАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ФСИН РОССИИ	
<p>Наступает в случае нарушения ОБЯЗАННОСТИ и недостаточности имущества подведомственного учреждения</p>	<p>Не наступает, если юридический акт закрепляет лишь ПРАВО (носит рекомендательный характер)</p>
<p>Привлечение к субсидиарной ответственности ФСИН России по обязательствам подведомственного ему казенного учреждения возможно в случае недостаточности у ФКУ собственного имущества.</p>	<p>Финансирование подведомственных учреждений производится за счет средств бюджета путем включения таких расходов в федеральную целевую программу, размещения государственных заказов по капитальному ремонту объектов уголовно-исполнительной системы и жилищному строительству.</p>

Таким образом:

1. Осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, следует отнести к категории «неопределенный круг лиц», поскольку их индивидуализация не представляется возможной и не может быть определена заранее. Это связано с тем, что количественный показатель осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, не является постоянным и подвержен изменению, поскольку одни лица освобождаются, другие прибывают для отбытия наказания.

2. Ввиду того что осужденные, отбывающие наказание в исправительных учреждениях, могут быть признаны неопределенным кругом лиц, прокурор вправе обратиться в суд с иском в защиту их интересов.

3. Обязанность ФСИН России состоит в обеспечении исполнения уголовно-исполнительного законодательства РФ, обеспечении прав, свобод и законных интересов осужденных, охраны их здоровья, создании осужденным условий содержания, соответствующих нормам международного права, положениям международных договоров РФ и федеральных законов, в развитии мате-

риально-технической базы и социальной сферы подведомственных учреждений за счет распределения средств федерального бюджета и реализации возложенных на них функций, в осуществлении контроля деятельности подведомственных учреждений за соблюдением законности и обеспечения прав осужденных (Положение о ФСИН России, абз. 4, 5, 7, 8, 9 подп. 2 п. 15 Раздел III Положения об УФСИН по ХМАО–Югре, утв. приказом ФСИН России 11.06.2015 № 518). В соответствии с положением ст. 99, ч. 4 ст. 82 УИК РФ материально-бытовое обеспечение осужденных к лишению свободы является обязанностью исправительного учреждения.

Согласно ч. 4 ст. 123.22 ГК РФ при недостаточности денежных средств казенного учреждения субсидиарную ответственность по его обязательствам несет собственник имущества. Таким образом, ФСИН России является субсидиарно ответственным по обязательствам подведомственных ему казенных учреждений в случае недостаточности у них собственного имущества. Безусловно, привлечение к субсидиарной ответственности является исключительным механизмом восстановления нарушенных прав, на-

правленным на удовлетворение законных требований осужденных, чьи права нарушены недостаточным обеспечением вещевым довольствием, которое должно возмещаться за счет третьих лиц, причастных к этому нарушению.

4. Кроме того, в случае обнаружения недостатка материального обеспечения осужден-

ных исправительному учреждению целесообразно компенсировать недостаток обеспечения за счет собственного производства, например швейных мастерских (пошив нижнего белья, постельного белья и т. п.), т. е. внутренними силами (трудовыми функциями осужденных).

Список источников

1. Жуйков В. ГПК РФ: порядок введения в действие // Российская юстиция. 2003. № 2. С. 2–6.
2. Эрделевский А. М. О неопределенном круге лиц в гражданском процессе // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2014. № 1 (39). С. 10–14.
3. Соколова О. Г. Неопределенный круг лиц: некоторые вопросы реализации права на обращение в суд // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 6 (113). С. 118–122.
4. Власть. Исполнительная власть: путеводитель / сост. В. И. Жильцов. М.: Проспект, 2017. 1055 с.
5. Яркова Т. А. Участие прокурора в гражданском процессе в защиту интересов неопределенного круга лиц // Синергия наук. 2020. № 53. С. 11–16.
6. Определение судебной коллегии Верховного Суда РФ от 29 мая 2020 г. по делу № 81-КГ20-1, № 2-1109/2019 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

References

1. Zhuikov V. GPK RF: poryadok vvedeniya v deistvie // Rossiiskaya yustitsiya. 2003. № 2. S. 2–6.
2. Erdelevskii A. M. O neopredelennom kruge lits v grazhdanskom protsesse // Vestnik Akademii Generalnoi prokuraturi RF. 2014. № 1 (39). S. 10–14.
3. Sokolova O. G. Neopredelennii krug lits: nekotorie voprosi realizatsii prava na obrashchenie v sud // Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii. 2016. № 6 (113). S. 118–122.
4. Vlast. Ispolnitelnaya vlast: putevoditel / sost. V. I. Zhiltsov. M.: Prospekt, 2017. 1055 s.
5. Yarkova T. A. Uchastie prokurora v grazhdanskom protsesse v zashchitu interesov neopredelennogo kruga lits // Sinergiya nauk. 2020. № 53. S. 11–16.
6. Opredelenie sudebnoj kollegii Verhovnogo Suda RF ot 29 maya 2020 g. po delu № 81-KG20-1, № 2-1109/2019 [Elektronnyj resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

Информация об авторах

Н. А. Семерьянова — кандидат юридических наук, доцент.

А. Р. Салимгареева — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

N. A. Semeryanova — Candidate of Science (Law).

A. R. Salimgareeva — Candidate of Science (Law).

Статья поступила в редакцию 15.11.2022; одобрена после рецензирования 01.02.2023; принята к публикации 15.03.2023.

The article was submitted 15.11.2022; approved after reviewing 01.02.2023; accepted for publication 15.03.2023.

Алтайский юридический вестник. 2023. № 1 (41). С. 89–97.
Altai Law Journal. 2023. № 1 (41). P. 89–97.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.9:311(470)

**СТРУКТУРА ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА**

Павел Владимирович Тепляшин¹, Вячеслав Витальевич Молоков²

^{1,2} Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Россия

¹ pavlushat@mail.ru

² vvmolokov@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрена роль различных методов и подходов к изучению преступности для обнаружения её особенностей. Обоснована важность выявления структурных изменений преступности в Российской Федерации и её округах. Анализ динамики изменений структуры преступности позволил выявить увеличение доли тяжких и особо тяжких преступлений. В заключение изложены криминологические закономерности корреляционной взаимосвязи удельного веса зарегистрированных преступлений различных категорий, на фоне которых очерчены перспективы активного развития интегративной криминологии.

Ключевые слова: кражи, криминальная резистентность, общественная опасность, преступления средней тяжести, регистрируемые преступления, системное явление, Центральный федеральный округ

Для цитирования: Тепляшин П. В., Молоков В. В. Структура преступности в Российской Федерации: статистический анализ и криминологическая характеристика // Алтайский юридический вестник. 2023. № 1 (41). С. 89–97.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

**STRUCTURE OF CRIME IN THE RUSSIAN FEDERATION: STATISTICAL
ANALYSIS AND CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS**

Pavel V. Teplyashin¹, Vyacheslav V. Molokov²

^{1,2} Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, Russia

¹ pavlushat@mail.ru

² vvmolokov@mail.ru

Abstract. The article examines the role of different methods and approaches to the study of crime to detect its characteristics. The importance of identifying structural changes in crime in the Russian Federation and its districts is justified. Analysis of the dynamics of changes in the structure of crime revealed an increase in the proportion of serious and especially serious crimes. The conclusion outlines criminological patterns of correlation between the proportion of registered crimes of different categories, against which prospects for active development of integrative criminology are outlined.

Key words: theft, criminal resistance, public danger, medium crime, recorded crime, systemic phenomenon, Central Federal District

For citation: Teplyashin P. V., Molokov V. V. Structure of crime in the Russian Federation: Statistical analysis and criminological characteristics. Altajskij juridicheskiy vestnik = Altai Law Journal. 2023;1:89–97 (In Russ.).

Изучение преступности как исторически изменчивого, социального и правового процесса неразрывно связано с криминологическим анализом ее структуры и динамики. Аналогично иным социально-экономическим процессам и явлениям преступности свойственны инертность, незначительная вариативность характеризующих показателей и достаточно сильная взаимосвязь её признаков. Для познания этих и иных свойств преступности используется широкая гамма методов научного поиска, каждый из которых позволяет под особым углом взглянуть на рассматриваемое явление, обнаружить его новые особенности. Так, системный анализ преступности позволяет выделить и обобщить её специфические особенности, а также реализует возможности для разработки моделей криминализации [1]. Ведь «преступность (с ее внутренними и внешними закономерностями) — системное явление, а следовательно, изучать преступность необходимо с системного подхода» [2, с. 70]. В свою очередь, исторический и компаративистские подходы не только обеспечивают выявление соответствующих закономерностей развития преступности, но и объясняют

современные криминальные реалии на фоне мировых трендов. В этой связи нельзя не отметить справедливое высказывание А. Л. Репецкой о том, что мировой тренд «великое снижение преступности» информативно отражается на развитии современной российской преступности [3]. Резюмируя, заметим, что на фоне общего снижения уровня преступности синхронно изменяется и состав (структура) преступности, трансформируются иные её свойства, что представляет предмет криминологических исследований в рамках теории преступности.

Следовательно, особенности структурных изменений преступности в Российской Федерации, её округах и субъектах, а также динамика и тенденции структурных преобразований преступности вызывают особый научный интерес.

Наиболее часто для изучения криминологических особенностей преступности используют открытые данные, классифицируемые по характеру и степени общественной опасности деяний, т. е. на основании положений ст. 15 УК РФ. На рисунке 1 представлена диаграмма динамики структуры преступности в Российской Федерации с 2017 г.

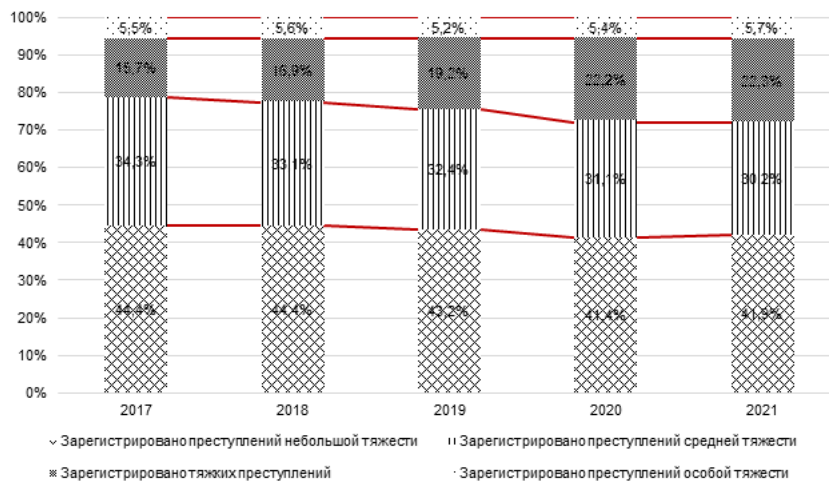

Рис. 1. Диаграмма динамики структуры преступности в Российской Федерации в 2017–2022 гг.

Динамика изменений структуры преступности в России демонстрирует увеличение доли тяжких и особо тяжких преступлений. Так, число тяжких преступлений в общем количестве зарегистрированных преступлений в 2021 г. по сравнению с 2017 г. увеличилось на 6,6 %, а особо тяжких преступлений — на 0,2 %. Тенден-

ция к снижению доли преступлений небольшой и средней тяжести сохраняется. Данная криминологическая тенденция объясняется двумя основными причинами: 1) в указанный период наблюдается активизация правоохранительных органов по уголовно-правовому предупреждению ряда рейтинговых преступлений (в част-

ности, в сфере незаконного оборота наркотиков, посягательств на половую неприкосновенность, общественно опасные деяния экстремистской направленности), которые в своей значительной части относятся к категории тяжких и особо тяжких преступлений; 2) общая профилактика преступности стала оказывать тонизирующее предупредительное действие на преступления небольшой и средней тяжести, тогда как тяжкие

и особо тяжкие посягательства обладают известной сопротивляемостью к общей профилактике, поэтому именно данные преступления стали занимать более ощутимый удельный вес в общей массе преступности.

Средние оценки удельного веса преступлений в Российской Федерации за период 2017–2021 гг. по характеру и степени общественной опасности представлены на рисунке 2.

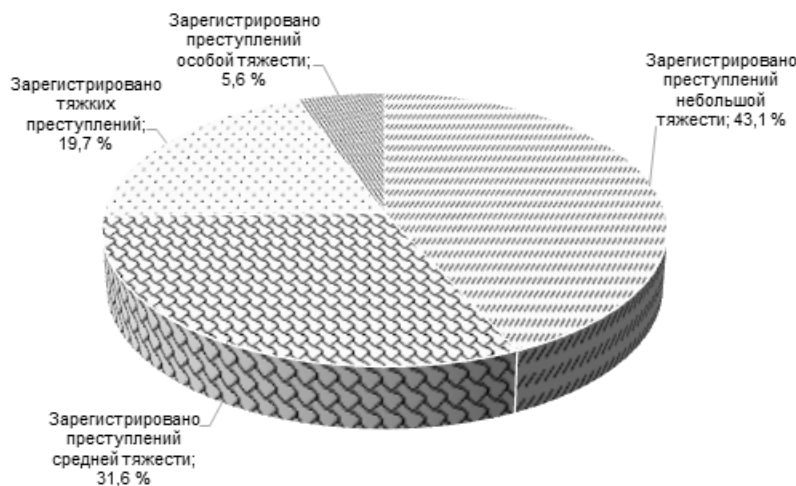

Рис. 2. Средние показатели структуры преступности в Российской Федерации за период 2017–2021 гг.

В структуре преступлений, классифицируемых по объекту посягательства, в Российской Федерации наибольшую долю составляют преступления против собственности (48,3 %), преступления против жизни и здоровья (7,4 %), преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта (3,8 %), а также иные преступления (37 %). Динамика удельного веса преступлений, классифицируемых по объекту посягательств, в Российской Федерации представлена на рисунке 3. При этом необходимо отметить, что преступления против собственности действительно занимают менее 1/2 (среднее значение за 2017–2022 гг.) удельного веса от общей массы всех регистрируемых преступлений, что корреспондирует тенденции постепенного уменьшения удельного веса краж, грабежей и разбоев. Следовательно, исследователям-криминологам, полагающим, что удельный вес посягательств против собственности в общей массе зарегистрированных преступлений составляет свыше 50 % (например, А. Е. Михайлов и И. А. Тараканов полагают [4, с. 56], что удель-

ный вес таких преступлений составляет 54,5 %), необходимо скорректировать свои выводы.

Также следует учитывать, что посягательства против собственности выступают лишь частью корыстной преступности, к которой необходимо «отнести как, например, квартирные, карманные кражи, так и такие коррупционные преступления, как присвоения и растраты, мошенничества, рейдерские захваты, незаконную торговлю оружием, наркотиками, бандитизм, торговлю людьми и т. п.» [5, с. 70]. Соответственно, корыстная направленность преступности остается крайне активной и даже характеризуется интенсификацией. По сведениям Н. А. Вакуленко, «Уголовный кодекс Российской Федерации включает 150 статей, предусматривающих уголовную ответственность за деяния, совершенные из корыстных соображений (144 вида преступлений)» [6, с. 123]. Так, применительно к насильственной преступности в специальных исследованиях аргументированно отмечается, что спецификой «современной насильственной преступности, как отмечают сотрудники право-

охранительных органов, является также возрастание значимости корыстной мотивации преступников. Даже "бытовые" насильственные

преступления против личности, которые обычно имеют ситуационный характер, стали чаще совершаться из-за корысти» [7, с. 250].

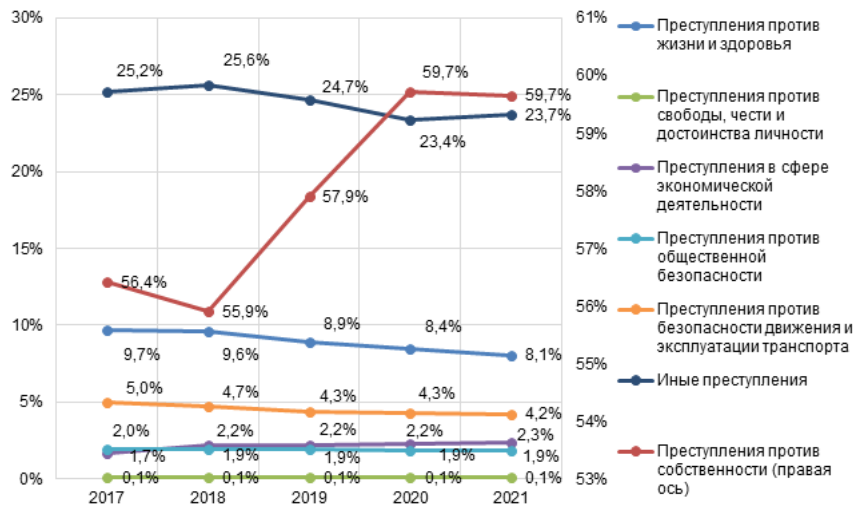

Рис. 3. Динамики доли преступлений, классифицируемых по объекту посягательства, в Российской Федерации за период 2017–2021 гг.

С позиций динамических характеристик структуры преступности необходимо отметить возрастание с 2017 по 2021 г. в общем объеме зарегистрированных преступлений удельного веса посягательств против собственности (+3,3 %), а также общественно опасных деяний в сфере экономической деятельности (+0,6 %). Тенденцию к снижению демонстрируют преступления против жизни и здоровья (-1,6 %), преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта (-0,8 %), преступления против общественной безопасности (-0,1 %). Преступления против свободы, чести и достоинства личности сохраняют устойчивость на уровне удельного веса 0,1 %. Напоминаем, что данные тенденции отражают не абсолютные показатели преступности, а степень «проседания» отдельных видов преступности на фоне общего снижения числа зарегистрированных преступлений в Российской Федерации: с 2 058 476 в 2017 г. до 2 004 404 в 2021 г. Соответственно,

можно говорить о стабильной криминальной резистентности посягательств против собственности и общественно опасных деяний в сфере экономической деятельности, которые занимают неизменно высокий удельный вес среди общего массива зарегистрированных преступлений. Причем указанные группы преступлений, как верно отмечают В. А. Авдеев и Е. В. Авдеева, практически не обладают какой-либо взаимосвязью [8, с. 104]. Следовательно, посягательства против собственности и общественно опасные деяния в сфере экономической деятельности обладают самодостаточными «зарядами» криминальной энергии, высокой степенью живучести от профилактического воздействия и значительной общественной опасностью, что подтверждает целесообразность активного предупреждения данных видов преступности.

Среднее (за 2017–2021 гг.) соотношение долей рассматриваемых видов преступности представлено на рисунке 4.

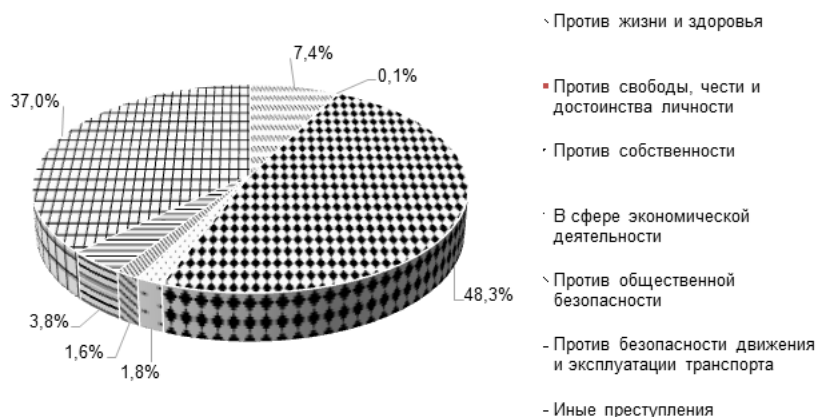

Рис. 4. Средние значения удельного веса преступлений в Российской Федерации

Региональная структура преступности имеет свои особенности. На рисунке 5 представлены средние значения (за 2017–2021 гг.) удельного веса преступлений, классифицируемых по характеру и степени общественной опасности, в субъектах Российской Федерации. Наибольший удельный вес составляют преступления небольшой тяжести, максимальная доля которых наблюдается в Уральском (47,9 %) и Приволжском (47 %) федеральных округах (далее — ФО), наименьший — в Южном федеральном округе (38,1 %). Наибольшей вариативностью в субъектах Российской Федерации обладают преступления средней тяжести, минимальная доля которых наблюдается в Уральском ФО (27,9 %), максимальная — в Южном ФО (39,5 %). Минимальная доля тяжких преступления регистрируется в Уральском ФО (16,5 %), максимальная — в Центральном ФО (22,3 %). Наименьший удельный вес имеют преступления особой тяжести, максимальная доля которых фиксируется в Уральском ФО (16,5 %), минимальная — в Дальневосточном ФО (4,2 %).

Обращает внимание криминологическая закономерность, согласно которой наиболее высокий удельный вес преступлений средней тяжести наблюдается в Южном и Дальневосточном федеральных округах, на территории которых

зарегистрирован наименьший удельный вес преступлений особой тяжести — 4,4 % и 4,2 % соответственно; наиболее высокий удельный вес преступлений небольшой тяжести обнаруживается в Уральском и Приволжском федеральных округах, на территории которых зарегистрирован наименьший удельный вес тяжких преступлений — 16,5 % и 18,6 % соответственно. Данные «качели» демонстрируют ситуацию частичного «впитывания» одной категорией преступления, как правило, небольшой или средней тяжести, других — соседних, обладающих большей степенью общественной опасности. Почему именно в указанных федеральных округах наиболее ярко проявляется данная криминологическая закономерность? На данный вопрос мы сможем ответить, рассмотрев статистический анализ и криминологическую характеристику среднего удельного веса преступлений, сгруппированных в зависимости от объекта посягательства.

В целом распределение удельного веса регистрируемых преступлений различной категории по округам позволяет выявить ряд иных криминологических закономерностей, что позволяет приблизиться к объяснению ряда региональных тенденций, связанных с различной степенью и характером криминальной активности населения.

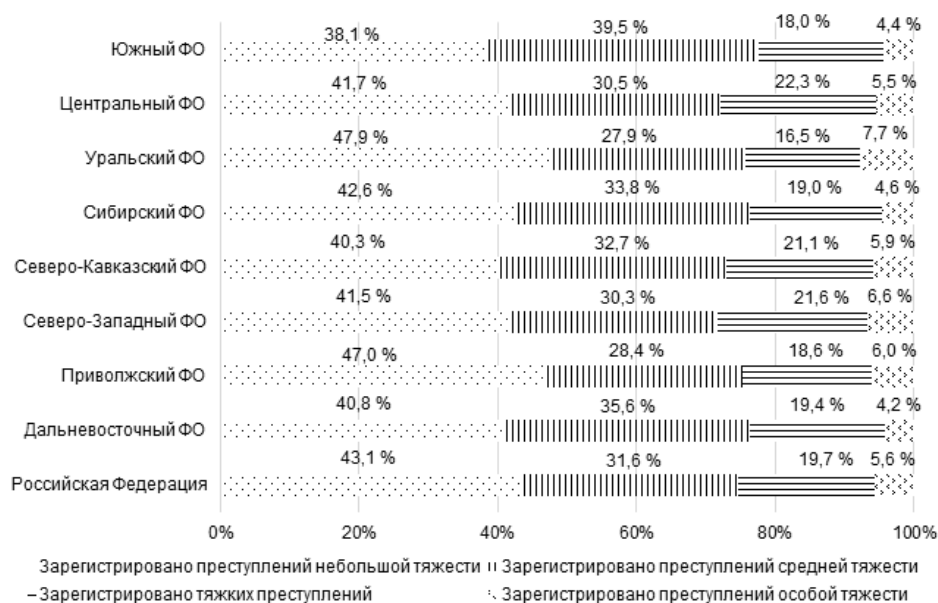

Рис. 5. Средние показатели структуры преступности в субъектах Российской Федерации

Оценки среднего (за 2017–2021 гг.) удельного веса преступлений, сгруппированных в зависимости от объекта посягательства, представлены в таблице 1 и на рисунке 6.

В таблице выделены ячейки, которым соответствуют максимальный удельный вес и минимальный удельный вес преступлений по соответствующим видам.

Таблица 1

Средний удельный вес преступлений (%) в регионах Российской Федерации за период 2017–2021 гг.

Регионы	Против жизни и здоровья	Против свободы, чести и достоинства личности	Против собственности	В сфере экономической деятельности	Против общественной безопасности	Против безопасности движения и эксплуатации транспорта	Иные преступления
РФ	7,4	0,08	48,3	1,8	1,6	3,8	37,1
ДФО	8,8	0,09	45,7	1,2	1,8	5,2	37,2
ПФО	8,3	0,08	47,2	1,9	1,1	4,1	37,3
СЗФО	7,0	0,11	49,5	1,8	1,2	3,2	37,2
СКФО	5,1	0,10	38,6	2,6	6,7	5,2	41,6
СФО	8,8	0,07	47,6	1,3	1,2	4,2	36,9
УФО	9,4	0,10	45,7	1,6	1,2	4,0	38,1
ЦФО	6,1	0,05	51,6	2,1	1,3	3,0	35,8
ЮФО	6,2	0,07	52,2	1,7	1,5	3,4	35,0

 максимальный удельный вес

 минимальный удельный вес

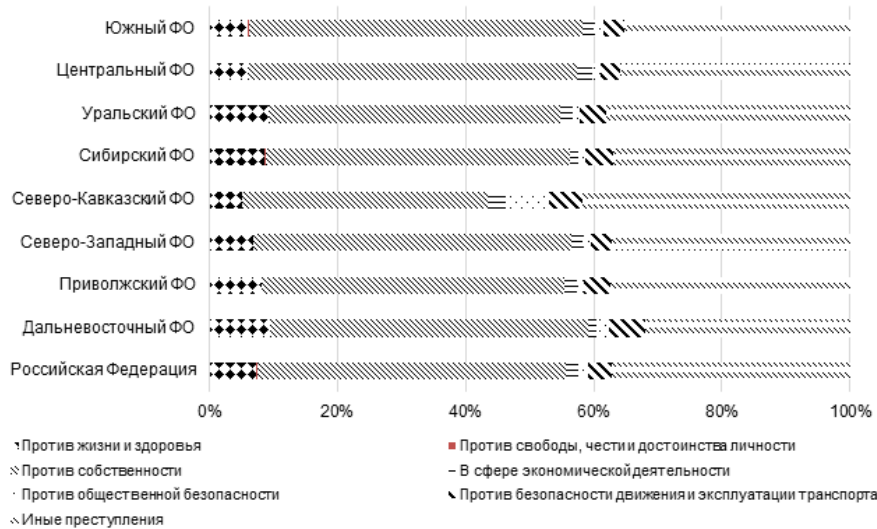

Рис. 6. Средние оценки удельного веса преступлений по объекту посягательства в регионах Российской Федерации за период 2017–2021 гг.

Представленные статистические сведения дают возможность обосновать криминологическую закономерность, в соответствии с которой наиболее высокий удельный вес преступлений средней тяжести выявлен в Южном и Дальневосточном федеральных округах, но на территории которых зарегистрирован наименьший удельный вес преступлений особой тяжести. Так, в Южном ФО на преступления против собственности приходится наибольший удельный вес среди всех федеральных округов; в Дальневосточном ФО удельный вес данных преступлений также значителен (5-е место среди всех федеральных округов), что свидетельствует о существовании корреляционной связи между высоким удельным весом преступлений средней тяжести и посягательствами, закрепленными уголовным законом в главе 21 УК РФ.

Также анализ приведенных статистических данных позволяет объяснить, почему наиболее высокий удельный вес преступлений небольшой тяжести и наименьший удельный вес тяжких преступлений приходится на Уральский и Приволжский федеральные округа. Так, в Уральском ФО преступления против жизни и здоровья занимают наибольший удельный вес среди всех федеральных округов; в Приволжском ФО удельный вес данных преступлений также значителен (4-е место среди всех федеральных округов), что свидетельствует о корреляционной связи высокого удельного веса преступлений небольшой

тяжести и посягательств, предусмотренных уголовным законом в главе 16 УК РФ.

Приведенные выводы носят в определенной степени диалектике мере эвристический характер, но они опираются на перспективы активного развития интегративной криминологии, что позволяет преодолеть риск известного «зачерствелого» аксиологизма при изучении криминальных явлений и процессов. Кроме того, такие и подобные им выводы отражают принцип релятивизма при изучении преступности, согласно которому любое полученное знание о криминальных проявлениях носит неполный и ограниченный характер, «никогда нельзя достичь "полного и окончательного" знания об исследуемом объекте» [9, с. 43]. Следовательно, данное исследование позволяет наращивать эвристический потенциал криминологических исследований, осуществляемых с использованием сложных статистических инструментов. Не случайно Ю. Ю. Комлев обоснованно указывает на то обстоятельство, что в условиях, когда российской «криминологией хорошо освоены статистические методы, позитивистская методология в целом... В своей основе сбор и статистический анализ эмпирических данных о преступности опираются на математический аппарат... использование методологической триангуляции [совместное применение различных статистических, криминологических, социологических, количественных, качественных и иных методов]

в исследовательских проектах дают реальный шанс еще более адекватно описать многомерную картину преступности в масштабах страны и ее регионов» [10, с. 9, 13].

Таким образом, проведенный статистический и криминологический анализ отдельных показателей структуры преступности в Российской Федерации позволяет сформулировать ряд следующих основных выводов: 1) в период с 2017 по 2021 г. наблюдается криминологическая тенденция к снижению доли регистрируемых на территории Российской Федерации преступлений небольшой и средней тяжести, сохраняется при одновременном росте удельного веса тяжких и особо тяжких преступлений; 2) преступления против собственности занимают менее 1/2 (среднее значение за 2017–2022 гг.) удельного веса от общей массы всех регистрируемых преступлений, что коррелирует

тенденции постепенного уменьшения удельного веса краж, грабежей и разбоев, но не влияет на сохраняющуюся высокую корыстную направленность современной преступности; 3) на примере Южного и Дальневосточного федеральных округов выявлена криминологическая закономерность, в соответствии с которой наиболее высокому удельному весу зарегистрированных преступлений средней тяжести (в среднем за 2017–2022 гг.) коррелирует наименьший удельный вес зарегистрированных преступлений особой тяжести; 4) на примере Уральского и Приволжского федеральных округов обнаружена криминологическая закономерность, согласно которой наиболее высокому удельному весу зарегистрированных преступлений небольшой тяжести (в среднем за 2017–2022 гг.) соответствует наименьший удельный вес тяжких преступлений.

Список источников

1. Скоморохов Р. В. Модель преступности в СССР: опыт системного анализ // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2021. № 3 (98). С. 113–125.
2. Иванова А. А. Интеграция познавательных и практических знаний при изучении криминологии // Законность и правопорядок. 2019. № 1 (21). С. 69–73.
3. Репецкая А. Л. Современное состояние, структура и тенденции российской преступности // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2018. № 1 (54). С. 151–156.
4. Михайлов А. Е., Тараканов И. А. Общеуголовная корыстная преступность: состояние и тенденции // Ученые записки. 2020. № 4 (36). С. 54–57.
5. Рогова Е. В. Корыстная преступность в условиях информационной глобализации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. № 2. С. 69–74.
6. Вакуленко Н. А. Корыстная преступность как основа криминализации современного российского общества // Философия права. 2020. № 1. С. 122–128.
7. Асмандиярова Н. Р., Гарифуллина Р. Ф. Корыстная направленность преступности в России и меры ее предупреждения // Евразийский юридический журнал. 2019. № 8 (135). С. 250–251.
8. Авдеев В. А., Авдеева Е. В. Правовой анализ общеуголовной корыстной преступности в Российской Федерации: состояние и тенденции развития // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2019. Т. 23. № 1. С. 102–122.
9. Гишинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2021. 602 с.
10. Комлев Ю. Ю. Интегративная криминология как основа методологической триангуляции при изучении преступности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 1 (27). С. 6–14.

References

1. Skomorokhov R. V. Model prestupnosti v SSSR: opit sistemnogo analiz // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennikh del Rossii. 2021. № 3 (98). S. 113–125.
2. Ivanova A. A. Integratsiya poznavatelnykh i prakticheskikh znaniy pri izuchenii kriminologii // Zakonnost i pravoporyadok. 2019. № 1 (21). S. 69–73.
3. Repetskaya A. L. Sovremennoe sostoyanie, struktura i tendentsii rossiiskoi prestupnosti // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo. 2018. № 1 (54). S. 151–156.

4. Mikhailov A. Ye., Tarakanov I. A. Obshcheugolovnaya koristnaya prestupnost: sostoyanie i tendentsii // Uchenie zapiski. 2020. № 4 (36). S. 54–57.
5. Rogova Ye. V. Koristnaya prestupnost v usloviyakh informatsionnoi globalizatsii // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2022. № 2. S. 69–74.
6. Vakulenko N. A. Koristnaya prestupnost kak osnova kriminalizatsii sovremennogo rossiiskogo obshchestva // Filosofiya prava. 2020. № 1. S. 122–128.
7. Asmandiyarova N. R., Garifullina R. F. Koristnaya napravlenost prestupnosti v Rossii i meri yee preduprezhdeniya // Yevraziiskii yuridicheskii zhurnal. 2019. № 8 (135). S. 250–251.
8. Avdeev V. A., Avdeeva Ye. V. Pravovoi analiz obshcheugolovnoi koristnoi prestupnosti v Rossiiskoi Federatsii: sostoyanie i tendentsii razvitiya // Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki. 2019. T. 23. № 1. S. 102–122.
9. Gilinskii Ya. Deviantologiya: sotsiologiya prestupnosti, narkotizma, prostitutsii, samoubiistv i drugikh «otklonenii». SPb.: Izd-vo «Yuridicheskii tsentr Press», 2021. 602 s.
10. Komlev Yu. Yu. Integrativnaya kriminologiya kak osnova metodologicheskoi triangulyatsii pri izuchenii prestupnosti // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2017. № 1 (27). S. 6–14.

Сведения об авторах

П. В. Тепляшин — доктор юридических наук, доцент.

В. В. Молоков — кандидат технических наук, доцент.

Information about the authors

P. V. Teplyashin — Doctor of Science (Law), Associate Professor.

V. V. Molokov — Candidate of Science (Engineering), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 11.08.2022; одобрена после рецензирования 29.12.2022; принята к публикации 15.03.2023.

The article was submitted 11.08.2022; approved after reviewing 29.12.2022; accepted for publication 15.03.2023.

Правила предоставления рукописей в журнал «Алтайский юридический вестник»

Рукописи предоставляются в виде распечатки текста в 1 экз. и в электронном виде, подготовленном в редакторе Microsoft Word, на одной стороне листа формата А4 через полтора интервала, шрифтом Times New Roman, размер – 14. Поля на странице – 20 мм. Объем текста (без авторских сведений, названия, аннотации и ключевых слов) – не менее 9 машинописных страниц. Оригинальность статьи должна быть не менее 70%.

Допускается наличие рисунков, таблиц, диаграмм и формул по тексту.

Рисунки размещаются в тексте статьи в режиме группировки и даются отдельными файлами на электронном носителе (формат – TIFF или JPEG, режим – градиент серого или битовый, разрешение – 300 dpi). Обязательно наличие подрисуночных подписей, названий таблиц.

Диаграммы выполняются в формате Excel в черно-белом варианте.

Формулы выполняются в редакторе Microsoft Equation. Не допускается применение вставных символов Word.

Каждая статья должна содержать:

- индекс УДК;
- сведения об авторе на русском и английском языках (Ф.И.О. полностью, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, адрес электронной почты);
- заголовок на русском и английском языках;
- аннотацию (примерно 700 символов) и ключевые слова на русском и английском языках;
- библиографическую запись;
- текст статьи;
- список источников.

Статья должна быть обязательно подписана автором (соавторами) следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками, ранее нигде не была опубликована. Согласен на публикацию статьи в свободном электронном доступе». Для соискателей ученой степени кандидата наук: «Текст статьи согласован с научным руководителем». Далее – дата, Ф.И.О. руководителя, его подпись.

Список источников нумеруется и располагается в порядке цитирования источников в тексте статьи, включает записи только на те ресурсы, которые упомянуты или цитируются в основном тексте, оформляется по ГОСТу Р 7.0.5–2008. Ссылки на цитируемую литературу даются в тексте цифрами в квадратных скобках, здесь же указываются цитируемые страницы: [1, с. 15; 2, с. 45]. Дополнительно приводят список источников на латинице («References»).

К статье, подписанной автором, прикладывается:

- рецензия с оригинальной подписью и печатью (рецензент должен обладать ученой степенью кандидата или доктора наук, научным званием доцента или профессора);
- подписанный лицензионный договор о предоставлении права на использование материалов в двух экземплярах (договор подписывают все авторы статьи);
- заключение комиссии по секретности о возможности открытого опубликования материалов;
- анкета автора (-ов).

К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях.

Все документы можно представить лично либо отправить одновременно в одном конверте (простым или заказным письмом без объявленной ценности) по адресу:

656038, Барнаул, ул. Чкалова, 49, Барнаульский юридический институт МВД России, Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел, журнал «Алтайский юридический вестник».

Идентичный вариант статьи и сопроводительных материалов высылается по электронной почте nauka_bui@mail.ru или altvest@bui.mvd.ru.